

СТАЛКЕР.

Александр Лобин

ПОСЛЕДНИЙ ВЫХОД

Александр Лобин

Последний выход

Вышел я рано — все еще спали, даже Малик, который сегодня дежурил. Ранец был собран еще с вечера, так что задерживаться необходимости не было. Воды на дорогу хлебнул и на выход, оставалось только отключить сигнализацию, открыть дверь — и я на воле. Возникла, правда, проблема, кто ее за мной закроет. Меня это уже беспокоить было по идее не должно, но, тем не менее, беспокоило.

На лестнице я все таки не выдержал и оглянулся — как-никак с этим бункером были связаны почти сто дней моей сталкерской жизни и не все они были такими уж черными. Горел ночник, журчала вода в фильтре, бывшие коллеги сопели и вскрикивали во сне — все было как всегда, только мое место у стенки теперь пустовало.

Пожалуй, молодые еще будут жалеть, что Ботаник от них уходит. Я не разыгрывал доброго папу, но это я, а не Глыба учил их ходить по Зоне, я объяснил им местную географию и политический строй. И в этом опять шел поперек новой политики — у нас теперь в деле воспитания молодежи налегали главным образом на исполнительность и почтение к старшим, а вот информацию целенаправленно придерживали, справедливо полагая, что молодой, слишком много знающий — например, дорогу к Бару — будет менее управляем.

Так у них и вышло, что из десяти оставшихся половина остаются ведомыми по определению. Или, того хуже, — отмычками, хотя у нас тут в таком инструменте редко возникала необходимость. Последний набор — Локоть, Лапоть, Пшено и Малик — кроме Кордона и Долины вообще ничего не видели, а тех, кто бывал хоть раз на Янтаре или Складах осталось после моего ухода всего двое. Чует мое сердце — Боцман еще хлебнет с этой славной командой...

До окончательного выхода в Зону мне оставалось подняться по лестнице, пройти через цех, а там или наверх через крышу, или прямо через пост в воротах. Первый путь был более скрытным, зато второй — короче. По расписанию на часах должен был стоять Локоть, парень тихий и порядком запуганный. Вряд он поднимет тревогу по поводу моего неурочного выхода, поэтому я предпочел второй вариант.

И ошибся — часовым стоял сам Боцман. Он сидел на стопе бетонных плит посреди двора и курил свою знаменитую трубку.

— Уходишь, Ботаник? — Спросил он, даже не обернувшись. Ждал он меня что ли? Радости в его голосе не было — все же я был достаточно ценным кадром — но и горя большого я в нем не заметил. Кадр-то я может и ценный, а все же не его.

— Ухожу, Боцман.

— И правильно — неожиданно сказал он — убьют тебя эти уроды...

Я от неожиданности чуть было не выронил автомат. Пожалуй, такого Боцмана — усталого и подавленного — я еще не видел, потому что лицо он держать умел. Он еще много чего умел — бывший рулевой с подводной лодки навсегда сокращенного флота. Чего он не мог, так это контролировать Глыбу. И теперь мы с Боцманом, последние из тех, кто пришел с Кротом от Агропрома, были при этом куркуле всего лишь вроде царских офицеров в Красной Армии — командовали, но не управляли.

— Пошли со мной — предложил я Боцману — тебя они тоже, наверно, достали.

— Некуда мне идти и незачем. Привык я здесь, расслабился... А-а... — Боцман достал флягу. Кадык на небритой шее дрогнул не меньше пяти раз, прежде чем он оторвался от нее. Я подсел к нему наверх, и мы закурили на прощанье, как будто не было между нами двух последних месяцев глухой вражды и жестких споров.

Потом он сунул руку в карман и достал оттуда нечто небольшое, от души замотанное в скотч.

— На, держи... — он сунул Это мне в руку.

— Что такое? — спросил я, взвешивая подарок на ладони.

— Здесь электронные ключи от подземелья и флэшка.

— Это же.... — я просто задохнулся от удивления.

— Ну да — ответил он равнодушно, словно выдал мне список очередных покупок для Бармена — Электронные ключи от двери в подземную лабораторию X-16. А на флэшке — коды для внутренних дверей.

— Откуда?

— От Меченого, конечно. Документы он в Бар отнес, а ключи потом Кроту передал перед тем как второй раз двинуться в Припять. Я один был в курсе, мне и досталось. Теперь, выходит, ты законный наследник.

— Думаешь там есть что-то достаточно ценное?

— Уверен. В Лаборатории, кроме тех документов, еще много чего осталось. Там аномалий не меньше, чем наверху, хабар копился годы... Меченый в тот раз брал только то, что само под ногами валялось, и то принес столько, что Сидору для расчета пришлось денег занять.

— Так что же Крот сам не брал и другим молчал? Непонятно.

— Это как раз очень даже понятно. Кроту успехи Меченого голову вскружили. Он планировал экспедицию в Припять, поэтому и потащил народ сюда — хотел серьезную команду натащить. Лабораторию на черный день придерживал. Чтобы поход на Припять финансировать знаешь, какие деньги нужны? Вот и допланировался.

— Пошли вдвоем! Неужели мы на пару это подземелье не сделаем?! Пошлем всех на хер и...

— Не хочу. Неинтересно мне все это, я и Крота отговаривал — только не послушал меня Крот. Гнилое место эта Долина, а Лаборатория — дырка в самую жопу. Я, если хочешь знать, вообще с Зоной завязываю. Такого риска...

Он не договорил. Неожиданно встал, бесшумно и стремительно спрыгнул вниз и бросился к воротам, открыл их... В сумраке мелькнула тень, отчетливо прозвучал частый топот — кто-то бежал через цех назад в бункер. Это мог быть Малик или Селезень, они сегодня первыми вставали на смену, а впрочем — без разницы. Любой из тех, кто остался за дверью, обязательно донесет Глыбе, и вопрос только в том, рискнет он его разбудить прямо сейчас, или подождет до общего подъема. Это значило, что форы у меня в лучшем случае час.

— Иди уже, — Боцман слегка подтолкнул меня в спину, можно сказать, по плечу хлопнул. — Бог даст, еще свидимся...

— Трое суток жду твоих сообщений. Если все же надумаешь, жду на Свалке. Место сбора ты знаешь....

Он сидел на плитах и свинчивал с фляжки крышку. Никаких других движений не делал, а мог бы! Вдвоем ввалиться внутрь со стволами наперевес, поднять Глыбу и устроить ему

капитальный разбор. И никаких красивых схваток на ножах. Три коротких очереди и все дела — оставшиеся только рады будут...

Это я уже додумывал, распахивая тяжелые створки ворот. Который раз за последний месяц я мечтал кончить Глыбу, а еще больше Калыма? Со счету собьешься... И что? И ничего! Кишка тонка у меня оказалась. Много чего в моей жизни было: бандюков я убивал, с вояками перестреливался, зомби и снайперов на Янтаре валил без счета, но вот стрелять в безоружного, да еще в своей хате — это я пока не мог...

* * *

Сложности начались раньше, чем я рассчитывал. Буквально в десяти шагах от ворот остановились на ночь три свиньи, полностью перекрывая мне путь к мосту. Поднимать шум я не боялся, они и так уже знают, что я ушел, только вот стрелять было все равно без толку — завалить трех кабанов одной обоймой совершенно нереально, а тот, что уцелеет, стопчет меня раньше, чем успею перезарядить. Поэтому я резко сбавил ход и медленно двинулся вдоль стены вправо. Зрение у этих тварей так себе, поэтому я легко сумел их обойти, вот только времени потерял многовато: пока через канаву к остановке, а потом вдоль дороги к болоту. Кабы не эти твари, я бы уже мост пересек...

Дела мои выглядели скверно — не сделай мне Боцман свой царский подарок, я ушел бы тихо, по-хорошему, и вряд ли меня стали бы сильно задерживать, в конце концов, я никому не задолжал и был вполне в своем праве. Однако, не судьба. Если неизвестный мне доносчик увидел и услышал достаточно много, вцепятся теперь всей толпой как бульдоги. Они же всегда подозревали, что у стариков есть какие-то захоронки, оставленные Крогом. Косились, намекали, — оказывается, не зря! Трудно будет Боцману с ними объясняться.

Но за Боцмана я боялся все же не слишком сильно. Не будут же они его пытаться, в самом деле? Да и незачем уже, ключи-то у меня. А Глыба все таки не полный отморозок, чтобы кончить последнего настоящего сталкера в своей команде. Без меня и Боцмана, людей не самых авторитетных, но все же известных, его команда выглядела откровенным сборищем дикобразов. Это для наших молодых Калым представлялся большим человеком, а для тех, кто работает с Барменом, он никто и звать его никак. Да и сам Глыба мало кому интересен. Случись серьезная разборка, его слово в Баре будет весить немного.

Размышляя о том и об этом, я не забывал двигать ногами, которые несли меня в южную сторону. Пока что у меня была вполне конкретная цель — оторваться от бывших товарищей. Логика советовала действовать как раз наоборот — если б я пошел на запад, то оказался бы в Баре уже к обеду. Или мог бы затеряться на хорошо известной мне территории Агропрома. Но Глыба тоже логику знает, стало быть, главная погоня будет там. А я пойду на юг, к Сидору.

В сложившейся ситуации мне, прежде всего, надо было проскочить выход из Долины — есть там такой хитрый тоннель, который, к сожалению, легко могли перекрыть всего два человека. И торопиться следовало всерьез. Кроме очень небольшой форы по времени, у меня был бронежилет и ранец с барахлом, а они побегут налегке, так что условия выходили примерно равные.

Это был явно не мой день. Я еще и болото обойти не успел, когда у ворот загревели выстрелы — догоняющие расстреливали тех кабанов, что сорвали мне старт. Пришлось лечь

на землю. Мой КПК был, конечно, отключен, а вот датчиком движения они еще вполне могли меня засечь. В Долине как назло было исключительно тихо. Рассвет подступал вплотную, уже обозначились кроны деревьев, ясно виднелись окна чистой воды посреди камышовых зарослей, в которых я сейчас пребывал. И вот я лежа любовался пейзажем, а Глыба и компания уже спешили мне вдогон.

Как я и ожидал, они разбились на две группы. Первая продвигалась по направлению к Бару. Их было четверо, и по тому, как быстро они шли, как уверенно обходили аномалии, я понял, что это самая опытная, а потому особо опасная для меня часть команды. Они спешили. По всем расчетам я должен был миновать бугор, затем выйти на очень открытый участок и если поднажать, то вполне можно было с этого самого бугра снять меня из снайперской винтовки — хорошо, что я пошел не туда.

Вторая группа двигалась намного медленнее, хотя перед ними как раз расстилалось гладкое шоссе, где аномалий было раз-два и обчелся. Их трусость давала мне вполне приличный шанс успеть к тоннелю первым.

Марш-бросок получился еще тот — с полной выкладкой и по пересеченной местности. Через каждые полсотни метров приходилось делать короткую остановку, чтобы оглядеться и прислушаться. Встреча даже и с одиночным мутантом для меня сейчас была бы фатальной — без стрельбы от твари вряд ли уйдешь, а стрелять было никак нельзя — услышат. Однако бог миловал, пока я шел без лишнего шума. Моим противникам явно пришлось много хуже — дважды прозвучала беглая стрельба из дробовиков. Это как-то уравнивало шансы, но опередить их намного все же никак не удавалось. Получалось, что в тоннель, даже в самом удачном случае придется прорываться у них на виду.

Удачного случая опять не получилось. Когда я добрался до сараев — группы пустых каменных строений непонятного назначения, зато обнесенных стеной — преследователи были совсем рядом, и попытайся я выйти сейчас на дорогу — неминуемо столкнулся бы с ними лоб в лоб.

Значит не судьба.

Я вытащил бинокль и оценил противника. Могло быть и хуже: в этой четверке не было ни Глыбы, ни Калыма, ни даже Колчана. Селезня я узнал по длинной шее, а насчет остальных и гадать было нечего — Локоть, Лапоть и Пшено...

Идею договориться с ними как-нибудь по-хорошему я отбросил сразу. С одним это было бы легко, с двумя — вполне реально, но Селезень был все-таки Калымовым напарником и вряд ли он рискнет ослушаться приказа.

Оставался только один выход, хлопотный, но вполне реальный: спрятаться где-нибудь, благо подходящих мест в Долине много, а сил, чтобы контролировать оба входа и одновременно провести полноценную облаву у них маловато. Переждать день, а рано утром — нипочем они не решаться просидеть ночь в засаде — уйти. Тем более, что стопроцентной уверенности в том, что я еще здесь у них быть не может...

Но и этому, наилучшему для всех участников конфликта, варианту осуществиться не удалось — пока я любовался из укрытия на дорогу, меня самого облюбовала на завтрак парочка засевших в ближайшем сарае собак. Руки все сделали сами: приклад в плечо, предохранитель вниз, палец уже на спуске и... Первую срезал метров с десяти, второй почти удалось добежать и я встретил ее очередью прямо в прыжке.

Рухнул под ноги еще дергающийся труп, последняя гильза исчезла в траве и снова наступила тишина. Уже не скрываясь, я вышел к воротам сараев. От Селезня и компании

меня отделяли всего полста метров. И тут случилось то, на что я и рассчитывать не мог — вместо того, чтобы доложиться по рации и бежать своим курсом к тоннелю, эти придурки развернулись в цепь и двинулись в мою сторону. Правда не сразу — сначала Селезень дал пинка Локтю, только после этого вся четверка перешла на рысь.

Выслужиться хотят, надо понимать. Селезень дал неприцельную очередь, взвизгнули от стенки рикошеты. Стоять столбом и на виду я не стал, а меня на ходу обойму, скользнул за стену...

* * *

Они стояли ко мне спиной, и со своей позиции я мог бы положить обоих буквально одной очередью. Только убивать в мои планы пока не входило. Одно дело спокойно уйти по-английски и совсем другое — расстреливать в спину людей, с которыми я вчера еще ел из одного котелка. Для одиночки репутация порой ценнее денег и до сих пор мне удалось ее сберечь.

Позиция, по правде говоря, была так себе — я стоял за углом трансформаторной будки, и не заметили они меня только потому, что смотрели в другую сторону. Те еще бойцы, прости господи. Каждый из них предпочел бы укрыться в каменном сарае, таком заманчиво надежном и непробиваемом, потому и от меня они ждали такой же глупости — забиться в каменный мешок, выходы из которого так легко перекрыть.

Лапоть остался снаружи — контролировал ворота. Пшено, спотыкаясь и чересчур осторожничая, крался вдоль стенки, чтобы взять на мушку ту сторону. Селезень и Локоть осторожно продвигались вперед, вполне грамотно выцеливая южные выходы. Стволы наперевес, крадутся, понимаешь ли, спецназ недоделанный...

Я поднял камушек поменьше из тех, что щедрой россыпью валялись под ногами, и бросил его в проем ближайших ворот. Получился негромкий, но отчетливый «брякс». Сомнения в моем местонахождении у них пропали окончательно: эти двое резво обошли входной проем и встали по краям — мышеловка захлопнулась, только мыши в ней не было. Теперь и Селезень и Локоть стояли ко мне боком. Могли бы, между прочим, и заметить...

Это был самый рискованный момент — мы стояли на таком расстоянии, что превосходство в количестве стволов было важнее умения стрелять. Шаг, шаг, еще шаг.... Не слышали. Не заметили. Я уперся в стену и начал смещаться вдоль нее к пролому. Спина под ранцем и броней была уже совсем мокрой.

Я перенес наружу левую ногу, еще секунда — и ушел бы, выход из Долины был вполне свободен и близок. Пока они разберутся, кто где стоял, я успею уйти достаточно далеко, чтобы не беспокоиться о выстрелах в спину...

И тут Селезень заговорил, едва ли не впервые на моей памяти...

— Эй, Ботаник! — Гаркнул он — бросай, сука, ствол сюда. Мы тебя не больно застрелим! Мы тебя живым сдадим...

Он неожиданно шагнул в проем и выдал от пояса очередь в полмагазина, целясь куда-то ниже пояса, отскочил назад и снова замер слева от входа. В сарае шуршала осыпающаяся со стен штукатурка, и этот звук окончательно убедил их в том, что я внутри. Лапоть уже бежал от ворот, торопясь обойти сарай и поддержать оставшегося в одиночестве Пшена. Меня неприятно поразила готовность, с которой эти уроды, еще вчера с раскрытым ртом

слушавшие мои рассказы, сегодня спешили меня же прикончить в угоду своим ненавидимым боссам. Видимо поэтому я не бросил их тут караулить пустое строение, а застыл в своем укрытии, дожидаясь продолжения. И дождался....

— Эй, Ботаник! — Снова подал голос Селезень. — А ты знаешь, как плакал перед смертью твой дружок Монах? Просил по-честному добить, обещал все свои захоронки отдать, только говорит, не кидайте меня, братцы, в аномалию. Ты думаешь, он у нас так просто помер? Хочешь как он? Ну и сиди там, на здоровье, куда ты денешься!

Он опустил на секунду оружие и включил рацию, какими мы пользовались между собой для связи — в пределах Долины это было удобнее, чем общаться по сети через КПК.

Но сказать ничего не успел. Первая пуля ударила его в плечо, разворачивая ко мне лицом, а следующие две пошли выше, превращая это самое лицо в мешанину из костей и мозгов. Громко лязгнув в падении его автомат, сползло по стенке тело, дважды дернулась левая нога, и Селезня не стало.

Локоть стоял рядом с ним весь белый и перекошенный, за свой «моссберг» он держался только чтобы не упасть, и такая меня вдруг брезгливость одолела, что оставшиеся патроны я расстрелял не в него, а в то, что еще минуту назад было Селезнем. Оставшиеся двое вышли сами, и ни один не попытался не то что выстрелить в меня, а даже просто убежать. Встали в ряд, стволы смотрят в землю — меня буквально оторопь взяла.

Монолит Великий и Меченый Мученик — кого ж ты нам набрал на смену, Глыба? Что ж такое с ними Калым сотворил, что они теперь людей больше смерти бояться?! Но оторопь оторопью, а руки действовали сами: я сменил магазин и взял всех троих на прицел.

— Он правду сказал? Насчет Монаха? — я стволом указал на покойного Селезня.

— Не знаю... — ответил шепотом Локоть.

Я выстрелил, целясь поверх его головы. Пуля прошла выше, но снап огня, летящий практически в лицо, привел их в нужное мне состояние.

— Я слышал, — торопливо ответил Лапоть. — Вчера Селезень с Калымом базарил. Говорил, что вот с Монахом разобрались, хорошо б теперь и Ботаника в какую-нибудь «жарку» уронить. А Калым сказал, что незачем, Ботаник и так уже вещи пакует. Уйдет он, тогда и возьмешь его где-нибудь возле хутора, если руки так чешутся...

— Идите...

И они пошли, даже оглянуться не посмели. А я остался стоять, мучительно жалея, что выстрелил так неудачно. В ноги надо было бить, по коленям! Вот я бы с ним тогда поговорил.... Я нагнулся и начал обшаривать труп. Рыться голыми руками в рваных тряпках, пропитанных еще несвернувшейся кровью, мне уже не было противно. И я нашел ее, любимую монаховскую фляжку, с которой он не расставался ни на минуту. Пули продырявили ее в двух местах, но кое-что там еще осталось, и я старательно допил ее — противную, дешевую, обильно смешанную с кровью водку, — помянув разом и Монаха, и Крота, и всех, кого я тут успел потерять.

Призывно пискнула рация, так и оставшаяся включенной. Я осторожно взял ее в руки, отжал скользкую от крови клавишу. Голос Калыма звучал очень ясно.

— Але, Селезень! Ты оглох, или ох. л, я не понял? Что у вас там за стрельба стоит? Ты что, не въехал — Ботаник нам нужен только живой, слышишь?!

Заманчиво было отжать клавишу вниз и порадовать бывшего коллегу свежими новостями. Уверен, что какой-нибудь Стрелок — то есть не тот Стрелок, что реально топтал Зону пару лет назад, а одноименный киногерой, украсивший парочку культовых

блокбастеров, — так бы и сделал. А потом вернулся бы на базу и в одиночку разобрался бы и с Калымом, и с Глыбой и с десятком других, не имеющих прямого отношения к делу. Но первая волна бешенства уже ушла, оставив металлический привкус во рту. Ей на смену пришел трезвый расчет, выработанный годом вольной жизни.

Поэтому я кинул рацию обратно владельцу и пошел через пролом в стене на выход из Долины. У меня пока еще были все шансы выйти из этой переделки живым, а разборки от меня не уйдут.

Как только я отошел от сараев метров на полсотни, там вдруг началась ужасная пальба. Дважды прогремел автомат, в ответ застучали дробовики. Я насчитал не меньше двух десятков выстрелов. Но стреляли не в меня. Интересно...

Скрываться смысла больше не было, и я включил КПК. Судя по появляющимся и исчезающим меткам на детекторе движения, отпущенные мной молодые не побежали сломя голову на базу, рассказывать, как ловко я их победил. Они прыгали на месте своего бесславного сражения и поливали огнем пустые сараи, имитируя следы ожесточенного сражения. Молодцы. Вполне могут выкрутиться, глядишь, и сочинят для Глыбы подходящую сказку.

Мне, по большому счету, это было только на руку — четыре зеленых огонька, обозначавшие местонахождение владельцев этих КПК, двигались к сараям, а не к выходу и сейчас как раз пересекали болото.

С момента моего подъема не прошло еще и двух часов!

* * *

Туннель я миновал вполне благополучно — в этот раз здесь не крутилось ни одной собаки. Самый короткий путь на хутор шел через АТП, но здесь я начал уже осторожничать, поэтому туда не пошел. Очень уж мутный народец в этом углу кучковался, самые отбросы даже по меркам дикобразов, и как они примут идущего своим курсом одиночку, заранее предсказать было сложно. Поэтому я взял правее и прямо через кусты в хорошем темпе двинул к автобусной остановке. Ближе переходить дорогу не рекомендовалось — под мостом стоял армейский пост и солдаты не трогали только тех, кто открыто шел к ним с гостинцем, а просто идущего мимо запросто могли и обстрелять, демонстрируя начальству рвение и меткость.

Засиделся я, однако, в Темной Долине. Место хорошее, даже, можно сказать, спокойное. Бандюки теперь появляются редко, аномалии известны наперечет, а самых опасных тварей мы выбили. В итоге я за последние два месяца пару раз сбегал до Бара, раз восемь к Сидору, и хотя ходили под рюкзаками, но все же основной груз мы отдавали молодым, а я как проводник тащил что полегче и поценнее. И за хабаром мы ходили налегке. Последствия такой курортной жизни проявились очень быстро — я еще и до остановки не дошел, а дышалось уже с трудом. Пока я бегал наперегонки это как-то меньше ощущалось, а теперь каждый сапог весил, казалось, не меньше пуда... Когда добрался, из под брони уже пар валил.

В принципе, на остановке можно было бы посидеть, отдышаться и принять чего-нибудь внутрь. Как-никак последний раз я ел вчера вечером, да и то без особого аппетита. Ноковыряться с консервами сейчас, в двух часах пути от места, где можно было бы нормально

пообедать, было глупо, к тому же от АТП жутко тянуло дохлятиной, что тоже аппетит не улучшало.

Дело в следующем — артефактов на Кордоне почти не водилось, поэтому статей дохода у местных дикобразов было всего две: таскать для торговца грузы и отстреливать тварей, из хвостов, копыт, клыков и черепов которых получались прекрасные «зоновские» сувениры. Бизнес был не такой уж и хилый, в Харькове за хороший череп давали две штуки, за «сталкерский» крест из собачьих клыков — штуку, а в Москве цены вырастали уже втрое.

Беда в том, что основное производство вели вояки в своих мастерских на северной базе, а здесь осуществлялась только добыча и самая грубая первичная обработка — вываривание костей — отчего и запах был как на скотомогильнике. Да и охотников здесь водилось многовато, в итоге получалось только на пропитание и пропивание.

Впрочем, большинству здешних обитателей этого вполне хватало. На Кордоне постоянно обитали только слабаки и неудачники. Точно знаю, что большая половина здешних героев не добиралась даже до Свалки. Были и просто спившиеся, опустившиеся, потерявшие кураж сталкеры. Одно слово — дикобразы. Сидор эту публику не жаловал, поэтому они селились здесь, понемногу изводя на дрова все, что могло гореть. Вот и сейчас слышался стук топоров и визг пилы.

Отдышавшись и перекурив, я изготавился к последнему броску. На Кордоне было тихо. Не слышно было ни стрельбы, ни близкого повизгивания собак, ни криков сидящих на трупах ворон, вообще ничего — только деревья листвой шелестели. Кордон у бродяг за настоящую Зону не считается. Это, конечно, не значит, что здесь нельзя было встретиться с голодными псами или влететь в аномалию. Еще как можно. Но радиация здесь минимальная, воду из луж можно было пить практически без очистки, а Выбросы сюда почти не доходили, так что даже в погреб было лезть необязательно.

К Сидору я шел не по дороге, а самым скверным здесь путем: по правой стороне через овраги и скопление аномалий — зато скрытно. Для одиночки конспирация важнее скорости — эту истину покойный Букварь вбил мне в голову крепко. Аномалии тут стояли часто, но пройти вполне было можно. Я здесь, правда, давно уже не был, кое-что подзабыл, поэтому нарезал пару лишних километров прежде чем выбрался. Что касается тварей, то я не встретил ни одной, что, в общем-то, довольно странно — перебить их всех не удавалось никогда даже на пятый день после Выброса.

Зато сидоровский хутор выглядел как всегда: горел костер, зеленела трава, а по центральной улице без внятной цели взад-вперед бродили новички. Ветер дул в другую сторону, относя от меня звуки и запахи, но я и без того знал, что там бренчит гитара и варятся в котелке макароны. Идти по улице, вступая в какие-то разговоры и привлекая ненужное внимание, я не хотел, поэтому обошел хутор стороной и вырубил прямо ко входу в бункер.

* * *

Сидор как всегда предпочитал обходиться без охраны. Чужие и нежелательные гости через тамбур с двойной автоматической дверью пройти все равно не могли, а в случае необходимости он мог в любой момент вызвать подмогу хоть с армейского поста. Вояки были его главной крышей, потому что сбывал он именно их товар: списанные тушенку и

боеприпасы, курево и водку, макароны и белье. А еще он делал неплохой бизнес на старом оружии и снаряжении, которое скупал у проходящих сталкеров и после ремонта продавал молодым по цене нового.

В этот раз я простоял у дверей много больше обычного. Я уж начал опасаться, а не вышел ли Сидор куда погулять, хотя мысль была предельно идиотской — кому как не мне знать, что наверх он не вылезал с того момента как сюда пришла Зона.

— Ты что ли, Ботаник?! — раздалось наконец из динамика.

Я скинул капюшон, давая себя рассмотреть, и ответил:

— Конечно, я, кто же еще с моей вывеской может ходить?

Дверь открылась.

Случилось что-то очень скверное, это я понял, только глянув ему в лицо. И еще — торговец, в первый раз за время нашего знакомства не протянул мне руки.

— Что стоишь? Входи, садись, рассказывай, — прогудел Сидор, откидываясь в кресле.

Я сел. Все заранее обдуманнные фразы из головы куда-то вылетели. Объяснять на самом деле ничего и не требовалось: он и без того уже видел, что я один, без товара, зато с полной выкладкой. Ежу понятно, что я теперь сам по себе.

В конце концов, первым разговор начал Сидор — он все же не с восточного базара, чтобы два часа беседовать о погоде и здоровье перед тем как продать пачку чая. Даже если к нему пришел наследник его давнего торгового партнера.

— Ты утренние новости уже смотрел? — спросил он, сверля мне переносицу тяжелым мутным взглядом.

— Нет еще, я обычно вечером смотрю, перед сном. — Ответил я.

— Значит, ты еще не в курсе, что Боцмана убили?

— Когда? Кто?

— Сегодня в семь утра. А по поводу «Кто убил» Глыба хочет у тебя спросить, вот так.

Все же что-то для меня благоприятное он у меня на лице прочитал, улыбнулся, правда, как-то невесело и протянул мне уже налитый стакан водки. Я выпил не чувствуя вкуса и торопливо включил ПДА.

Свежих сообщений было немного: вояки проводили очередной рейд по Припяти, на Армейских Складах опять объявилась пара кровососов, возле Бара наемники обстреляли группу сталкеров... Вот, выделено жирным траурным шрифтом: «23.12.2013. - 7.11. Темная Долина. Владислав «Боцман» Заручко. Колотая рана в живот»...

Несколько секунд я тупо смотрел на это сообщение. Лично у меня вопросов не было — я ушел сразу после шести и он был совершенно здоров. Это я знал. А еще я знал одного урода, который обожал играть армейским штык-ножом, и делал это, надо сказать, очень даже профессионально... Только что и как я смогу доказать, если спросят?

Дальше шла парочка малопонятных кодированных сообщений, которыми обменивались Привод и Гуль, а потом еще одно, на тот раз — вполне открытым текстом: «Ботаник отзовись. Кто-то зарезал Боцмана. Скорее помоги разобраться. Глыба». Подробностей, к сожалению, не было: где нашли, когда, умер ли он сразу — ничего.

Впрочем, чтобы смешать меня с дерьмом вполне достаточно: Ботаник ушел, а Боцмана нашли убитым. То, что я с ним последнее время не ладил, знали многие, а очень скоро будут знать все...

Это называется — попал... И главное, как просто и легко он меня переиграл! Полчаса назад я не собирался воевать лично с Глыбой, а теперь хотел бы — да руки короткие. Любое

мое выступление против будет расценено соответственно.

Сидор перегнулся через стол, забрал у меня пустой стакан и толкнул в плечо.

— Не спи, сталкер, рано! Ну-ка быстренько отбей ему ответ, плевать чего, но пусть все знают — ты ни от кого не скрываешься. Давай.

Негнушима пальцами я отбил первый же пришедший в голову текст: «Я ушел в половине седьмого. Меня провожал Боцман. Чужих не видел. Ботаник». Не думаю, что это послание кто-то воспримет всерьез, но, по крайней мере, я не сказал ничего лишнего.

— Рассказывай. — Приказал мне Сидор, наливая себе.

Вряд ли он узнал от меня много нового. О том, как Крот напоролся на хитрую растяжку в одном из тайников Борова, ему уже было известно. Дальше начинался сор, который мы до сих пор старались из избы не выносить: лидером автоматически по старшинству стал Боцман, но мы с Монахом его за большое начальство с самого начала не держали, а Ватсон и Косяк просто ушли. Глыба появился у нас через месяц и в отличие от нас, бузотеров, сразу нашел с Боцманом общий язык. Выступал он мало, но по делу: организовал нормальный график дежурств и выходов, озаботился проблемой воды и питания, а когда его начали воспринимать совсем всерьез, взялся за реформу финансов.

До этого каждый из нас работал в свой карман и сам закупал все, что считал нужным. Глыба предложил сдавать хабар в общий фонд и сбывать его централизованно, не тратя время на лишние ходки и не перебивая друг другу цены. Бабки подбивали перед каждым новым Выбросом и каждый получал свою законную долю в строгом соответствии с количеством добытого. Из общака выплачивали среднюю дневную зарплату тем, кто оставался дежурить на базе, а закупки тоже производили по общему списку.

Эта система имела свои плюсы, особенно с таким толковым финансовым директором как Глыба. По деньгам у меня к нему вопросов не было — расплачивался он честно и без проволочек. Другое дело, что теперь каждый из нас кормился из его рук, что совершенно не устраивало Монаха, который предпочитал свои расчеты делать сам. Поэтому мы до самой гибели напарника работали по старой системе. Однако Боцман ее принял и новички были Глыбой очень даже довольны, так что мы вдвоем остались в меньшинстве.

Лично меня гораздо больше волновала не экономическая политика, а кадровая и внешняя. Кончились регулярные заходы в Бар, рейды на Свалку и другие окрестности. Глыба предпочитал доить синицу в руках, поэтому мы работали строго в пределах Темной Долины, а выходили из нее только чтобы сдать хабар, купить боеприпасы и жратву, да еще вербовали у Сидора новичков. Причем новичков тоже набирал сам Глыба, и его критерии отбора мне с самого начала казались странными. Он как назло тащил их к нам только по одному — ни в коем случае не сложившуюся группу — а народ был хотя и не слабый, но какой-то очень уж несамостоятельный.

При этом обучали их строго по минимуму — никаких тебе тренировочных выходов на Агропром, — а вооружали и снаряжали соответственно. Ни у кого из тех, кто пришел к нам в последний месяц, не было не то что брони или ПНВ, но даже и КПК. То есть — ни своего счета, ни регистрации в сети, ни выхода в эту сеть. По всем нормальным понятиям они были совершенные дикобразы, которым ни денег перебросить, ни сообщение послать, а вот помрут они — никто и не узнает. Вот, например, сообщения о гибели Селезня в сети нет, а стало быть, и не было в природе такой птицы, даже предъяву мне сделать по закону и то нельзя.

Крот, помниться мне, придерживался других принципов — если принятый в его

команду новичок не обзаводился за первый месяц необходимым минимумом снаряжения и соответствующими навыками, его просто выгоняли. Результаты, как говорится, налицо: если бы утром вместо этих двоечников против меня работала нормальная бригада обстрелянных бродяг, я бы тут не сидел...

Короче, я рассказал Сидору все, за исключением подарка, что сделал мне на прощание Боцман. Сначала мне хотелось самому посмотреть, что там такое храниться.

— Вот, значит, как у вас все запущено было.... — задумчиво протянул Сидор. — Я примерно так и понимал, но ты меня Ботаник все же удивил, уж больно быстро все сломались...

— В смысле?

— Есть у нас, стариков, такое мнение, что Темная Долина — место нехорошее.

— Ну, знаю. Бандитское гнездо, там Боров обитал.

— А знаешь ты, что у Борова в прошлом было вполне нормальное погоняло — Кабан — и начинал он нормальным бродягой, а учителем у него был сам Хемуль, который гнилых за километр чуял? Боров сменил масть только когда обосновался в вашей Долине, да и то не сразу. Там и до него люди жили и каждый раз у них какая-нибудь херня приключалась: полгода не пройдет обязательно все перессорятся в дым, а бывало, что и до стрельбы доходило, вот так...

Водка в этот раз сыграла со мной скверную штуку. Я вдруг обнаружил, что сижу на стуле, свесив голову до самых колен, и в голове этой стоит полнейшая тишина. Все слова, что Сидор мне сейчас говорил, я понимал прекрасно, но сам ответить не мог, словно начисто забыл родную речь.

— Эй! Сталкер. — Сидор похлопал меня по плечу. — Ты мне только тут не засни. У меня не гостиница, диванов для клиентов не держу.

Я собрался с силами и кивнул.

— Ну вот и ладненько... Значит так: давай бери зачем пришел, а я пока подумаю, что мне с тобой делать.

Ну, это мы мигом — список всего необходимого я составил еще по дороге сюда. Значит так: коврик туристический (не спать же на голой земле), большая емкость и набор фильтров (вода для одиночек главная проблема); затем глушитель для «Стечкина», патроны, аптечки, сухое горючее, влажные салфетки и свежие носки — мне теперь много чего требовалось, вплоть до туалетной бумаги. Кроме того, я взял шоколад, галеты и десяток сухих пайков. Такая диета гарантировала мне жесточайший запор уже на следующей неделе, но выбора не было совершенно — таскать с собой консервов на неделю я физически не мог. В конце концов, мой ранец и так раздулся до такого объема, что смотреть стало страшно, не то что залезть по него.

И только после того, как мы с ним полностью рассчитались, Сидор приступил к главному:

— Дела твои выходят скверные, сынок. Я тут все утро занимаюсь твоей темой и получается вот что: напрямую тебя никто ни в чем не обвиняет. Пока. И «Долг» тебя в черный список не занес. Но если встретят — проводят в Бар, и там тебе придется многое объяснить, а до тех пор с тобой никто никаких дел иметь не будет. Второе: уголовное дело в отношении бывшего заместителя Исследовательского центра В. В. Каленкова прекращено постановлением Генеральной прокуратуры в связи со смертью обвиняемого...

— И что?

— Ты тупишь? Или забыл, почему в Зону подался? Я говорю, что ты, сынок, больше не в розыске. Можешь возвращаться в родную хату. Хотя, что ты там делать будешь я не в курсе — в Центр тебя больше не примут даже дворником. Но если ты достаточно скопил, тогда вперед — расценки на выход ты знаешь. Делов примерно на неделю, если торопишься — три дня, но выйдет втрое дороже. Так что — готовить тебе документы?

— Готовь. Через неделю....

* * *

Отдыхать я устроился на нашем с Монахом старом месте — чердаке одного из домов. Оттуда я прекрасно видел и улицу и центральную площадь поселка, где, как всегда, толпилась большая часть местного населения. Всерьез мне это убежище совсем не подходило, слишком на виду, но сил идти куда-то прямо сейчас уже не было, требовалось хотя бы поесть и немного проспать после сидоровского угощения.

Я разложил свои манатки и осторожно выглянул наружу. Ни Волка, ни Шустрого на месте не было, а жаль. Если кто-то и мог мне реально поверить и помочь, так это они. Сейчас на почетном месте у костра сидел сам Дикобраз — а где же ему быть, если водкой и макаронами угощают здесь? Судя по возбужденным лицам местного молодняка, он травил им сталкерские байки. Чем, главным образом, и зарабатывал на жизнь. Хотя нет, вру — еще он неплохо ремонтировал снарягу, потому и обитал поближе к Сидору, а не на АТП.

Ну, так и есть — бутылка водки появилась в объективе. Давайте, пацаны, не жалейте — дядя Дикобраз вас многому научит. Сам он, правда, дальше старого блокпоста не бывал, но лапши развесить может много, главное не забывайте подливать. Дикобразом его, правда, звали без злого умысла, а только за стоящую торчком шевелюру. И все равно погоняло получилось на редкость двусмысленное...

Досыта налюбовавшись на чужие посиделки и не заметив ничего лично мне угрожающего, я решился, наконец, прилечь. Но перед этим все же распаковал боцманский сверток. Там, как и было сказано, лежала пара пультов с двумя кнопкам на каждом и флэшка. Пришлось включить КПК.

Да, эта информация стоила утренних приключений. Никаких карт Припяти и подходов к ЧАЭС я там не нашел, зато были в наличии карты Агропрома с несколькими неизвестными мне тайниками, схемы подземелий под Агропромом и Темной долиной, координаты легендарного тайника группировки Стрелка и главное — коды от дверей в лаборатории Х-16, о которых говорил Боцман. Будь Темная Долина свободна от Глыбы, я мог бы хоть сейчас туда пойти и притащить Сидору такой хабар, что не жалко будет из Зоны валить.

* * *

Мне снился один из тех снов, что преследовали меня с самого первого Выброса в 2006-м и особенно сильно — в последние месяцы. В этом сне я был «электрой». Стоял себе, никого не трогая на полпути между Баром и Складами, а какие-то бродяги обкидывали меня болтами. В принципе, это было что-то новенькое — аномалией я еще не был. Как правило, я

просто видел Зону, причем, хотите верьте, хотите нет — но многие места и даже людей я узнал задолго до того, как встретил наяву. Подозреваю, что и подземелья — самая неприятная разновидность кошмаров, — существовали в объективной реальности.

Это сновидение закончилось совершенно внезапно, словно кто-то оборвал коннект, так я и не узнал, сумели они мимо меня пройти или нет. А потом, совсем без переходов, я очутился в нашей палате. Здесь все было лучше и правильней: за окном цвела наша липа, на верхней кровати сопел Ромка, плясали пылинки в косых лучах солнца и птицы пели так, что сразу же хотелось заплакать навзрыд. Вот на этой мажорной ноте я и проснулся окончательно.

Здесь тоже была липа, только давно и безнадежно засохшая, за забором орали вороны, и только пыль в столбах света кружилась точно также. А еще кто-то бродил внизу, демонстративно громко топая и отдуваясь.

Я протянул руку и взялся за автомат.

— Эй, Ботаник? Ты что ли здесь? Кинь-ка мне лестницу, а то с моим брюхом по деревьям лазить трудно! — Голос был дикобразовский. Ему-то от меня чего надо? Ну, раз уж он меня как-то нашел, прятаться глупо....

Я спустил наружу лестницу и присел за печную трубу.

Сначала в окошке появился чайник, зажатый в мощной волосатой руке, затем вторая пустая рука и после этого весь остальной Дикобраз протиснулся в мое убежище.

— Ты ствол-то апусти-и — прогудел он, передразнивая здешних часовых, которые относились к соблюдению обычаев на редкость трепетно, даже строже, чем должовцы.

— Как ты меня нашел? — спросил я, откладывая оружие в сторону.

— Вот тоже мне, ньютон бинома... — Дикобраз не спеша и основательно уселся, поставил чайник и большую, под свой габарит, кружку.

Намек был прозрачнее спирта — еще никому и ни о чем не удалось реально пообщаться с Дикобразом насухую. Поэтому я достал свою фляжку и плеснул ему ровно полкружки.

— За твои именины! — сказал он и выпил спирт буквально одним духом.

— Это какие еще именины? — машинально спросил я, подливая ему и немного — себе.

— Ну, как же, забыл что ли? Ровно год назад ты вернулся из первой настоящей ходки с Букварем и кто тебе в тот вечер погоняло дал, а?

Да, было такое дело... По обычаю, молодым дают имена после первой реальной ходки в Зону, и тогда, год назад, Букварь устроил мне прогулку до старого блокпоста перед входом на Свалку. Я тогда случайно нашел «медузу» и первую пару собак завалил. А вечером, гордый собой, принял лишнего и прочитал народу лекцию о механизме работы «каруселей». Благо, со времен работы в Исследовательском Центре я такой информацией был забит буквально под завязку. Вот тогда Дикобраз и дал мне это погоняло. И, кстати, — три четверти молодых получают свои имена от Дикобраза. Вот какой талант у человека!

За это мы и выпили.

— А найти тебя было вовсе не трудно, ты это в виду поимей. Я тебя, сокол, с утра дожидаюсь — куда ж тебе вообще деться-то можно? Или в Бар, или сюда. В Баре тебя не видели. Ну а как на этом чердаке работающий КПК обозначился, так тут уж все вопросы пропали — некому тут больше тихариться. Тем более, что место это мне вполне известно — Монах был парень правильный, в одиночку не пил, вот мы с ним тут бутылок двадцать в свое время уговорили...

Новость о том, что Монах, оказывается, втихаря тут квасил с Дикобразом меня

неприятно удивила — мне он об этих посиделках ни полсловом не обмолвился... И мы еще раз выпили, теперь уж за упокой Монаховой души, а потом еще раз то же самое — за Боцмана.

А потом случилось странное: Дикобраз отказался от следующей порции и резко перешел к делу.

— У меня для тебя две плохих новости, но первую, ты наверно, от Сидора знаешь.

— Насчет Боцмана? Да, в курсе, спасибо...

— Тогда держи вторую, еще хуже: в обед Глыба объявился в Баре. Так слегка, для виду только поторговал, а потом имел разговор с Чумаком и Карданом, причем не в общем зале, а вызвал их на улицу пошептаться. После чего оба двое снялись с якоря и отбыли в нашу сторону — народ надеется, что в Темную Долину, но я бы на это не рассчитывал...

Да, эта вот новость, действительно, была — хуже некуда... Чумак с напарником числились у нас охотниками — отстреливали под заказ всякую живность до кровососа включительно. Ходили слухи, что и на людей они подряды брали вполне охотно. Это вам уже не Глыба с Калымом — это реальные бойцы и следопыты. От таких и на Агропроме трудновато будет спрятаться.

— Да ты особо хлопец не журишь! — неожиданно перешел на суржик Дикобраз. — Не все пули твои, есть и мимо. За Чумаком я как сумею, прослежу, и где они появятся — отсемафору, можешь не сомневаться. Еще неизвестно, чьи пули быстрее летают, ты ведь их ждать не обязан, верно?

— Это да... Теперь уже могу.

На душе у меня неожиданно стало легче. Все же два человека мне верили и даже пытались помочь. И пусть их помощь ограничивалась информацией и моральной поддержкой — в моем положении и это много значило.

Я уже собрался сказать Дикобразу что-нибудь хорошее, как вдруг на улице началась непривычная суета.

— Ты гляди, опять приехали! — обрадовался Дикобраз, выглядывая в окно.

— Кто?

— Киношники... Да ты что, совсем не в теме?! Ну, ты даешь. Они еще вчера тут объявились. У молодых интервью взяли, с Сидором слегка пообщались, поснимали тут все на Кордоне. Хлыст на АТП им производство свое показал, а потом с братьями образцово-показательную облаву на тварей устроил. Заметил, вокруг все тихо.... Ну ладно, пойду я.... Заболтался я тут с тобой, а у меня еще дел по горло... — Дикобраз бегом вернулся к выходу и легко, как и не пил, прыгнул вниз.

Ну вот, а говорил, залезть ему без лестницы тяжело, семипудовому...

Я тоже выглянул. На дороге стоял шестиместный вездеход в камуфляжной раскраске. Из него уже вышли двое армейского типа жлобов с автоматами, мужичок в научном комбинезоне и какая-то тетка в зеленом костюме «сафари» с распущенными волосами. Однако...

* * *

От суеты, что поднялась на хуторе после прибытия таких интересных гостей, я сознательно сбежал. Незачем. Еще наткнуться ненароком.

Но главное — не хотелось компроментировать своим присутствием Сидора, которому я и так уже многим обязан. Мог бы ведь и вовсе дверь не открыть, не посмотрел бы, что я можно сказать его деловой партнер еще с той прошлой жизни. В Зоне, знаете ли, каждый за себя отвечает.

Кордон достаточно большой, но пригодных для меня мест на нем было огорчительно мало. После недолгого колебания я решил забиться под крышу строения, которое народ прозывал Элеватором. Его слишком открытое положение мне сейчас было на руку — незамеченным никто не подойдет. Да и случайных гостей можно было не опасаться. Местные дикобразы сюда не ходят, потому что незачем, а прохожие сталкеры тем более не интересуются этими руинами. Вот только идти пришлось сильно в обход, с непривычки под таким рюкзаком я порядком умаялся.

Зато и отдохнуть можно было по-настоящему. Едва ли не впервые за последний год я был полностью предоставлен сам себе — самое время подумать. Мозги буквально плавились от новой информации: прокуратура, Чумак, лаборатория, Глыба, боцманская флэшка, деньги, киношники, еще раз деньги...

Я отвык от таких нагрузок на извилины. Я даже обиделся, неизвестно на кого. Вся наша сталкерская жизнь, это один непрерывный расчет: где взять хабар, почем и кому его сдать? Пройти через поле, где точно есть псы, или лучше по дороге, где может быть засада? Когда и чего лучше съесть, кого взять в долю, к кому войти в долю... — но как ни крути, а все мысли сводятся всего к двум проблемам: выжить и заработать. А сейчас передо мной стояла задача гораздо сложнее, хотя, если подумать, и она тоже сводилась всего лишь к деньгам и личному здоровью.

Здравый смысл требовал брать ноги в руки и бежать на Агропром — там у меня были реальные шансы скрыться и от Чумака, и от Глыбы, причем бежать надо было срочно, пока охотники за моей головой не успели добраться до Свалки и перекрыть мне дорогу в районе Старого блокпоста. Оставшегося до Выброса времени было больше, чем достаточно...

Но это был так сказать тактически правильный ход, а сейчас на повестке моего дня стояла проблема стратегии.

Слишком уж крутой зигзаг заложила линия моей жизни. Еще утром я рассчитывал всего лишь тихо и спокойно уйти в Бар, а там присоединиться к какой-нибудь мелкой команде, какие составляются и распадаются по три раза на дню. Теперь появилась возможность уйти из Зоны совсем. Но, имея на руках реальный пропуск в Лабораторию, уходить было просто глупо — второй раз такой шанс вряд ли когда представится. Однако, Лаборатория была для меня почти также недоступна, как Четвертый энергобок. Конечно, с моими козырями можно было обратиться к тому же Сидору и сколотить с его помощью такую команду, от которой Глыба сам сбежит, но как я объясню появление у меня ключей? Даже Сидор вряд ли поверит, что Боцман мне их отдал добровольно и просто так... И велика ли в этом случае будет моя доля?

Вопрос о суммах становился еще более актуальным при наличии возможности выйти из Зоны. За год вполне успешной работы я сумел сколотить сотни полторы. Других денег не было — моя доля в батином наследстве частью пропала, частью пошла на покупку снаряжения, а остаток я перевел Ксюхе. И еще надо оплатить обратный билет и документы, подтверждающие, что этот год я провел не Зоне, иначе посадят уже за сталкерство. Как ни крути, а даже при нынешнем курсе евро вырученной суммы мне до старости никак не могло хватить, даже если не покупать себе двухэтажного особняка. Грустно, очень грустно — я

рассчитывал отсюда унести хотя бы вдове больше...

Я вдруг поймал себя на странном ощущении: мне не хотелось ничего решать, не тянуло никуда идти, приятно было сидеть и ковыряться ложкой в банке с кашей. Наверное, вот так и становятся дикобразами.

Я прилег на новый коврик, поставил пустую банку на грудь, закурил и включил КПК. Новостью номер один были съемки. Это я пропустил.

Следующее объявление напрямую касалось меня: Глыба предлагал пятьсот рублей за любую информацию о местонахождении Ботаника. Глупо, конечно, но меня, прежде всего, оскорбил размер вознаграждения — литр водки и банка тушенки, или банка, поллитра и две пачки сигарет, кому как больше нравится. Даже за случайное обнаружение трупа кого-то из пропавших обычно предлагали вдвое больше. Но я-то жив?!

И только вникнув в тему, я в полном объеме оценил коварство этого хода. Нет, он меня по-прежнему ни в чем не обвинял — он только подталкивал меня к походу в Бар на поиск справедливости. Нигде я ее не найду, потому что доказательств собственной невиновности у меня нет. Против меня их тоже нет, но я все равно останусь под подозрением. Пусть даже «долговцы» поверят мне и не станут расстреливать при первой же встрече — все равно я остаюсь изгоем-одиночкой. В комплекте с Чумаком и Карданом получались для меня элегантные острые вилы...

Для того, чтобы прийти хоть немного в себя, пришлось пожертвовать банкой энергетика. Обдумав все, как следует, я отправил в Бар пару сообщений, примерно того же содержания, что послал утром Глыбе, только добавил обещание явиться в Бар через пару-тройку дней после Выброса. Адресатами были Гиблый и Седой — на их защиту я надеяться не мог, но на объективность вполне мог рассчитывать. Так у меня, по крайней мере, появилось трое суток для маневра.

Вылитый на старые дрожжи энергетик сыграл со мной злую шутку. Спирт притуплял инстинкт самосохранения, а коктейль толкал на подвиги. Лежать под крышей с такой смесью в крови было совершенно невозможно, поэтому я решил еще разок сбегать на хутор, благо до темноты оставалось еще часа полтора.

* * *

На хуторе мне в первую очередь требовалась вода. Днем я на водопой не собрался — светло еще было, обнаружить себя не хотелось. Теперь во фляжке оставалось буквально три глотка, а ранце — три банки коктейля, который следовало поберечь. Еще я хотел пообщаться с Дикобразом и Сидором. Надвигающееся темное время суток было для этих дел наиболее благоприятным.

Дошел я тем же обходным путем и вновь ни единой собаки не встретил — похоже, Хлыст с компанией принес в жертву киноискусству всех до одной. В поселке царил непривычное оживление — костер развели такой, что пламя поднималось выше крыш. Народу вокруг него толпилось, как будто всем уже амнистию объявили. А может так оно было: в толпе мелькали фигуры явно не нашего вида — киношники не только не ушли до темноты, но даже и прибавились в составе. Мало того, я отчетливо различал людей в форме — неужели вояки?

Интересный фестиваль...

Как ни был я сейчас озабочен своими проблемами, но все же не мог не задуматься и об этом. Кажется, в пропущенных мной сообщениях были предположения о том, что документальщики собираются снимать Зону всерьез, даже Бар. Я не поверил, а видимо, зря: солдаты и журналисты на Кордоне — это что-то очень новенькое. До сих пор правительства официально умалчивали о наличии в Зоне постоянного населения. Предполагалось, что жить здесь совершенно невозможно, а сталкеры — это всего лишь отчаянные одиночки, которые проникают в Зону через Периметр, и бегом бегут с хабаром обратно. Во всех фильмах, включая художественные, утверждалось именно такое положение вещей. В документальных передачах показывали ученых, армейские посты и Периметр, горы трупов возле него, задержанных сталкеров, снятые с вертолетов пейзажи, а также клипы про тварей и аномалии, полученные из архивов ученых — и не более того.

А эту тетку я узнал: Клара Звонкова, «Экстрим-TV». Неужели ей позволят показать интервью с молодым человеком и реальную жизнь в Зоне? Видимо, что-то большое за Периметром сдохло...

Я попытался прикинуть, как эти новшества могли бы отразиться на моих личных делах. Получалось, что пока никак — слишком мало у меня времени в запасе. Может быть потом, когда удастся вернуться... Вот я уже и начал думать о ТОМ, ЧТО БУДЕТ ПОСЛЕ — совершив тем самым самую большую глупость, которую может допустить сталкер. Тут бы до утра дожить спокойно....

А вышло вот что. Водопои здесь расположен в одном из окраинных домов. Колодцы давно пересохли, водопровод благополучно скончался, зато погреб крайнего дома затопило почти не метр, оттуда народ и черпал. Стемнело уже достаточно, поэтому я бросил играть в партизана и открыто пошел по тропе — благо, даже часовые сейчас стояли ближе к общему веселью.

На веранде этого объекта я столкнулся с типом, которого никогда раньше не видел. Неприятный был хлопчик, такой, знаете, худой и вертлявый, белесый и в прыщах. На новичка он похож не был, но и серьезным бродягой не выглядел — черная кожанка, состоящая, главным образом, из заплат и заклепок, а из оружия — только обрез двустволки за поясом. Увидев меня он явно вздрогнул, но я это отнес за счет его нервов — парень, судя по всему, прямо с крыльца отливал, что категорически не поощрялось местным этикетом. Застукай его за этим занятием Волк, огреб бы он по небритой скуле обязательно, и даже не один раз.

Я сделал вид, что этого не видел и пошел со своей бутылкой внутрь. Однако, войдя в сени я понял, что он здесь гадил не потому, что места не нашел получше, а ждал кого-то. Этот самый кто-то как раз брякал внизу алюминиевой флягой.

Я развернулся к выходу, чтобы тоже покурить на крыльце, но выйти не смог — наткнулся на глушитель направленного мне в живот «Макарова».

— Стоять, сука — прошипел белесый. — Бросай автомат, руки вверх!

Я не очень сильно испугался. В конце концов, ствол упирался всего лишь в пластину бронежилета, который из «Макара» никак не пробьешь. Изображать удивление и возмущение не стал — ясно было, кто его послал и зачем. Несколько секунд мы смотрели друг другу прямо в глаза. Заметно было, что зрачки у него были заметно расширены.

— Ма-а-со-о-л. — Прошипел он диким шепотом, косясь на дверь в кухню. — Давай сюда бегом. Он здесь, у меня на мушке!

В погребе плеснула брошенная тара. Тогда я шевельнул левым плечом, ремень

соскользнул и приклад «Калашникова» гулко стукнул об пол. Он невольно посмотрел вниз. А я достал нож из рукава. Нажали мы одновременно — я на рукоять, а он на спуск, но я все же оказался немного быстрее. Лезвие противно скрипнуло на одной из клепок и легко, как в буханку, вошло ему под вздох. А в следующую секунду девятимиллиметровая пуля отбросила меня к дальней стенке.

Выскочивший снизу напарник застал своего приятеля стоящим на коленях с ножом в животе — он как раз силился его вытащить — и меня, лежащего на боку у стенки. Мосол замер секунды на три, открыв рот, и дал мне возможность вздохнуть, что оказалось неожиданно больно и трудно. Потом он схватился за торчащий за спиной обрез, а я — дотянулся до лежащего на полу «Макарова». Ему оставалось взвести курок, а мне — поднять ставший очень уж тяжелым пистолет. И тут он не выдержал — прыгнул вбок лихим сайгаком, сбив на пол собственного приятеля, и выскочил наружу.

В принципе, преследовать его было совершенно необязательно, но и оставлять живым, чтоб шатался поблизости, было опасно, поэтому я подхватил автомат и вывалился следом. Он бы мог меня встретить на улице, но оказался для этого слишком трусоват.

Я успел заметить мелькнувшую за угол тень и выглянул, держа автомат наготове. За стеной его не было, а топот бегущих ног раздавался уже за забором. Я пригляделся — одна из досок в этом заборе стояла как-то криво. Так и есть, она держалась всего на одном гвозде.

Погоня была недолгой. Шансов догнать его со сбитым дыханием и тяжелой болью в животе у меня было немного, но я упорно двигался по следу и он меня слышал, поэтому припустил так, что догнать его не смог бы и армейский спецназ. Только вот недалеко он сумел убежать, потому что, потеряв окончательно голову, влетел прямо в «карусель», что стояла тут, наверно, со времен появления Зоны. Я услышал дикий крик, а затем непередаваемо противный чавкающий звук, с которым лопается человеческое тело в этой аномалии.

Смотреть там было не на что, и я побрел назад. Сначала пришлось заняться своим несостоявшимся убийцей. Что характерно, парень был еще жив, но говорить, увы, не мог. Я обыскал тело, но интересного ничего не нашел: две запасных обоймы, бинт, мелочь какая-то рублями, коробок с подозрительно выглядящими таблетками, почти пустая пачка сигарет и зажигалка. Сигареты были кстати — моя пачка была в клочья разорвана пулей.

Картина в целом была ясной. Этого засранца Мосла я узнал — с ним вполне душевно беседовал Калым, когда мы последний раз проходили через АТП. Вариант со случайной попыткой ограбления, таким образом, отпадал полностью. Оперативно работают, однако! И Кардана с корешем успели нанять и этих мародеров подрядить успели...

Сколько еще из находящихся здесь людей мечтают сдать меня живым?

Я засыпал сором следы крови на полу, а труп вынес за забор. Собаки чуют кровь получше акул, так что о судьбе оставленного тела можно было не беспокоиться. Затем я выбросил на чердак их флягу, только воду к себе перелил.

Никто меня за этим дело не застал, все прошло на редкость чисто — а это было уже второе мое убийство за истекший световой день — Мосла считать не будем, он сам в аномалию влез...

Хорошее начало новой карьеры.

Прежде, чем встретиться с Сидором, я насколько мог приблизился к костру — послушать, о чем там народ треплется. Это оказалось неожиданно легко, потому что за пределами освещенного круга было особенно темно, а прикрытия эти дикобразы не

выставили — всем хотелось общения. Тема, надо признать, была исключительно интересной...

— ...изменении статуса Зоны! — вещал, сидя у костра, тот пожилой, который днем явился вместе с журналистами. Не знаю почему, но я сразу решил, что он как раз не с телевидения, а скорее представляет здесь научную часть — было в нем что-то.... Более здешнее, что ли...

— Что значит — изменение статуса? — перебил его сидящий на почетном месте Дикобраз. — Объявят что ли Бар вольным городом?

Народ ржал долго и со кусом, но пожилого это не смутило — чувствовался в нем опыт и задор матерого оратора.

— Об этом не мечтайте. Но вопрос о признании Чернобыля всего лишь зоной локального экологического бедствия практически решен!

— И в чем, собственно, разница? — уже серьезно спросил Дикобраз.

— Ну, как же! Разница буквально принципиальная! — оживился докладчик, — судя по всему, такого вот вопроса он и ждал. — До недавнего времени Чернобыль воспринимали как угрозу всей планете. Однако Зона существует седьмой год! За последние три года ее границы вполне стабилизировались, радиационный фон упал наполовину и уже ясно, что глобальных экологических катастроф не предвидится. А дает Зона столько, что и подсчитать невозможно — вы тут, вероятно, не в курсе, но сейчас ни одна приличная медицинская клиника не работает без этих ваших... «ломтей» и «крови». А какой эффект дает применение «грави» в космической технике! Это же просто технологический прорыв в XXII век!

— Насчет прорывов мы полностью в курсе, не беспокойтесь... Мне вот интересно, что же реально тут измениться? — Спросил Дикобраз.

— Прежде всего, уберут НАТОвский контингент.

— И они так просто возьмут и уйдут?

— Именно НАТО и поставило вопрос на Ассамблее ООН! У них сейчас куча проблем на Ближнем Востоке, а тут еще такие расходы и «двухсотые» грузы с Украины... Налогоплательщики волнуются.

— Предположим, эти уйдут. А кто останется?

— Объединенный контингент СНГ. Причем, сейчас Зона живет по законам военного времени, но если в Женеве все срастется, то Москва и Киев тоже изменят политику: власть в Зоне передадут гражданским службам, а военные будут только охранять.

— Наш фильм, — вдруг вклинилась невидимая мне Клара, — как раз и должен изменить общественное мнение в правильную сторону. Информация о Зоне идет совершенно превратная — вояки развели ужасную секретность, все эти подписки и запреты всем мешают, ученым совершенно работать стало невозможно...

— Ну, это вы загнули... — пробасил Дикобраз. — Чтобы армия сдала Зону штатским... Вы хотя бы представляете, какие деньги они делают только на экономии топлива и списании боеприпасов?!

В этот момент от костра отошли двое и направились в мою сторону. Тогда я решил, что услышал вполне достаточно.

— Статус Зоны, говоришь, собрались изменить? — мрачно спросил Сидор. — То-то эти кинодеятели в Темную Долину собрались...

— Так говорят. Ученые хотят вояк себе в сторожа перевести. — Подтвердил я. — А «Экстрим-TV» им будет мнение общественное менять.

— Не дождутся... А то я не знаю нашу комендатуру. То есть кино-то снять им может и позволят, а вот дальше...

— Есть новости? — осторожно спросил я.

— А ты думал, я просто так болтаю? Между прочим, со мной уже не раз консультировались и те, и эти. Пока у них полный консенсус: научники грозятся устроить в вашей Долине Исследовательский Центр. И не такой как на Янтаре — железная коробка посреди болота, а реальный — с домами, с транспортом, целый поселок, короче. Вояки четырьмя ногами за, берут на себя содействие и охрану, только помяни мое слово — как янкесов уберут, они еще сильнее гайки здесь закрутят. Всю Зону оккупируют, как Агропром, и лагеря для сталкеров устроят...

— Насчет Темной Долины я что-то не понял — киношники что, с Глыбой этот вопрос уже провентилировали?

— Да что им твой Глыба! Этот змей камуфлированный, что вчера с журналистами приходил, мне прямо намекал, что никакого Глыбы в Долине не будет уже к следующему Выбросу!

— Уговорят уйти по-хорошему?

— Лучше некуда. Знаком ли тебе термин — «карантинная операция»?

— Еще бы не знаком...

— А еще он интересовался сталкерами.

— В смысле?

— Спрашивали, кто свободен. Кажется, ищут проводников. Называл конкретные имена, в том числе тебя, убогого.

— Я-то им откуда известен?

— Известен, значит, раз спрашивали...

Дальнейшие вопросы пришлось прекратить — слишком болезненная тема поднималась. Сидор уже почти прямым текстом сообщил мне то, что я и так знал, — о своей работе на военных.

Я не раз задавался вопросом — сколько народу в Зоне на кого-то работает: на Сидора, на Бармена, на наемников, на Особый отдел, на разведку всех бывших союзных республик и прочие ЦРУ? По самым скромным подсчетам получалось — каждый третий. Может чуть меньше, с учетом того, что тот же Сидор точно работает на армейскую контрразведку, комендатуру района и безопасность Украины одновременно. Впрочем, почему работает? Просто торгует информацией, точно так же, как патронами и артефактами.

— Ладно, — прервал мои размышления Сидор — давай дело делать. Ты насчет документов не передумал? А то может хочешь подождать, пока вам всем амнистию объявят?

— Конечно, нет. Все как договорились. И еще — хочу свой «калаш» поменять на «вал» — найдется у тебя такая штука?

— Говно вопрос. Даже с оптикой есть.

— Давай...

Утро я встретил на вершине одного из холмов, окружающих Долину. С этой точки я видел ее почти целиком — от сараев на юге до недостроенного корпуса на севере — на этой стройке обитал когда-то Боров, поэтому наши не заморачиваясь называли его свинофермой. Я даже пожалел, что ни разу не додумался подняться сюда раньше — традиционно считалось, что холмы чрезвычайно активны в смысле радиации. Когда проводились последние замеры, бог его знает. Если верить моему дозиметру здесь было не намного хуже, чем на Янтаре и по любому чище, чем в Припяти.

Для того, чтобы полюбоваться на карантинную операцию с участием Глыбы и его команды я был готов и на большие жертвы, чем небольшая доза облучения. Одну такую операцию я уже видел...

В тот раз на Агропроме вояки действовали просто: сразу после Выброса, пока еще народ не разошелся, высадили с вертолетов целый взвод и штурмовую группу на крышу, окружили корпуса и через матюгальник предложили всем сдаться. Воевать с армией без крайней необходимости у бродяг не принято — себе дороже выходит. Мы уже собрались руки поднимать, однако судьба рассудила иначе — один из них нарвался на растяжку и тогда вояки без долгих выяснений первые открыли огонь на поражение. Крота выручил очень вовремя заглянувший к нам Меченый, а остальные, кто уцелел, прорвались через проломы в стенах.

Что потом в Зоне творилось... Военные разнесли весь наш корпус ракетами с вертолетов и еще месяц отстреливали в Зоне всех подряд прямо с воздуха.

Но это случай редкий — обычно армия уж так-то не зверствует, ограничивается отловом и отстрелом тех, кто слишком близко подходит к Периметру. Глубокие рейды предпринимались редко, чаще всего для сопровождения ученых или на Припять, и о них в Баре знали как минимум за день — не только у контрразведки есть осведомители...

Киношники о рейде знали. Сидор предполагал. Могли знать и другие. Захочет ли кто-то предупреждать Глыбу? Я надеялся, что нет.

Итак, время шло, приближаясь к традиционному подъему, счетчик Гейгера в моем кармане исправно щелкал, а кавалерия запаздывала. Я решил, что операцию перенесли на после Выброса и уже собрался спуститься в Долину. Спрячусь, мне не впервой, пересажу где-нибудь, а там видно будет. План выходил так себе, но совсем без риска в Зоне не проживешь. Зря что ли я сменил «калашников» на «вал»?

Бесшумный автомат мне понадобился для скрытного похода в Лабораторию. Именно к такому решению я пришел вчерашним вечером под влиянием спирта и «энергетика», а новости, сообщенные мне торговцем, это решение окончательно укрепили. Если моим бывшим колхозом займутся вояки, если научники хотят там строить лагерь, если телевидение будет там снимать — мне следовало торопиться, пока в подземелье не проник кто-то из них. Сокровища Лаборатории теперь волновали меня даже больше, чем все остальные проблемы. Это будет мой последний выход, типа — пан или пропал, потому что с мелкими деньгами за Периметром делать нечего.

В предстоящей акции имелся еще один интересный аспект, о наличии которого я только что сообразил: Меченый упоминал в своих комментариях к плану, что в Лаборатории столкнулся со снорками. Как же это они туда попали и чем питались все эти годы? Сам

собой напрашивался вывод, что из подземелья есть еще один выход, может быть далеко за пределами самой Долины. И я не верил, что Меченый в одиночку мог пробиться из устроенной военными облавы — такие варианты хороши для компьютерных игр, но не для реальной жизни. Это обстоятельство тоже косвенно подтверждало наличие черного хода, а, кроме того, становилось ясно, почему Меченый так легко расстался с ключами. Они ему больше не требовались! Сомневаюсь, что у Крота была какая-то равноценная информация для обмена, да и деньгами Меченый был больше богат, чем мой покойный командир.

Вертолеты появились, когда я собрался уже спускаться. Все произошло, как я и предполагал: стремительная высадка по тросам, снайпера, пулеметы, отдельная группа на крышу. С момента появления вертушек до замыкания блокады прошло не более десяти минут.

Ну, как ты теперь себя чувствуешь, Глыба?

Разумеется, самое интересное происходило внутри. Я бы многое дал, чтобы посмотреть на эту картину... Зато через полчаса я увидел, как их, уже упакованных в наручники, вывели на площадку перед воротами, разложили по стенкам и начали обыскивать всерьез. Чудная картина.

Глыбу я опознал по размерам, не случайно же Дикобраз наградил его таким погонялом. Калым тоже выделялся — малым ростом и бритой башкой. Но всего я насчитал только семь человек, а остаться, за вычетом меня, Боцмана и Селезня, должно было девять. Где еще двое? Покойников не выносили, значит, пропавшие не погибли с честью при попытке сопротивления...

Я ожидал, что после обыска всех арестованных загрузят в вертолет, и уберут с глаз моих долой, но этого не было. Так они и сидели на корточках у стенки, дожидаясь неизвестно чего.

Ответ на этот вопрос ждать себя не заставил. Третья вертушка появилась в поле зрения, прежде чем я докурил сигарету. Выгрузились из него уже знакомые личности — Клара и компания, а дальше началось кино в самом прямом смысле. TV-группа накинулась на свежий материал еще резвее, чем группа захвата. Так и есть — солдаты пинками подняли Глыбу и разместили его рожу прямо перед объективом. Длинный тип в кожаной куртке нацелил на него камеру, Клара сунула под нос микрофон.

Надо будет обязательно достать запись...

Ну, это у них там надолго: крупный план, панорама, интервью, еще, наверное, в цехе поснимают... А мне пора уже было подумать о спуске. На первый взгляд задача не выглядела неразрешимой: четырехметровый обрыв, даже не слишком отвесный. Это наверх подняться никак невозможно — склон слишком рыхлый, осыпается. Но спуск — дело другое...

Я подполз к краю и глянул вниз: из чахлой травянистой поросли там и тут торчали ржавые ломаные железяки. Значит, детский вариант — слалом на заднице — исключался. Впрочем, спускаться здесь, на виду у вояк я с самого начала не собирался. Гораздо разумнее было сместиться на километр-другой левее, под прикрытия деревьев. На самый крайний случай у меня имелось метров десять капронового шнура.

Вертолет с арестованными и еще один только что отбыли за горизонт. Третья вертушка что-то задержалась, однако и этот факт мне настроения не испортил — улетят, куда им деваться.

Я шел по Долине, в которой никого из моих врагов уже не было. В таких случаях положено испытывать радость, но я ощущал только странную пустоту внутри. Когда их отделили от меня километры пространства и надежный армейский конвой, злится как-то не получалось, разве что на Калыма — вот его я пристрелил бы с удовольствием хоть сию минуту.

Жаль, что все вышло именно так — зла я по-настоящему не желал даже Глыбе. Неужели Темная Долина и впрямь такое место, где нормально жить нельзя? В знакомом до последнего камня месте вновь вернулись мысли и сомнения, что разрывали мою бедную голову последние два месяца.

Обиднее всего было ТАК ошибиться в Селезне! Все дело в том, что основную проблему я видел в Глыбе, и за врагов держал тех, кто явно был с ним, того же Калыма, в первую очередь. Но Селезня привели как раз Боцман с Монахом, поэтому я и держал его в нейтралах.

Насчет Монаха Селезень врал, однозначно. Не такой он был парень, чтобы плакать даже перед смертью, да и нычек, которые он мог бы отдать у нас не было. К чему? Лучшая заначка — деньги на счете, поэтому он прятал от товарищей исключительно спирт. Оглушили со спины, поглумились и живьем в «электру» скинули — вот как дело было. Вполне вероятно, что он был и не первый — за месяц перед этим таким же образом сгинуло еще трое, на их место мы последних и брали.

А я, психолог недоделанный, до последнего дня не понимал странной подавленности наших новобранцев, которую списывал на страх перед Зоной, игнорировал честные попытки Боцмана всех со всеми подружить. Да и как я мог все это адекватно воспринимать, если у меня на шее был Монах, который с самого начала дико невзлюбил Глыбу и наезжал на него и по делу, и так просто? Который с каждым днем принимал на грудь все больше и больше, так, что мне приходилось выходить на промысел в одиночку, пока он бегал к Сидору за горючим? Как я мог не поверить в несчастный случай на производстве, когда он накануне принял семьсот без закуски?

Есть такое модное нерусское понятие: «держат ситуацию под контролем». Я ее точно не удержал. И Боцман тоже. Не уверен, что и Глыба что-то там реально контролировал. Ладно, это теперь уже не совсем мои проблемы. Моя проблема только Чумак и Кардан, да и то если им заплатили вперед.

Остальных, впрочем, тоже было рано сбрасывать со счета. В Зоне даже смерть не всегда решает такие проблемы. А что касается арестованных, так мало ли случаев, когда взятый вояками сталкер через неделю или две вновь объявлялся в Баре? За деньги только Монолит нельзя выкупить, а задержанного, если есть соответствующие возможности — вполне реально. Но такая операция требует не только настоящих денег, но и времени. Так что, если мои бывшие кореша и вернутся, то я к тому времени скорее всего буду по другую сторону Периметра.

Это я тогда так рассчитывал.

До Гиблого болота дошел без приключений. Специально выбрал кружной путь, чтобы не столкнуться с кем-нибудь случайно. Через трубу на территорию свинофермы я не полез, хотя путь был проверенно безопасным и более коротким. Не знаю почему, но именно это

место — труба, болото и очистные сооружения — вызывали у меня безотчетный, но отчетливый страх. До сих пор я им ни разу не пользовался, в отличие от всех остальных и сейчас не стал нарушать традицию. Вокруг, вдоль стенки было намного спокойнее.

Расстреляв по дороге парочку собак — удобный случай проверить новое оружие — я вышел на дорогу, что пересекала Долину вдоль. Последний вертолет стоял еще на месте, но вояк видно не было. Зато с обеих сторон в Долину шли новые люди, в бинокль я насчитал не менее шести человек. Судя по одежде и снаряжению — наши, с Кордона и Свалки. Неужели всерьез собираются обосноваться в Темной Долине? А почему бы, собственно, и нет? Территория свободна.

До Выброса по прогнозу оставалось меньше суток, которые следовало где-то пересидеть, поскольку с идеей бежать прямо к Лаборатории приходилось расстаться — там люди, которых лучше пока избегать.

Мелкими перебежками, не отвлекаясь на поиск аномалий — а то они мне неизвестны — я быстро пересек территорию заправки и вышел к сторожке. Это место было для меня в самый раз — вряд ли кто из новых рискнет туда сунуться — слишком много было аномалий вокруг, зато я оттуда видел все и увиденное мне категорически не нравилось.

Кинодеятели как оказалось еще не улетели и сейчас как раз толпились вокруг разбитого автобуса — снимали роскошные местные виды. Кроме уже знакомых мне Клары и оператора, в деле участвовало еще трое — тот самый вчерашний оратор, я так пока и не понял его функции, а также парочка охранников.

Смотреть, как осторожно они двигаются — ну натурально, коровы на льду, было забавно. Я достал фляжку и упаковку галет — время приближалось к обеду — и настроился на краткий насыщенный отдых, однако Зона решила иначе. Съемочная группа как раз дошла до закрытых ворот на территорию бывшей базы Борова, когда в привычной тишине раздался низкий, на грани слышимости звук. Ни с чем его не спутаешь, вой кровососа. Эта тварь, выходя на рубеж атаки, всегда орет, непонятно зачем. Много народу осталось в живых, благодаря этой странной привычке самого, пожалуй, опасного мутанта. Ну, если не считать контролеров.

Я поднял «вал» и осмотрел окрестность. Кровосос невидим, малоуязвим и стремителен, зато очень предсказуем. Самым удобным местом для него сейчас были чахлые елочки перед фасадом — и действительно, я без труда нашел его там. Все же стопроцентной невидимости он обеспечить не может, и вблизи вполне различим по изменению прозрачности воздуха. В этот раз он нацелился не на меня, но это все же не повод спокойно отдыхать, глядя, как убивают других.

Я совместил мушку с прорезью и нажал на спуск. «Вал» стреляет не так часто как «Калашников» однако две-три пули я в него точно всадил, прежде чем он успел прыгнуть. Раненый монстр сразу стал виден, а поскольку находился он всего в десятке метров от намеченных жертв, появление вышло эффектным. Немногие могут сохранить самообладание, увидев вдруг так близко атакующего кровососа. Эти вот — не сумели.

Оператор вскинул камеру, журналистка открыла рот, а третий схватился за кобуру. Охранники среагировали быстро, но неправильно — им надо было бы стать рядом и встречать его в упор очередями с двух стволов, они же резко разошлись в разные стороны, словно имели дело с человеком, вооруженным автоматом. Судя по реакции, это действительно были бывшие вояки.

Кровосос прыгнул на крайнего. Тот успел дать очередь, перед тем как отлетел в сторону

сбитой кеглей, но промахнулся. Второй стрелять не мог, потому что остальные оказались как раз на линии огня. Я выдал еще одну очередь. Кровосос заревел и на секунду замер на месте. Тут уж они не оплошали — общий залп из автомата и пистолета опрокинул тварь на спину, остальное было лишь вопросом скорострельности.

Молодцы, в общем, справились.

* * *

— Ну, что Лаборант, будем пробу снимать? — предложил Коготь, протягивая мне ложку.

Я зачерпнул из котелка и попробовал. Было бы чего пробовать — лапша китайская с тушенкой, она и в Зоне китайская лапша...

— Готово. — сообщил я ему, возвращая ложку.

— Тогда пойду, позову остальных....

— Валяй...

Это называлось идиллия. Во дворе, практически на том самом месте, где я меньше двух суток назад прощался с Боцманом, горел костер. Летели вверх искры. Парила лапша в котелке, распространяя острый запах специй. Лежали чьи-то грязные носки поверх клапана рюкзака. Уже стояла на виду моя бутылка «Казацкой». Гитары только не хватало, а так — хоть картину с нас пиши. Называться будет: «Дикобразы на привале».

Возможно, я совершил ошибку, не оставшись на своем месте. Но спокойно смотреть, как чужие и жадные люди крутятся совсем рядом с моим кладом было невмоготу. И никакой надежды не было, что они оттуда когда-нибудь уберутся — с какой стати? Следовало влиться в коллектив, а уж потом ловить удобный случай.

Появление Ботаника могло вызвать нездоровый ажиотаж, а поскольку ни одной знакомой рожи я тут не заметил, имело смысл сменить масть. Легко сказать — сменить...

Разобранный автомат с трудом, но поместился в рюкзаке. КПК я отключил и спрятал во внутренний карман. Всего жальче было расставаться с броней, но в ней я слишком выделялся в общей толпе голодранцев. Излишек снаряжения я спрятал в тайник, в котором Монах в свое время любил прятать водку. Там и сейчас еще лежали пара штук, и я их взял, а еще прихватил заваливавшееся там с прошлого месяца помповое ружье.

В таком виде — можно сказать голый и босый — я и предстал перед своими... конкурентами, что ли — как их еще назовешь. Назвался, сильно не заморачиваясь, Лаборантом, выставил на общий стол бутылку, выделил в котел банку тушенки. Можно было бы и сигарет им предложить, но не хотелось выглядеть слишком богатым. Таким простым и легким образом вопрос с моей пропиской был решен, тем более, что никто мной особо и не интересовался — все торопились поскорее собрать первый урожай артефактов. Большого хабара им не светило — все наиболее ценное давно собрали без них, но оставалось еще менее ценное и плохо доступное, к тому же перед Выбросом часть аномалий затухла до следующей подзарядки и кое-что после них осталось.

Трое сразу ушли на свиноферму, двое направились в сторону болот, еще одна тройка шарились вокруг. Мой напарник по дежурству, Коготь, остался на месте только из-за больной ноги, да и то постоянно выскакивал к воротам, посмотреть, как там его кореша деньги делают. В итоге ужин мне пришлось готовить в одиночку.

И все эти жертвы оказались совершенно напрасными — в Лабораторию ходя не было. Там, как выяснилось, засело отделение вояк, ожидающих неизвестно каких распоряжений. Присутствие военных отравляло аппетит и туманило горизонты, тем не менее, уйти я уже не мог.

От ворот грохнул выстрел. Я взялся за пистолет, отошел немного в сторону, скрываясь за лежащими плитами, но предосторожности оказались излишними — это всего лишь возвращались с промысла коллеги. По разгоряченным и радостным лицам я сразу понял, что их поиск был удачным. Сколько раз я сам возвращался из рейда с набитыми контейнерами и точно также бросался к еде.

Нормальная бригада вольных бродяг, работающих без определенной прописки. Вряд ли кто из них умеет драться на ножах и попадет со ста шагов в бегущую собаку — именно такие к нам бегут из малых городов и крупных сел от нищенских зарплат и пособий, чтобы здесь бродить по зараженным болотам, обыскивать полуразрушенные дома, жрать галеты и месяцами не мыться.

Урожайные места вроде Долины давно поделены, вот и крутятся ребята на свободных местах: тут «медузу» подберут, здесь собачьим хвостом разживутся или мертвого обберут — хватает ровно на прокорм, потому что туда, где имеются более серьезный хабар их не пускают, да и не сунешься туда без соответствующей снаряги, а где им на нее заработать? Получается замкнутый круг, в нем и вертятся. Вот и с едой у них плохо — одна китайская лапша, и с оружием — на четверых одна хорошо поюзанная «гадюка» и три обреза.

В таких условиях многие ломаются, теряют кураж, скатываются до бомжатника на АТП. Или, крайний вариант для особо обиженных, — в бандиты. Из таких вот озлобленных неудачников Боров в свое время сформировал целое бандформирование, да такое, что должовцы об них все зубы обломали.

Но у этих пока с куражом все в порядке. Такие, если и уйдут, то не в «дикобразы», а в «Долг». Эта группировка на восемьдесят процентов укомплектована парнями, что пришли в Зону за большими деньгами, а заработали только шрамы и гастрит, поэтому ненавидят ее лютой ненавистью. После нищего и бесперспективного существования на грани смерти, приятно обвешаться серьезным оружием, получить цель в жизни и ощутить принадлежность к сильной команде.

Уходя от Глыбы, я как раз и рассчитывал найти таких отчаянных и нищих, чтобы хорошей компанией уйти на север — в Лелево, Лиманск, на Озера. Благо, после того, как Меченый отключил излучатели, дорога мимо Припяти была вполне проходима.

Сейчас они мне только мешали.

По сравнению с этой четверкой, я был просто наследным принцем, баловнем судьбы. Как-никак я, хоть и пришел в Зону не совсем по собственному выбору, зато с деньгами, и не в туман и неизвестность, а к хорошо известному человеку. Все необходимое приобрел в первый же день, и Сидор определил меня в ученики к Букварю, который за месяц дал мне больше, чем другие за полгода узнают работая «отмычками», носильщиками, в лучшем случае — стажерами в каком-нибудь колхозе.

Дело в том, что человек, приютивший после Клиники меня и еще четверых, работал в Исследовательском Центре мастером технического отдела. Эта скромная должность давала ему доступ к новейшим разработкам в области защитных средств и снаряжения, а также к материалам, из которых их делали. Коротко говоря, он делал комбинезоны, маски и прочее, в том же роде, причем не только для ученых, но и сталкерам. На дому у нас была целая

мастерская, где всем находилась работа.

И легендарных сталкеров прошлого — Крюгера, Абрека, Клыка и многих других — я встречал еще когда Зона начиналась с нашей стороны в районе КПП перед свалкой, сталкеры жили как все за Периметром и ходили в Зону наскокам с той стороны. Со всеми вместе я охотно слушал их рассказы и мечтал свалить от Зоны как можно дальше. Как уехали в свое время Динка, Ксюха и Артур. Особенно Динка, которая добралась аж до Австралии. А мы с Ромкой, как оказалось, физически не могли существовать дальше ста километров от Припяти. Когда этот факт был установлен научно, Ромка по второму разу в клинику при Центре не пошел, а собрал как-то ночью манатки и ушел с Клещом в «Долг», где и сгинул за месяц до моего появления.

Ну а я после долгих и безрезультатных обследований остался в Центре в роли санитаря — ухаживал за пострадавшими и воровал медикаменты. Затем отслужил в саперном заградительном батальоне, где восстанавливал Периметр, а заодно помогал переправлять туда новичков и грузы. Это, пожалуй, было самое веселое время в моей жизни. Начальство меня нарядами не загружало, от дедов я откупался самогоном, зато регулярно ходил в увольнения, которые проводил в интернет-кафе и массажном салоне «Лапочка».

После демобилизации я вновь был принят на работу в то же место — батя, поняв, что терять мне уже нечего, поддался на уговоры и включил меня в общий бизнес. Устроился я водителем и потому стал еще более важным звеном в длинной золотой цепи — перевозил на своем «КАМазе» артефакты посредникам и вел примерно тот же образ жизни. Зона приковала меня к себе, но она же и кормила более, чем щедро.

Я думаю, нас сдали конкуренты из комендатуры, которым мы перебивали клиентуру. Батя наш к тому времени полгода как умер, возможно, это как-то повлияло — он знал всех и везде, умел утрясать спорные вопросы, в том числе и с военными. Короче — главу нашего синдиката арестовали, с ним вместе загремело множество перекупщиков, а я спасся, сбежав в Зону...

Вспомнив морду следователя, который брал с меня подписку о невыезде — нашел с кого брать — я понял, что тропа воспоминаний привела меня слишком близко к тому, о чем я всегда запрещал себе думать — Ксюхе...

На этом месте я прикусил себе руку до крови и вернул мысли в нужное русло: начал думать о солдатах, что засели совсем рядом и носа наружу не показывали. Все это было неправильно, совсем на вояк не похоже, и как же я их обойду, вот вопрос?

* * *

Ужин шел своим заведенным порядком. Коготь все тряс их за плечи, приставая с расспросами, но народ только отмахивался, набив рот лапшой. Хабар им вышел приличный, нарыли даже одно «мясо», поэтому были просто на седьмом небе от счастья. Шутки мужские, смех без повода, Кожан в Лосося носками кинул, Факел бутылку открыл...

Ну, за удачу! Чтоб хабара вволю, а тварей — наоборот. Вздогнули. Водка обожгла пищевод. Лапша с тушенкой легла сверху, распространяя в организме покой и удовольствие. — Разрешите присесть?

Я поднял голову от чашки. У костра стояли уже известные мне личности: оператор и тот пожилой. Оба сделали надлежащие выводы из своего дневного приключения: оператор

тоже переоделся в защитный научный комбинезон и у каждого на шее висело по «гадюке». А еще при них был литр водки, две буханки свежего хлеба, колбаса — и все это богатство они сразу выставили на общий стол. Обрадованный народ немедленно раздвинулся, освобождая место у костра.

— Олег Васильевич, научный консультант. — Представился старший. — А это тоже Олег, но пока без отчества. Как вы уже поняли — наш оператор.

Ученый мне в целом понравился — он был такой типичный, что хоть в кино его снимай: сухой, подвижный, обожженный Зоной, выше среднего ростом... В общем, отличался только повышенной разговорчивостью — вообще-то наши ученые со сталкерами мало общаются — подписка у них. А вот человек искусства мне наоборот не глянулся совершенно — он был совершенно не наш. Тоже высокий и хорошо подготовленный, видно по фигуре, но не натасканный, как все мы здесь, а спортивный какой-то, в спортзалах натренированный. Ассоциировался он с забытыми уже словами типа фитнес и боулинг. Таких вот гладких, холеных даже лиц у нас и за Периметром не бывает. И общительность он нарабатывал явно не у костра, а на фуршетах и презентациях.

Не место в Зоне таким стильным мальчикам. Здесь ведь и убить могут...

— А мадам свою где оставили? — Всех волнующий вопрос задал самый нетерпеливый и дерганный из нас, Факел, хорошо хоть дотерпел, пока по первой выпили. — Или она нас боится?

— Клара Игоревна даже кровососов не боится. — Улыбнулся консультант. — Она сейчас раненого повезла, потом в Бар заскочит. А мы вот с солдатами остались — он неопределенно махнул рукой в сторону нашего схрона — хотим еще немного Зону поснимать...

— Что здесь снимать-то? — Не удержался я от лишнего вопроса — самое интересное уже увезли...

— Это Кларе интересно — ответил мне Оператор — она у нас журналист. А я криминальными сенсациями не занимаюсь, я снимаю документальный фильм из реальной жизни.

— Хотите что ли снять как мы хабар собираем? — уточнил Кожан.

— Хотелось бы. Если вы, конечно, не против...

— На меня не рассчитывай!

— Тебе и не предлагаю — отмахнулся от меня оператор — ты не подойдешь.

— Это вдруг почему?

— Видел я как ты шел... Даже под ноги не смотришь, как будто по Крещатику гуляешь. Не смотришься в кадре...

Коллеги обидно заржали, Олег Васильевич примирительно улыбнулся, а я, как это ни глупо, обиделся. Тоже мне, знаток сталкерских повадок, Феллини недоделанный.

— А мы, значит, подходим — уточнил Кожан.

— В принципе — да. Только сразу предупреждаю, я не телевизионный канал в смысле бюджета. Зато плачу на месте и без лишней бюрократии...

Похоже, намечался долгий увлекательный торг, но состояться ему было не суждено.

Вояки разместили нас в цехе в глубоких ямах, бог знает для чего предназначенных изначально. Но зиндан получился просто замечательный: глубоко, стенки гладкие, наверх можно вылезти только по лестнице, но она как раз была под прицелом. Время от времени я слышал гулкие шаги прогуливающегося часового. Места хватило всем, но было несколько прохладно и пахло нехорошо — эти резервуары мы частенько использовали вместо туалета.

Оружие забрали, но остальные вещи оставили, так что мой рюкзак с «валом» был пока при мне. Но прежде чем хвататься за оружие, следовало разобраться, во что же мы так легко влипли?

Ни на что, прежде мной виденное, эта ситуация похожа не была: не обыскали, не допросили, даже КПК не изъяли и вертушку не вызвали — не будут же они нас пешком конвоировать? Может быть идея в том, чтоб наловить побольше сталкеров, а уж потом вывезти всех сразу? Похоже на то...

Настроение в камере царило соответственное — переход от удачного поиска и водки под колбасу к наручникам и яме был слишком резким, поэтому мои соседи, как, впрочем, и я, пребывали сейчас в полной прострации. Меня, вдобавок ко всему, еще и знобило. Обычно это начинается за пару часов до Выброса, но в этот раз чего-то изменилось. Или с Выбросом, или со мной, во всяком случае, крышу мне сносило совершенно не по-детски. Задницей я пребывал на расстеленном коврикe, спиной опирался на стенку, но голова была в каком-то другом месте. Перед глазами как в слайд-шоу возникали очень яркие отдельные картины: озеро Янтарь, Сидор, трубка Боцмана, убитый днем кровосос и много такого, что невозможно было ни вспомнить, ни разглядеть.

Не исключено, что и с остальными происходило нечто похожее — уж очень оцепенело все сидели. Нет, когда вояки выскочили неожиданно из цеха, взяли нас на прицел, а затем отбирали оружие, паковали в наручники и прикладами загоняли в яму, хватало и мата, и суеты. Факел даже попытался убежать и сейчас сидел с разбитой об асфальт мордой. Часа не прошло — и все застыли как оглоушенные пси-излучением. Я в свое время попадал на Дикой территории в пограничные районы — очень похожее ощущение... И непонятно даже, то ли это кровь в ушах гудит, то ли сквозняки в щелях воют.

Из состояния бредовой полудремы меня вывел Коготь. Он вдруг вскрикнул во сне — возможно ногу разбередил, — а за ним уже проснулись остальные.

— Слышь, Лаборант? — Донеслось из угла. — У тебя попить ничего нет?

Я молча протянул им фляжку. Попили, вернули, остаток я допил сам. В крыше обозначились щели — значит, уже рассвело. Вчерашнее общее оцепенение вроде бы слегка рассосалось. Факел подошел к лестнице, поднялся до половины и тут же раздался окрик часового:

— На место сука, стрелять буду!

— Стреляй. — Хладнокровно ответил сокамерник. — Сам тогда сукой будешь.

— Чего надо-то? — спросил солдат на полтона ниже.

— Воды. Жрать пора, а в глотке пересохло. И вообще — долго нас тут будут мариновать как сельдей в банке?

— А я знаю... Погоди — щас смена придет, попрошу для вас воды.

Факел спрыгнул вниз и шепотом доложил:

— Часовой один, остальных не видно. Стоит сука, далеко — не достанешь...

Обсудить такую перспективную тему мы не успели — раздался шум, топот и возмущенный голос Консультанта:

— Что ж вы делаете, лейтенант! Это наш проводник!

— К вам у нас претензий нет, снимайте на здоровье. А если проводник — где на него сопроводительные документы?

— Просто не успели оформить.

— Вот как успеете, тогда и поговорим... Пошел!

Кому он там скомандовал пойти я узнал через пару секунд — над краем нашей ямы появилась широкая рожа Дикобраза. Несколько секунд он сверху на нас любовался, а потом ему, видимо, дали пинка, потому что вниз он прыгнул неожиданно резво.

— Сидите, да? — Сильно огорченным он, однако, не выглядел. — И я теперь буду сидеть.

Увидев меня, он сразу раскрыл рот для приветствия, но я его опередил — протянул руку и представился:

— Здорово. Я Лаборант. А это Коготь, Факел, Кожан и Лосось.

— Здорово, бродяги... А я Дикобраз, если кто не в курсе. Вижу, вижу — знаете... Мне ваши рожи тоже известны, так что зря ты, Лаборант, нас знакомил. Давно сидите?

— С вечера, — хором ответили ему Кожан и Лосось.

— А я утром вляпался. Захожу — а тут эти...

Я ощутил легкий приступ раскаяния — ну что мне стоило вчера отбить ему сообщение? Ведь даже в голову не пришло....

После Дикобраза нам спустили два котелка воды — для утренних процедур маловато, но запивать в самый раз.

На завтрак ничего подходящего не было, да и не хотелось пока после ночных переживаний, поэтому мы выпили еще воды и закурили, собираясь с мыслями. Сразу же образовалось две партии: пацаны пустили две штуки по кругу, а мы с Дикобразом достали по целой.

Удивил он меня, говоря откровенно — то как Илья Муромец сиднем сидел на своем Кордоне, а то в одиночку в Темную Долину явился. Не бог весть какое свершение, но интересно — с чего это вдруг?

— Ты-то здесь какими судьбами? — не удержавшись спросил я, освобождая ему место рядом.

— Да вот, — ответил он — решил как все слегка разбогатеть.

— Это на чем же? — Удивился я.

— А тоже думаю клад Борова поискать...

Из его рассказа следовало вот что: вчера днем, сразу после отбытия киногруппы, в Баре и окрестностях вдруг распространился слух о несметных сокровищах, якобы спрятанных Боровом в одном из зданий Долины. То есть, слухи такие кружили и раньше — не случайно же Крот полез в тот подвал, где мы потом нашли всего лишь нычку с наркотой. Но сейчас к этим слухам добавилась некая карта, которую якобы кому-то когда-то спяну показывал Боцман. Кто-то что-то сказал, другой чего-то припомнил, и новая легенда на глазах обросла деталями и подробностями. Сложилось мнение, что разборки в нашем колхозе именно с этим кладом и были связаны, а теперь вояки взяли Глыбу, который почти нашел, и хотят все захватить себе.

— Самое хреновое, — закончил свой рассказ Дикобраз что в эту байку поверили наемники. И сию минуту к нам в гости движется как минимум две их бригады, плюс куча народа из Бара.

Я закурил еще одну, но так и не смог сообразить — лучше мне теперь будет или наоборот. С одной стороны, в надвигающейся заварухе можно будет и сбежать, и в Лабораторию проскочить, но и шанс словить шальную пулю тоже заметно увеличивался. А что со мной будет, если я попаду в лапы к наемникам, даже думать не хотелось — у меня с ними давние счета...

В свое время, закончив месячную стажировку у Букваря, я вдруг обнаружил, что идти мне в общем некуда. Армейские склады держала «Свобода», Темную Долину — Боров, на Агропроме был Крот, а Свалка и весь южный участок и без меня были забиты народом даже плотнее, чем сейчас — все же войны, устроенные Меченым, разборки с вояками и Монолитом после отключения излучателей здорово сократили контингент. В Баре я познакомился с Монахом, у которого возникли аналогичные проблемы. И вот тогда мы, наглые как танки, решили тайком поработать на Дикой территории.

Ее традиционно держали наемники и даже за проход на Янтарь брали с бродяг хорошую мзду. При этом сами собирали только то, что под ногами валялось. Вот мы и взялись им помочь: ночами, с ПНВ и бесшумным оружием выбирались на территорию железнодорожного узла и шарили по темным углам, куда сами наемники носа не совали. Этот номер у нас прошел и целых три месяца мы просто заваливали Бармена хабаром, вызывая у коллег массу вопросов.

Я думаю, нас сдал кто-то из Бара — уж слишком много мы добывали буквально за ночь... Комбат, прихватив нас на выходе из гаража, хотел сперва обоих кончить в назидание остальным, но Сидор замолвил словечко, Бармен выступил поручителем, и дело кончилось для нас крупным штрафом. Пришлось отдать большую часть отложенного, и еще месяц работать там же под конвоем, чтобы рассчитаться. В итоге Комбат нас отпустил, но обещал прикончить, если попадемся еще раз. Но и при таком варианте мы все же остались в небольшом плюсе, а главное — приобрели репутацию. Когда Кроту понадобилось пополнение — их тогда всерьез стали теснить бандюки — он сам нас пригласил, причем взял без испытательного срока.

Так что, встречаться с наемниками мне было никак нежелательно...

До Выброса оставалось буквально два часа. Это значило, что искатели мифических сокровищ не побеспокоят нас в самом лучшем случае до ночи. За это время надо было как-то выкрутиться. Но скорее всего, меня здесь к их прибытию уже не будет — армейская вертушка должна прибыть как минимум за час перед Выбросом, то есть уже очень скоро. Не забудут же вояки своих в этом подвале?

Долго скучать нам не дали. Мы с Дикобразом еще и завтрак переварить не успели, как явился солдат и кивком вызвал Дикобраза наверх. Через пятнадцать минут он вернулся и ткнул стволом в мою сторону.

— Эй, — не выдержал Факел. — А почему это их первыми?

— Вас решили последними расстрелять. — с сильным акцентом ответил конвоир и заржал, но как-то озабоченно, без обычной армейской жизнерадостности.

Я был уверен, что вызывают на допрос перед погрузкой, а потому оставил рюкзак внизу. Самое время было избавиться от ключей, но это следовало бы сделать раньше, а на глазах у солдат суетиться было уже поздно.

Однако, выбравшись наверх, я никакого вертолета не заметил. Во двое, кроме Дикобраза и захвативших нас военных, присутствовали еще наши гости, причем вид у всех присутствующих был на редкость хмурый и озабоченный.

— Ну-ка, выгляни наружу, — приказал мне конвоир, подводя к воротам.

Я оценил обстановку и тоже озаботился: даже без оптики и в щелку было заметно, что Долина переполнена зверьем. Я видел огромное стадо кабанов, не меньше двадцати голов, хотя обычно они ходят парами и тройками. Где то в районе моста гавкали псы, судя на слух — такой же крупной сворой, а в районе остановки мелькали силуэты снарков, тоже никак не меньше трех. Непосредственной угрозы пока не было — твари держались в отдалении. Пока...

Такого быть не могло — зверье в таком количестве, такими крупными стаями и непосредственно перед Выбросом? После, да, случались крупные скопления, но все же не до такой степени. Перед Выбросом наоборот, все твари как и люди ищут убежища и это время самое спокойное для путешествий. Правда, такое спокойствие ассоциировалось не с рассветом в Подмосковье, а скорее с армейским полигоном за минуту до начала стрельб, но все же...

— Никогда такого не видел — честно ответил я, вдоволь налюбовавшись на этот феномен.

— Может остальные что-то знают? — неуверенно предположил приведший меня солдат, точнее, судя по нашивкам — сержант.

— Вряд ли. — Мрачно отозвался Дикобраз. — Эти совсем молодые, в Зоне и трех месяцев не пробыли.

— Толку с вас, — махнул рукой сержант. — Валите обратно... знатоки, мать вашу!

Мы отвалили, но не в цех, а в имевшийся во дворе закуток, понятия не имею, кому и зачем он служил прежде.

Находясь на открытом пространстве, я отметил еще одно интересное явление: легкий зуд под черепом и тонкий, на грани слышимости звон в ушах. Вероятно, это была та самая дрянь, что давила на мозги ночью, но под крышей она вгоняла в сонное полубредовое оцепенение, а на воздухе наоборот заставляли двигаться и суетиться. Я бы не назвал такое состояние бодростью...

Нечто похожее происходило и с вояками — они топтались на месте, без нужды поправляли амуницию и часто оглядывались. А ведь это были не солдаты срочной службы из линейных батальонов, а контрактники из отдельного батальона Осназа, что работают непосредственно в Зоне — слабонервных и неопытных среди них по определению быть не могло.

Я пригляделся. Вчера, когда нас так умело слепили фонарями, я это подразделение толком не разглядел. Ну, солдаты и солдаты, такие же стоят и на Кордоне под мостом, и на базе в Агропроме. При близком рассмотрении, выявились некоторые несообразности...

Пятеро были точно наши: славяне-контрактники из тех, что отслужили уже один срок в линейных батальонах на Периметре: «Волга», «Днепр», «Неман». А вот остальные, судя по импортной экипировке и автоматическим немецким винтовкам «ГП», проходили службу в бригаде НАТО. Разница невелика — там тоже из Америки только офицеры, а рядовой и сержантский состав сплошь состоит из поляков и прибалтов, поэтому вчера, в сумерках, я и не заметил языкового барьера — матерились они все строго по-русски.

И еще — офицер при них был не свой.

Я как никак, сам служил здесь же, и такие вещи вижу. Этим сбродным отделением руководил лейтенант из числа временно прикомандированных, что приезжают к нам из столиц набраться боевого опыта. Белейшие подворотнички, предельно пятнистая форма и

очень много гонора. Эти ребята очень торопятся отличиться, чтобы привезти домой не только запись в личном деле, но еще и благодарность, а еще лучше — медаль. Мне он здорово напоминал Олега-оператора — с того же поля ягодка...

Все это вместе наводило на размышления: такой сводный отряд под командой штабного супермена оставлен в Зоне с непонятной целью, и, судя по тому, что вертушки все еще нет, собирается пересидеть здесь Выброс. А мы им на хрена?! Или это личная инициатива лейтенанта? Могло быть и так....

Упомянутый командир все это время провел в некотором отдалении с рацией в руках. Текста я не слышал, но догадаться труда не составило: есть задержанные, наблюдается скопление мутантов, прошу эвакуации...

И что ему там отвечали, тоже можно было представить: сохраняйте спокойствие, обеспечьте охрану, помощь обязательно будет...

Суки. Вот из-за такого отношения к личному составу я и не пошел служить в этот самый Осназ, хотя предложения мне поступали.

Я оказался прав на все сто — из всех возможных вариантов командование выбрало самый хреновый...

* * *

— Вы что, не понимаете, что это просто коллективное самоубийство?! — Консультант все наседавал на лейтенанта, пытаясь оттеснить его узкой грудью от приоткрытых ворот. Со стороны это выглядело почти забавно — словно воробей пытается отогнать бульдога от дырки в заборе.

— Я выполняю боевую задачу. — гордо отвечал наш полководец. О чем они собственно спорят я понял после того, как увидел в руках у одного из солдат черный ящик размером с кассетный магнитофон. Официально эта штука называлась УТН-19, а попросту — «маяк». Предназначен для наведения ракет, и разработали его специально для Зоны, где самонаводящиеся боеголовки оказались малоэффективны. В свою бытность в саперах я и сам установил в предзоннике десятка два таких устройств. Что ж — с военной точки зрения нанести превентивный ракетный удар по скоплению вероятного противника было единственно правильным и логичным решением — более вразумительной помощи штаб, виду надвигающегося Выброса, предложить, видимо, не мог.

Другое дело, что точность этих ракет (в Зоне принципиально использовались морально устаревшие модели советских еще времен) даже с маяком была крайне низкой — плюс-минус двадцать метров. В полосе обеспечения такая точность вполне всех устраивала, поскольку с лихвой перекрывалось мощностью заряда. А это значило, что всем нам предстояло не позже, чем через час оказаться под ракетным обстрелом. И это понимали все, включая самого лейтенанта, который тоже боялся, но не мог в этом признаться даже себе самому. Уговоры «гражданских лиц» его только заводили еще больше.

Для выполнения поставленной задачи нашему генералиссимусу предстояло выйти в чисто поле с большей частью своей армии, успеть вернуться, укрыться в убежище и помолиться. Это было самоубийство в квадрате, потому и лица у солдат были предельно мрачные, причем у всех, а не только у тех, которым предстояло выйти за ворота. Даже если их там не съедят, даже если они этот маяк установят — самое страшное будет еще впереди...

— Они что, за ворота собрались? — Озабоченно спросил Дикобраз. Я не ответил, потому что и так все было ясно.

Лейтенант распределил задачи двойкам. Меня он в свои полководческие планы не посвящал, но смысл происходящего был очевиден. С тактической точки зрения он действовал безупречно: сначала вышла двойка головного дозора, через минуту основные силы — сам лейтенант и еще двое, один из которых нес «маяк», а прикрытие топталось у ворот, ожидая своей очереди. В семь стволов, прикрывая друг друга, они вполне могли прорваться с минимальными потерями.

Консультант еще раз попытался перехватить их на выходе, даже за плечо лейтенанта схватил — и тут же отлетел на пару метров в сторону, потирая ушибленный бок. С рукопашным боем у командира все было благополучно — ему б еще немного с головой подружиться...

Все, замыкающие тоже вышли.

Оператор добросовестно снял их выход для потомков. Вот кто всегда при деле, аж завидно.

— Левченко! На второй этаж, быстро! Займешь позицию на пожарной лестнице и прикроешь их огнем в случае необходимости. — Скомандовал сержант и снайпер бросился исполнять. С ним вместе увязался и Оператор — правильно, оттуда ракурс лучше... Во дворе остался сам сержант и еще один хлопец, а четвертый солдат был внутри — охранял арестованных. Глупо так распылять силы.

Словно подслушав мои мысли, сержант подошел к нам. Убедившись, что мы тут подкоп пока не роем и наручники не сняли, спросил:

— Закурить не найдется? — мы неловко протянули ему свои пачки, и он сразу прихватил из каждой по паре штук, но честно извинился при этом — Подняли по тревоге, сказали — на полдня, сухпай даже не выдали, а оно вон как обернулось...

— «Маяк» где ставить собрались? — спросил я, пользуясь случаем. Он посмотрел на меня с интересом и ответил, хотя я на это не сильно рассчитывал.

— На мосту. Там самый центр скопления...

— Слишком близко.

— А дальше — какой смысл? Не бойсь сталкер! Дадут навесом парочку вакуумных в воздухе, нас не зацепят. — Однако большой уверенности в его голосе не было.

— Надо бы всех лишних в подвал. — Осторожно посоветовал я.

— Обязательно. Только вот наших дождемся... — Отмахнулся он от умного совета и двинулся обратно к воротам, потом вернулся и скомандовал оставшемуся в цехе — Эй, Верхов! Давай этих бакланов сюда, пусть на глазах побудут!

Несколько следующих минут прошло спокойно. Кто мог — смотрел и целился, а мы с Дикобразом сидели и курили. Полная беспомощность буквально сводила с ума — много со мной чего было, но ждать атаки без оружия в руках пока не приходилось...

Началось не там, где ждали: выстрелы — короткая очередь из «Абакана» — раздались в цехе. Сержант отвернулся от ворот и вовремя: во двор вдруг выскочил Факел — без наручников и с автоматом в руках. Они выстрелили одновременно, но Факел только высек искры из стены, а вот военный сработал точнее. Его пули прошли тело сталкера насквозь и тот неловко завалился на бок.

Практически одним прыжком сержант оказался у входа в цех, походя глянул в нашу сторону, убедился что мы двое сидим спокойно и шагнул внутрь. Я насчитал четыре

очереди.... Еще через минуту он появился, волоча за собой тело... как там была его фамилия — Верхов?... Кровавый след тянулся по асфальту.

— Что сидите?! — Бешено крикнул он нам. — Посмотрите там этих... И пакеты перевязочные быстро!!!

Часовому перевязочный пакет был уже не нужен — ножевая рана рассекала его горло в самом подходящем месте, под кадыком. Остальным тоже медицинская помощь не требовалась...

Судя по всему, они напали как только им позволили подняться наверх. Коготь валялся в десяти шагах от ямы, тело Лосося я заметил еще дальше, в другом углу цеха — они, похоже, намеревались сбежать через второй этаж. А вот Кожан поступил умнее — караулил сержанта у самого входа, видимо, надеялся завладеть вторым автоматом.

Не получилось.

Кто из них ударил первым, а кто отвлекал, как им удалось избавиться от наручников — кто теперь скажет? Сержант настигнул их свинцом от души, не жалея казенных боеприпасов... Мы с Дикобразом оттащили тела к стенке и на этом наш гуманный труд был закончен. Лосось еще содрогался в конвульсиях, но на губах у него пузырилась кровавая пена, и ясно было, что жить ему оставалось считанные минуты.

А когда мы выбрались наружу, стреляли уже и там: сержант и ефрейтор палили от ворот из автоматов, снайпер долбил сверху, но основной бой разгорелся в районе моста. Это продолжалось невыносимо долго, никак не меньше пяти минут я стоял, сцепив зубы, и считал на слух количество действующих стволов. Плотность огня неумолимо падала, при этом звуки боя смещались в нашу сторону — армия отступала. В конце концов остались только «калашников» и одна «ГП». Надо понимать, двое уцелевших закрепились на деревьях, других укрытий в той стороне просто не было.

Сбоку набежал консультант Олег Васильевич и навалился на левую створку ворот, собираясь закрыть, но сержант оттолкнул его и заорал что-то неразборчивое, не прекращая при этом стрелять. Консультант тут же оставил ворота и бросился в убежище.

— Пошли, чего тут стоять?! — подтолкнул меня Дикобраз и мы тоже побежали внутрь. Уже на лестнице в подвал столкнулись с Оператором и снайпером, спускавшимися с первого этажа.

— Они через забор лезут! — крикнул он мне на ходу, словно бы оправдываясь. — Там снарки, понял? — Ответить я не успел, да и незачем было уже отвечать — раздался первый взрыв...

Эти суки не стали ждать, к тому же положили не пару вакуумных навесом, а полную кассету фугасных... Последний взрыв был особенно мощным, видимо, шарахнули две разом.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

* * *

В нашем бункере за истекшие двое суток ничего принципиально не изменилось. Также светила на стене люминесцентная лампа, последнее глыбино приобретение, почти на тех же местах лежали вещи. Только в кухонном углу возле примуса выстроились в ряд армейские котелки и кружки. И все было засыпано ровным слоем пыли, просыпавшейся с потолка в результате обстрела. Песок скрипел и на зубах.

— Чего стоишь? — толкнул я плечом единственного уцелевшего солдата, после того как затих наверху грохот падающих камней. — Наручники снимай!

— Двери ж завалило... — шепотом ответил тот.

— Тем более. Что мне, скованным теперь помирать?

— Ключи у сержанта остались. — Виновато ответил снайпер.

— Твою мать... — сказали мы с Дикобразом.

— Дайте-ка я попробую. — вклинился в беседу Оператор. Он достал швейцарский нож, открыл какой-то особенно хитрый крючок в наборе и поковырявшись в замках с полминуты, освободил поочередно нас обоих.

Неплохо учат в ихнем ВГИКе, однако...

После этого я первым делом вооружился. Выбирать откровенно говоря было не из чего — арсенал Глыбы и остальных военные забрали вместе с ними, а из того, что было конфисковано вчера я обратно выбрал свою помповуху — кожановская «гадюка» мне доверия совсем не внушила. Патронов было вполне достаточно — остались от покойных коллег. С оружием в руках я вновь почувствовал себя человеком, способным о себе позаботиться, и первым делом проверил дверь — она не открывалась.

— Я так понимаю — сказал Дикобраз — перекрытия обвалились...

— Самим точно не открыть. — поддержал его консультант. — И оба посмотрели на меня, как будто у меня кармане лежал отбойный молоток.

— Что делать-то будем?! — тонким голосом спросил солдат. Как уж там его фамилия? Левченко, что ли...

Я глянул на него повнимательней. Зрачки расширены, испарина на лбу, что-то сглатывает непрерывно и винтовкой своей во все стороны тычет — картина ясная. Парень, что называется, поплыл и сейчас находился в одном шаге от истерики. Только что на его глазах погибли все его товарищи, а сам он оказался замурован в подвале в совершенно незнакомой и не слишком дружелюбной компании — при таких условиях и покрепче его люди ломались...

— Сейчас — ответил я, стараясь говорить медленно и внятно, — мы все сходим за угол и отольем. Потом отложим в сторону оружие и ляжем на живот, закрыв голову руками. Лучше всего принять по паре таблеток аспирина и зажать в зубах что-нибудь типа ремня от автомата. Потому что до Выброса остались считанные минуты. Впе-е-е-ред!!! — гаркнул я и первый пошел в дальний угол подвала.

Начало Выброса все ощущают по-разному: лично у меня он начинается с мурашек по коже и закладывания ушей.

* * *

По часам Выброс продолжается меньше минуты, но за это время каждый успевает пережить и прочувствовать столько, что любому мазохисту хватит ощущений на год вперед: жар во всем теле, гул в ушах, ощущение стремительного полета-падения, а вдобавок ко всему еще и острое удушье. Случаются при этом самопроизвольные мочеиспускания, бывает пена изо рта, как при эпилептическом припадке.

Знаю людей, которые только из-за тяжелой реакции на этот катаклизм были вынуждены покинуть Зону или прозябать на Кордоне. До сих пор я полагал, что и Дикобраз

из их числа — однако нет, он как раз выглядел сравнительно неплохо, немногим хуже, чем я.

Тяжелее всех пришлось Оператору — у него этот раз оказался первым. Правда и он отделался всего лишь кровью из носа и общей дезориентацией. А впрочем, мало никому не показалось. Первые полчаса после Выброса напоминают тяжкое похмельное утро: все такие тихие, спокойные, мало разговаривают и почти не шевелятся. Даже твари в это время отсиживаются в норах и только спустя час-другой сбиваются в стаи и ломаются к окраинам, сметая заграждения и пожирая всех подряд.

— Мать моя женщина.... И часто тут у вас так? — пробормотал слабым голосом Олег-оператор.

Я скосил глаза в его сторону — парень пытался встать.

— Ты лучше лежи. — посоветовал я ему — У нас так каждые пять дней, так что спешить пока некуда.

— Пить хочу. — Ответил он.

— Так фляжка же на поясе. — напомнил я ему.

— Пусто в ней.

Вот так всегда, с этими чайниками. Как по Зоне ходить мы знаем и других критикуем, а позаботиться об элементарных вещах у нас ума уже не хватает... Сейчас мы были одной командой, поэтому я напрягся и передал ему свою.

— По-моему — вклинился в разговор консультант. — Этот Выброс был немного не такой как обычно. Или в Темной Долине всегда так? — спросил он у меня.

Я добросовестно проанализировал свои ощущения и подтвердил:

— Сильнее обычного. А главное — по мозгам в этот раз дало крепче, просто какой-то калейдоскоп...

— Вот-вот! — подтвердил консультант. Именно, что — по мозгам. Есть такая книга старая, про сумасшедший дом, там больных электричеством лечили...

— Ну знаю я эту книгу, «Кукушкино гнездо» называется, гони дальше, ботаник — поторопил я его.

— От ботаника и слышу! — огрызнулся ученый. — И называется она намного длиннее!

— Профессор, давайте и вправду, ближе к телу. Вам что-то об этом известно, или просто лежать неумоготу? — поддержал меня Дикобраз.

— А откуда вам собственно известно, что я именно профессор?

— А откуда вам известно, что он именно Ботаник?!

— Господа, давайте посерьезнее — попросил Оператор. — Или мы ссоримся, чтобы не думать о заваленной двери? Так что будьте добры, Олег Васильевич, говорите что вы там хотели — народ имеет право знать...

— У меня нет полной уверенности — сварливо отозвался тот.

— Давайте предположения, только поскорее...

— Ну если коротко... Заметили, что вчера вечером и ночью ощущения были какие-то странные: озноб, звон в ушах....

— Было, было. — Оживился солдат, до этого лежавший совершенно молча. — Витек... ну сержант наш... говорил, что это контролер рядом бродит...

— Ошибся ваш сержант. Хотя психотропные эффекты действительно имели место, но...

— Давайте лучше я все объясню — сказал Оператор. — Значит так: вчера эти умники внепланово решили испытать новый орбитальный сканер для исследования центра Зоны. А конкретно — пытались направленным лучом нашарить в Саркофаге Монолит. Эту идею

вторую неделю обсуждают все СМИ. Надо полагать, что вчерашний фестиваль мутантов и особо резкий Выброс — прямое следствие этого эксперимента.

— Так это что — наши пацаны из-за яйцеголовых тут полегли?! — Левченко вскочил на ноги двинулся к профессору сжав кулаки.

Я из лежачего положения подсечкой сбил его на пол и навалился сверху, вынимая на всякий случай, пистолет из его кобуры.

— Вообще-то, это был проект Международного института аномальных явлений, причем наша секция как раз выступала против. — обиженно отозвался профессор. — И кстати, ракетам нас угостил ваш штаб, а вовсе не наш научный Центр!

Солдат подо мной перестал вырываться и я его отпустил. Он медленно отполз на свое лежачее место — между прочим, прежде здесь спал Селезень — и впал в протрацию, даже слезы, текущие по щекам, не утирал. Вояки в таких, не предусмотренных уставом, ситуациях вообще ломаются легко, это я давно заметил.

— Удачно как совпало. — Задумчиво сказал Дикобраз, когда этот инцидент рассосался. — Зона выдала очередной катаклизм, а в Темной Долине полностью погибло крупное армейское соединение включающее военнослужащих НАТО, а также сотрудник Научного Центра и начинающий, но уже известный режиссер-документальщик. Боюсь, профессор, что с изменением статуса Зоны ООН придется слегка повременить...

— Думаете, нас не отроют? — Спокойно спросил уже зачисленный в погибшие известный, как выяснилось, режиссер.

— Опасаюсь. Ну прилетит через пару часов ваша Клара, снимет растерзанные трупы солдат, воронки и что? Они, конечно, покопаются в развалинах, но вряд ли смогут много сделать — здесь экскаваторов нет...

— Тут вроде бы есть какой-то выход. — Неуверенно заметил оператор. — Я видел там дальше дверь...

Вот так сбылась моя мечта пробраться поближе к Лаборатории. С чужим дробовиком и без брони, зато в слишком приличной компании...

* * *

Съестного в подвале почти не осталось. Правильно — Глыба, увлекшись погоней за мной, к Сидору за провиантом никого не посылал, а НЗ подъели солдаты. Оставались совершеннейшие пустяки типа сухих макарон и томатного соуса к ним — даже галеты все сгрызли подчистую... Воды, кстати, тоже оказалось маловато в емкости фильтра плескалось всего литров пять-шесть. Самыми богатыми оказались оба Олега, в их рюкзаках нашлись и саморазогревающиеся консервы, и по банке «энергетика» на нос. Остаточные симптомы типа сухости в горле и дрожания рук уже прошли, слабость прогнал коктейль и позавтракали мы все с завидным аппетитом.

Жалко, что рюкзаки у них были не особо большие... Впрочем, даже будь у нас с собой вся сидоровская кладовка, дожждаться спасателей нам была бы не судьба — обе наших вентиляционных шахты завалило наглухо и воздух с каждой минутой делался все более спертым.

Сразу же после еды я начал собираться — не ждать же пока все помрут, от них, пожалуй, дождешься....

Солдаты, слава богу, не успели обыскать наш схрон как следует, а может просто пленились. Облазив все тайники и коробки я нарыл довольно много полезных вещей, из которых самой ценной находкой оказались контейнеры для артефактов и питание к ПНВ. Кроме того, нашлось немного шоколада, сигареты и довольно много спирта, который нам, впрочем, в таком количестве совершенно не требовался.

Глядя на меня, начали сборы и все остальные, причем вопросов никто не задавал — как-то так вышло, что я вдруг оказался главным лидером.

Но перед выходом следовало разобраться еще с одним назревшим вопросом, поэтому я демонстративно оставил рюкзак на виду и направился к заваленному выходу. Народ проводил меня удивленными взглядами, но комментариев опять не последовало.

— Эй, Дикобраз! — позвал я. — подойди-ка на минутку!

Он подошел. Я еще раз навалился на дверь. Она естественно не стронулась с места — как была там щель в ладонь шириной, так и осталась.

— Попробуй ты. — Попросил я его и он послушно навалился плечом.

— И кстати, — спросил я закуривая — ну-ка намекни, брат, на кого ты собственно работаешь?

— Что? — спросил он отодвигаясь от двери.

Я не стал направлять на него ствол — в данной ситуации это было совершенно лишнее, как-никак он был одним из немногих, явно поддержавших меня в конфликте с Глыбой.

— То самое. Хочу узнать, на кого ты работаешь. На разведку? На комендатуру? А может сразу на российскую ФСБ?

— Ботаник, а ты часом лишнего не хлебнул? — Попытался он свести все к шутке.

— Нет. Я совершенно трезво прокачал твою легенду, и вот что выходит: никакой ты не дикобраз! И по Зоне ты ходить можешь, и Выброс переносишь нормально, и не трус ты — это точно... Так объясни мне, какого хрена ты сидел на Кордоне, валял дурака и собирал только информацию о других, а?

— А может я тоже скрываюсь? — улыбнулся он, впервые признавшись, что знает обо мне больше, чем я думаю.

— Если и скрываешься, то не как я! Давай, колись, иначе я никуда и никого не поведу!

— Подохнешь со всеми вместе за компанию?! — удивился он. — Ну ладно уж, раз такое дело... Мне в общем скрывать нечего, могу даже и всем сообщить. Но это не то, что ты думаешь, совершенно не то.

— Хорошо, пошли...

Мы вернулись к остальным. Дикобраз торжественно вышел на середину и начал, шутовски раскланявшись:

— Господа! Я должен сделать важное заявление. Я не сталкер. Я только прикидываюсь им, а на самом деле работаю на Российский гуманитарный научный фонд. Исследую психологические изменения у членов закрытых мужских сообществ, существующих в экстремальных условиях. Теперь доволен? — обратился он ко мне.

— Постойте, постойте... — Оживился профессор. — Это не вы публиковали статьи в нашем «Вестнике» последние два года? Я помнится, сразу подумал, что такие данные можно получить только изнутри так сказать...

— И в «Вестнике», и еще кое-где... — Скромно подтвердил Дикобраз. — Я выиграл сразу два гранта — по коллективной психологии и фольклористике одновременно. Если выберешь отсюда живой — буду докторскую диссертацию писать...

— Интересный метод сбора данных. — Удивился Оператор. — На какие только жертвы не идут настоящие ученые в погоне за докторской надбавкой.

— Ничего особенно ужасного. — Заверил Дикобраз. — В дальние рейды я не ходил, а сталкеры, если не трогать их хабар, люди вполне мирные и общительные. Всю необходимую информацию я получал не выходя с Кордона — как-никак половина бродяг мои крестники, а через Сеть можно многое получить, если знаешь как и с кем поддерживать контакты. В конце-концов, большая часть их рано или поздно возвращается к Сидору, и знаете — изменения в психологии заметны очень хорошо.

— Значит. — Подвел я итог. — Куратора у тебя нет и вызвать помощь для нас ты не можешь?

— Куратор у меня есть, даже два — один в комендатуре, другой в штабе «Долга». И помощь вызвать я могу, хоть целый вертолет для срочной эвакуации, но для этого надо выбраться на поверхность — из подвала моя связь не работает...

— Тогда пошли. — Пригласил я их за собой. Вариант с вертолетом меня, пожалуй, устраивал. Правда выбраться сразу за Периметр мне как-то не с руки пока, но если удастся свалить из Долины, избежав встреч с охотниками за сокровищами, это будет уже полдела...

И мы пошли: сталкер, полтора профессора, испуганный солдат и деятель с кинокамерой — не в такой компании рекомендуют обыскивать подземелья.

* * *

Будь здесь обычная стальная дверь на петлях, ее бы своротили еще сто лет назад. Но вход в Лабораторию перекрывали две раздвижные бронированные плиты, утопленные в камень, перед которыми оказалась бессильны и взрывчатка и автоген. Многочисленные шрамы от прежних неудачных попыток густо покрывали броню, я даже насчитал на ней три сравнительно глубоких отметины попаданий из гранатомета. Думаю, хорошая пушка или килограммов пять пластита могли бы решить проблему, но в этом случае, неминуемо был бы завален весь туннель. Надежно здесь строители поработали, на Янтаре, помнится, дверь была намного слабее...

На каждом пульте имелось две кнопки: одна включала сам пульт, вторая собственно открывала. В принципе. Я уже нажал много раз все четыре, но успеха не добился. Повозившись минут пять, я понял, что первый пульт включал открывающий механизм, а второй — приводил его в действие. Первая операция прошла вполне успешно — мы вся ясно слышали гудение работающего двигателя, но дверь стояла мертво. Я и один раз давил, и вдвоено, как компьютерную мышку — эффект был нулевой.

Перспектива смерти от удушья приблизилась и встала за моей спиной, реальная, как дуло автомата.

— Ты это, питание смени. — Посоветовал Левченко, выглядывая из-за плеча. — Видишь, лампочка горит еле-еле...

Чертыхнувшись, я последовал его совету — благо аккумуляторов у меня теперь было аж три комплекта — и попробовал еще раз.

Бронированные створки разошлись. Я ожидал, что открываться будет медленно и со скрипом, но они сработали почти мгновенно, как в лифте. Это оказалось полной неожиданностью и для меня, и для сидящего с той стороны кровососа.

Мутант резко поднял голову, издав утробный рык, но еще прежде, чем он встал в полный рост, я первым выстрелом завалил его на спину, а вторым снес ему полголовы. Все остальные даже не успели поднять оружие — те еще напарнички...

— Добро пожаловать. — Сказал я им, вгоняя два патрона в магазин. — И первым шагнул в темноту.

Слава богу, второго кровососа рядом не оказалось и мы беспрепятственно проникли в тамбур. Лучи фонарей заскользили по сторонам, выхватывая из мрака обломки мебели, остатки пульта дежурного, открытый лифт и раскуроченный силовой щит.

На пороге я с удивлением обнаружил тело Лосося, уже высосанное тварью. Он-то откуда здесь взялся? А еще я тут же, прямо у входа нашел «огненный шар» и первые пять тысяч легли в контейнер — хорошее начало...

А потом я прошел немного дальше и стало мне невыносимо горько и обидно!..

Боцмана убили из-за этих проклятых ключей, я сам из-за них стал почти что изгоем... И вот дурацкая армейская ракета прилетела за двадцать пять километров, разворотила фугасным зарядом весь склон у болота и в потолке подземелья образовалась дыра, к которую не особо напрягаясь можно было уронить легковой автомобиль. Через этот провал хорошо было видно серое и пока еще чистое небо Зоны, а с краю торчал почти вырванный с корнем куст...

Метра три с небольшим. Если встать кому-нибудь на плечи, вполне можно выбраться.

— Ну, кто хотел вверх? — спросил я, осматриваясь, — путь свободен. Правда, торопиться не советую, там сейчас зверье свирепствует.

— А ты, Ботаник? — спросил Дикобраз.

— А я пока тут погуляю немного...

— Тогда я с тобой. — Попросил Дикобраз. — Поделишься хабаром? Ты не думай, мне много не надо... Так только, ради интереса.

— Валяй. Изучишь психологию на собственном опыте...

— А я — сказал рядовой Левченко — никуда отсюда не пойду!

— Вот и замечательно — согласился я — прикроешь нам спину. Или ты собираешься сразу вверх?

— Я здесь подожду — тупо повторил солдат и сел в угол в обнимку с винтовкой.

— Я тоже с вами. Это будет действительно фильм.... - мечтательно заявил режиссер.

— Тогда уж и меня берите — заявил наш профессор — в конце концов я единственный, кто был в этой лаборатории раньше...

— В 2006-м? — удивился я.

— Намного позже — спокойно ответил он. — Или вы и вправду думали, что Х-16 закрылась сразу после первого Выброса? К вашему сведению, она активно работала еще в 2008-м, да и после, кажется тоже. Х-16 закрылась два года назад изнутри, что-то там приключилось — они знаете ли работали с различными видами мутантов, в том числе — с полтергейстами...

— Вот эти мутанты их и того.... - понимающе кивнул режиссер.

— Никто наверняка не знает. Сигнала тревоги не было — они просто не вышли на связь в положенный срок. Это произошло сразу перед Выбросом, поэтому группу отправили не сразу... К сожалению, все спасатели погибли — нарвались на бандитов Борова, уцелело всего два человека, долговцы их перехватили израненных на выходе из Долины. Следующую команду смогли послать только через три дня — помочь уже не надеялись, они шли

расследовать причины, — но и эта группа погибла целиком, только уже в подzemелье. Во всяком случае, они успели передать, что добрались благополучно и собираются идти вниз. А потом оказалось, что ключей от Лаборатории в наличии больше нет, а взламывать двери начальство так и не решилось — побоялись чрезмерной огласки.

Все помолчали, переваривая информацию. Новости были хреновые — я-то всегда полагал, что Лабораторию просто закрыли в 2006, а персонал эвакуировали...

— А вы, собственно, какие науки практикуете, коллега, — неожиданно заинтересовался Дикобраз. — Я почему-то был уверен, что вы физик...

— Я физиолог. И занимаюсь некробиотическими формами жизни... Если проще говорить — изучаю зомби и некоторых других мутантов.

— А в Темной Долине вы чего позабыли — удивился я. — Вот уж где этого счастья сроду не было...

— Вот это мне и надо выяснить — рассеянно ответил профессор. — Почему это везде они есть, даже на Кордоне пару раз появлялись, а в Долине — ни одного случая не зафиксировано.

Он достал из сумки какой-то измерительный прибор и начал щелкать кнопками. На панели немедленно замигали два огонька: зеленый и оранжевый.

— Вот! Видите — напряжение пси-поля на порядок выше, чем на поверхности. Почти те же показатели, что и на Янтаре... — с довольным видом сказал он, как будто этой новости мы все и ждали с нетерпением.

— Так у вас тут что, зомбаки водятся — испугано вскинулся Левченко и начал оглядываться, словно опасаясь увидеть в каждом углу по ожившему труп.

— Это вряд ли. — Успокоил его ученый. — Если бы они здесь рядом были, горела бы другая лампочка. А вот полтергейсты или контролер здесь вполне могут оказаться — очень для них здесь среда подходящая.

— Может мы все таки пойдем куда-нибудь?! — Сварливо сказал оператор. — Стоим здесь, того и гляди — гранаты дождемся. Лекцию нам по дороге прочитают — Олег Васильевич просветительской работой занимается с огромным удовольствием...

Профессор глянул на него с удивлением. Эта вспышка раздражительности и меня удивила — до сих пор наш оператор вел себя вполне корректно и спокойно. Не иначе как тоже подземелий боится.

Лично мне вдруг стало откровенно страшно сделать шаг в непроглядную тьму коридоров. И дело не в этих лампочках и полях, которыми нас запугивал профессор — цену их приборам и теориям я знал хорошо. Просто у меня свои, довольно сложные отношения с подземельями. К подвалам я привык, нужда заставила, на Агропроме и Янтаре вниз спускался, но в компании и недалеко — седьмой год, с самого 2006-го грызет меня активная нелюбовь к подземным коммуникациям.

Но глаза боятся, а ноги бегают. Шаг, шаг, еще шаг... Первый дался тяжело, второй — еще хуже, а дальше включились привычные рефлексy и страх отступил, потерял остроту, появилась возможность смотреть под ноги и нормально работать.

Никакого особенно сложного лабиринта лаборатория из себя не представляла, тем не менее, ориентироваться в ней было бы сложно, не будь у меня оставленного Меченым плана. В зеленоватом свете ПНВ эти коридоры и помещения, забитые обломками мебели и оборудования были похожи друг на друга как школьные классы, только здесь не было табличек на дверях. Хабар попадался не то чтобы на каждом шагу, но в количествах вполне

достаточных — мы еще и первый уровень полностью не прошли, а подсумки были забиты уже наполовину. Разнообразием ассортимента меня не баловали: попадались главным образом «шары», «гравы» и «капли», причем последними я уже брезговал.

Сопровождающие лица вели себя пока нормально: шагали след в след, исправно оглядывались и лишних разговоров не вели, но общее напряжение нервов усиливалось. И больше всего меня тревожило отсутствие серьезных проблем — ни снайперов, с которыми воевал Меченый, ни серьезных аномалий мы пока не встретили. Один ход — тупиковый, если верить плану — был полностью перекрыт «жаркой», в остальных коридорах частенько попадались светящиеся лужи студня, которые вполне реально было обойти — и все...

Единственным звуком, нарушавшим эту ватную тишину, был звук наших шагов и хриплое дыхание, да и те мгновенно вязли в глухом пространстве. Так, совершенно без приключений, мы добрались до двери с кодовым замком, что вела на следующий уровень.

— Командуй привал, Ботаник — хрипло сказал профессор, присаживаясь на корточки и остальные тут же последовали его примеру.

— Как вы сказали? Ботаник — медленно переспросил я и встал напротив. — Это ты их просветил? — спросил я у Дикобраза.

— Я о тебе вообще ни с кем не говорил — с какой стати? — Обиженно ответил тот.

— Ой, да ладно вам, Егор, напрягаться... — с досадой отозвался профессор и достал из нагрудного кармана пузырек, из него выкатил пару таблеток и бросил себе под язык. Затем подумал и предложил остальным.

— Я жду — напомнил я.

— Ну хорошо, хорошо... Да я вас знаю. Заочно. Также, как и всю вашу... семью. Я изучил все материалы, касающиеся воздействия Зоны на человека, а ваш синдром в этом плане довольно интересен. На медицинской карточке была фотография, так что узнать вас проблемы не составило. И, кстати, за вашей судьбой и сейчас пристально наблюдают, как впрочем и за всеми, кто поражен Зовом — таких у нас числится больше двадцати человек. Удовлетворены?

— Вот прямо сейчас наблюдают? — уточнил я.

— Ну нет, конечно, это я загнул — просто ведут статистические наблюдения — кто жив, кто нет, где находится, чем занимается... Уж если быть совсем откровенным, так это наша служба позволила вам сбежать из под следствия, комендатура как раз настаивала на немедленном аресте...

— А ты, Ботаник, оказывается прям таки шекспировский герой — с уважением присвистнул Дикобраз. — Я-то думал, что ты так... обычный элемент...

— Я не понял, — вклинился режиссер — мы дальше идем, или чужие семейные тайны расследуем? И, кстати, профессор, что это за таблетки вы нам суете?

Ученый с готовностью ухватился за возможность сменить тему:

— Этот препарат снижает воздействие пси-поля на мозг. Даже если мы встретим там внизу контролера у нас будет где-то полминуты, чтобы с ним разобраться.

— Вы все-таки думаете, там есть контролер? — уточнил я.

— Контролера там быть не должно — что ему там делать взаперти и кем питаться? Однако что-то там, безусловно есть... Лично я надеюсь на полтергейстов.

— Давайте... — я тоже взял предложенные таблетки. Горькие оказались заразы...

Первый же код с боцманской флешки подошел — дверь открылась, пропуская нас на лестницу. Поперек ступеней валялся «калашников» без магазина и труп снайпера, ничего

более угрожающего не обнаружилось.

Не знаю, было ли это следствием действия таблеток или результат разгулявшейся нервной системы, но моментально появилось ощущение взгляда в спину. Остальные, похоже, испытывали нечто похожее, во всяком случае все стали нервно оглядываться и утирать пот со лба.

— Профессор — спросил Дикобраз. — А полтергейсты, они вообще какие на вид?

— Описывают как сгустки искристой субстанции, плавающие в воздухе. Похож на «электрику», только летает, если попроще. — Немедленно отозвался тот, — А что?

— А то, что один такой летает прямо у нас над головой...

Я поднял голову и начал стрелять, прежде чем сумел осознать увиденное. Картечь прошила мишень, но реального результата не принесла, только на головы нам просыпалось нечто, похожее на пепел. Вслед за этим вспыхнуло еще два искристых клубка и стрелять начали все. В ответ нам на голову рухнула целая секция перил, за ней полетел тот самый «калашников» и труп снарка. Если бы на лестнице нашлось что-нибудь более увесистое, мы бы тут и остались.

Дальнейшее путешествие больше напоминало игры в пэйнтбол. Мы пробирались темными коридорами, постоянно оглядываясь по сторонам, полтергейсты регулярно на приличной скорости пролетали мимо нас на уровне груди, что затрудняло прицельную стрельбу. Время от времени в нас летело что-нибудь тяжелое и вскоре Дикобраз обзавелся шишкой на голове, мне попало стулом по спине, профессор размазывал кровь на лбу, а оператору чуть не выбили глаз его собственной камерой.

Об артефактах, разумеется, пришлось временно позабыть.

В конце концов они нас загнали в маленькую комнату без двери — здесь имелись помещения и с дверями, но закрываться я не рискнул — еще завалят наглухо вход, и привет.

— Кажется, — сказал профессор, — они не могут поднимать предметы тяжелее определенного веса. Иначе могли бы нас просто так по стенке размазать...

— Это радует — ответил Оператор, — только что из этого следует?

— Что придется убить всех до одного, иначе не выпустят — предположил я.

— Давайте подождем — предложил Дикобраз. — от одного из яйцеголовых я слышал, что такие твари не могут слишком долго сохранять активность...

— Спорная версия, — сказал ученый и охотно присел на единственный имеющийся стул.

Выглядел он в целом плоховато: одышка, мешки под глазами, которых, клянусь, еще час назад не было, и лицо от пота совсем мокрое. Конечно, он был не сильно молод, всласть побегал с довольно большим рюкзаком — и все же это было несколько странно... Тем более что все остальные — молодые, идущие почти налегке, — тоже находились не в лучшем состоянии. Я и сам взмок до неприличия, тоже дышал с хрипом, а вдобавок ко всему возникло ощущение, что кто-то накачивает мне в голову сжатый воздух, так что уши закладывало.

— Слушайте, профессор, — спросил Дикобраз, опускаясь на пол, — а эти ваши таблетки, они как — без побочных эффектов. Что-то у меня голова прямо кругом идет...

— Не должна бы, препарат проверенный — ответил Олег Васильевич. — Воздействует только на отдельные участки мозга, снижает активность зон, восприимчивых к психическому воздействию. Побочные эффекты есть, но совсем другого плана: озноб, эмоциональная заторможенность....

— Тогда это что-то другое — включился в разговор Оператор — я, как раз сейчас зол до икоты...

— Давай те ка братцы выпьем! — предложил профессор. — Это полезно во всех случаях.

Спирт, как оказалось, захватили с собой все, и все выпили кому сколько душа запросила. Действительно стало легче — огненная волна из желудка прогнала муть из головы, а одышка прошла сама собой. Осталось правда тяжесть в затылке, но в Зоне это ощущение вполне типичное и если на него всерьез внимание обращать, так лучше вообще не выходить с Кордона.

В общем, оживились они настолько хорошо, что дружно, не сговариваясь, достали шоколад и начали закусывать с изрядным аппетитом, хотя ели не больше часа назад.

Что характерно, мы провели в этом... чулане не меньше пяти минут и за все это время ни один полтергейст даже близко не промелькнул. Может они нас нарочно сюда загнали? Я выглянул в коридор — там было тихо и темно, воздух стоял неподвижно, как вода в болоте, и также пах гнилью и сыростью. Тяжело дышалось, может быть мы зря грешили на таблетки?

Выходить в коридор не хотелось совершенно.

Сесть было некуда, кроме как на пол, — стул был один. Странная в общем-то меблировка: кроме этого стула, шаткого и скрипучего, образца 1980-х, имелись в наличии пять (!) насосов и три застекленных шкафа, давно и полностью пустых. Интерес представлял только мусор в углу: ворох использованных бинтов, банки от тушенки и «нон-стопа», пустая коробка из-под патронов, пара использованных инъекторов из армейской аптечки. Набор стандартный: кто-то здесь, как и мы, устроил привал: поел, перевязался, набил пару обойм — и пошел себе дальше.

Неужели Меченый?! Выходило так, что больше некому: такие банки «энергетика», с оранжевой полоской, появились в Зоне уже на моей памяти, а никто другой в означенный период в лаборатории не был...

Спохватившись, я сверился с КПК. Это помещение на схеме Меченого было обозначено. А рядом было еще одно, значительно большее, помеченное крестом. Коллеги продолжали есть — тупо и монотонно, словно по приказу. Ну и пусть пока сидят! Я кивнул Дикобразу и вышел. Никто ничего мне в след не сказал, вопроса не задал, удерживать не пытался. Такое поведение было для них нетипично. Следовало принять меры, но в тот момент у меня была идея поинтересней...

Назначение этого помещения угадывалось с первого взгляда: вдоль стен стояли высокие стеклянные цилиндры на сложных постаментах, обильно обмотанных трубками и проводами. В Исследовательском Центре в таких выращивали всевозможных уродов, вряд ли здесь они использовались как-то иначе. Емкости были разбиты, похоже здесь кто-то от души пострелял в свое время. Это стекло теперь противно хрустело при каждом шаге, угнетая окончательно нервную систему. В свете фонаря Лаборатория выглядела достаточно жутко, хоть снимай здесь фильм ужасов.

Я боюсь подземелий вовсе не из-за темноты или замкнутости пространства — плевать я на них хотел! Напрягает меня только отсутствие обзора и маневра. Вот стоит передо мной большой железный агрегат, а что за ним? Пустой темный угол? Емкость с горючим? А может, затаился кровосос, или зомби!? Умер здесь какой-нибудь сержант из второй спасательной экспедиции и пролежал два года у стенки. А трупы в Зоне почти не гниют, только засыхают, превращаются в мумии и если их потом Зона поднимет — слыхал я про

такие случаи — вполне могут передвигаться, даже оружием пользуются. Бродит теперь этот бедолага по темным коридорам, спотыкается об ящики и обломки стульев, ждет своего часа, случайного гостя, копит силы, чтоб вцепиться сухими фалангами в горло.

Прогоняя этот морок, я прокашлялся. Звук повис в воздухе, как муха в паутине, хотя здесь, конечно, никаких пауков быть не может. А кстати, почему? Везде насекомые есть, а в Зоне — нет, надо бы спросить у профессора...

Я переключил фонарь на самый широкий угол и пошел по кругу, внимательно глядя вперед, и еще внимательнее прислушиваясь. Тишина и пустота. То есть, кроме собственно оборудования и осколков под ногами совсем ничего не было. Мне и это показалось сейчас подозрительным: все остальные помещения были основательно захламлены посторонними ящиками, бочками, обломками мебели. А здесь — ничего подобного.

И вообще, лаборатории я видел. Независимо от функции, во всех была чистота и приборы, компьютеры и письменные столы. А здесь на полу кафель, стены — крашеный бетон, множество громоздкой техники и трубы сплошные кругом. Это скорее напоминало заводскую котельную или химическое производство, но уж никак не научный объект. И где они тут сами обитали, ведь если лаборатория активно действовала еще в 2010, так они и жить должны были в ней?

Убедившись, что ни в одном углу нет ни зомби, ни снарка, я вышел на середину и еще раз огляделся. Не представляю, что я рассчитывал найти: надпись на стене, чемодан с документами, осколок Монолита? Но зачем-то Меченый поставил этот крест? Единственное, что мне удалось установить — здесь поработали «жарка» и «электра», возможно обе сразу: стены обгорели, стекло оплавилось, все мелкие части приборов сгорели в пыль, уцелели только те, что были ближе ко входу.

Блуждая дальше, я наткнулся на металлическую лестницу, что вела на уровень выше, конечно, поднялся и нашел тут еще одну комнату. Все верно, рядом с автоклавами (вспомнил, как эта хрень называется) должен быть наблюдательный пост, иначе как они этой химией управляли? Здесь интерьер был заметно богаче: компьютеры, столы, шкаф для спецодежды и электрический чайник в углу. А еще на дальней стенке была схема, чрезвычайно меня заинтересовавшая. Дизайн схем для срочной эвакуации был определен еще в советские времена: фигурки людей, стрелки и нумерованные квадраты помещений. Снять и положить ее в карман я не мог — чертеж был нарисован прямо на стене. Но можно было его сфотографировать, что я и сделал. Оно того стоило — кроме уже известных мне помещений (уровни различались цветом исполнения), был обозначен еще один самый нижний этаж и какой-то выход на нем, к которому, собственно, и вели все эти многочисленные стрелки.

Неужели это и был предполагаемый мной выход, которым мог выйти Меченый? Но если так, почему он не замазал чертеж, а оставил все как есть? Или ему было не до того, или этой схемы он не видел.

На радостях, я полностью позабыл все свои страхи, дурную слабость в голове и прочих частях тела. Я даже стукнул кулаком по столу, что в общем редко себе позволяю, и немедленно поплатился за несдержанность: самой нежной косточкой запястья я попал по чему-то мелкому, но твердому, чего тут не было минуту назад, но отчего руку пробило болезненной судорогой до самого локтя.

Вот так вот оно в жизни и бывает: ходишь сутками, ноги стаптываешь, из-за паршивой «капли» лезешь черт знает в какую задницу, еще и патронов по дороге сожжешь на те же

деньги, а тут — один удар, и ты богач...

На облезлом письменном столе передо мной лежали четверть миллиона. Лежали и собирались катиться дальше, потому что «колобок» — это такой артефакт, который на месте не лежит, а постоянно куда-то смещается. Да, и «медуза» и «бусы» ведут себя также, но они хотя бы светятся, их видно даже в траве, а этот — нет. Он похож на шарик от подшипника, только не блестит и очень легкий. Я видел эту штуку на фотографии, но ошибиться не мог: это действительно был самый дорогой артефакт, из всех известных, природа возникновения которого пока что неясна.

Я бережно прихватил находку, пока опять не укатилась, и задумался. Прятать такую сверхценную вещь в контейнер было глупо. Мало ли что... Куда ж его, заразу такую. В конце-концов, я положил его в монаховскую фляжку, которую так и таскал теперь с собой на память.

Впервые этот артефакт нашел Федул из «Долга», наставник моего брата Ромки (откуда я, собственно и знаю эту историю). Был у них плановый рейд на Припять, загнали их сектанты в какой-то подвал, вот там в углу он и нашел такой шарик. Обычно найденные артефакты эти ребята аккуратно сдают Механику, но Федул «колобка» сдавать не стал, потому что в списке товарных артефактов он не значился, а всяких капризов природы в Зоне столько, что даже на грузовике не увезешь. Вот Федул его дозиметром проверил, убедился, что вещь не активная и положил себе в карман. Говорит, ученым хотел подарить, да забыл. А как вспомнил — дарить передумал. Дело в том, что у «колобка» есть одно побочное свойство — он всегда градусов на пять-десять холоднее окружающей среды. Федул даже по их меркам считался безбашенным и это справедливо, потому что умнее ничего не придумал как положить его во фляжку с водкой, чтоб всегда холодную пить. Недельку пьет, месяц, товарищам хвастается — дошло до Воронина. Федулу сначала два наряда толчки мыть — за раздолбайство, потом — неделю отпуска за Периметр — за открытие.

Механик эту штуку обследовал, по базам прокачал и выяснил, что это — супераккумулятор, который может целую «электру» за раз проглотить, на нем лазерная установка может неделю без подзарядки работать. Продали его, конечно, нашим ученым, на эти деньги Воронин своим баню построил и новый медблок оборудовал. Дело было три года назад, с тех пор «колобка» сумели добыть Тунгус и Крюгер, но Бармену не продали, толкнули по своим каналам сразу за поллимона. Это, конечно только по слухам, которые всегда врут, но вряд ли намного. Так что я еще скромничаю — двести пятьдесят, это если здесь Сидору или Бармену продать, а на той стороне получится значительно больше... Нет, не стоит Сидора кидать, хотя и жалко! От Зоны я далеко не уйду, судьба моя такая, а обиженный Сидор — это как раз то, что лучше под боком не иметь...

Так, а что ж я здесь стою, дурака валяю? Имея в кармане ЭТО шариться по подземелью в поисках «шаров» и «грави» было просто глупо, все равно что Рокфеллеру подрабатывать уборщиком в собственном офисе. Переключатель в моей голове перещелкнулся из положения «поиск» в режим «домой».

* * *

— ... Учитываете только психологические факторы и совершенно не принимаете в расчет чистую физиологию. Уверяю вас, нервная система обитателей Зоны подвергается

постоянному негативному воздействию!

— ..... - ответов Дикобраза я не слышал, потому что он шел дальше и говорил тише.

— Какому, например? Да вот хотя бы рецепторы вкуса... Вы, вижу, спирт пьете чистым — неужели не обжигает? И не грешите на привычку, все гораздо сложнее! Собственно рецепторы работают нормально, а вот мозг этой информации не получает. Те, кто прожил в Зоне больше трех лет уже с трудом отличают чай от кофе, Воронин.... - вы знаете Воронина? — так вот он здесь дольше всех, так лимонный сок пьет как воду!

— .....

— Вот это я точно объяснить не берусь... Лично я предполагаю, что нервная система сознательно сужает диапазон чувствительности из-за постоянной перегрузки информацией, причем эта информация идет в нее напрямую. Вы знаете, что мозг каждого, кто находится в Зоне, работает процентов на десять активнее, чем за Периметром? Мы это проверяли на себе, на солдатах, что ходят в глубокие рейды, тестировали многих сталкеров... А зомби? Организм полностью мумифицирован — а мозг все равно действуют! Активность конечно низка, однако....

Эту научную бодягу они завели еще во время привала, пока я гулял, и сейчас продолжали беседовать прямо на ходу. Я не пресекал: профессор явно был из тех, кто от разговоров только сил набирается, а большой опасности это представлять не могло. В подземельях звук речи глохнет уже за вторым поворотом, так что пусть себе общаются, тем более, что тема была достаточно интересной, а идти было скучно. То есть не мне (сталкер в Зоне скучать не может по определению), но остальные заметно скисли. Серые стены, выщербленный кафель, однообразные помещения и коридоры, вязкая темнота, клубящаяся за пределами освещенного круга, создавали в сумме впечатление, что мы топчемся на одном месте.

Это было не совсем так — я просто кружил по коридорам второго уровня, пытаюсь выйти к лестнице другим путем, подальше от полтергейстов. Как раз сейчас мы приближались к той самой лестнице, самому узкому месту в нашем путешествии, обойти которое было никак невозможно. Если верить найденной схеме, вход на третий уровень начинался, не на втором, а на первом, в одном из коридоров перекрытых «жаркой».

— ...обусловлен прежде всего именно этим фактором! Первые двое-трое суток нервная система как-то компенсирует внешнее воздействие, а потом следует срыв, депрессия, угнетение психики — вот вам и готов ваш «синдром акклиматизации»! Вон посмотрите на Олега — пренебрег моим советом, не захотел терять время у нас на Янтаре, а сразу и всерьез углубился в Зону, теперь страдает...

Я украдкой покосился на нашего оператора. Действительно плох, даже камеру свою бросил, снимать перестал. Идет машинально, на профессорские намеки не реагирует, хотя Олег Васильевич уже не первый раз пытается его расшевелить. При этом усталым больше не выглядит — на ходу мы все как-то собрались, пришли в себя, что называется, даже ощущение давящего взгляда в затылок почти прошло.

Надо думать, консультант в чем-то прав. Много раз такое видел: приходит парень в Зону, кураж в нем зашкаливает, готов хоть завтра к Припяти идти, но вот прошло всего трое суток, и лег пластом, глаза пустые. Потом вроде приходит в себя, но куда что девалось? Бродит по Кордону или Свалке тихий дикобраз, на жратву добыл — и ладно. А бывает и того хуже — был нормальный вроде новичок и вдруг стал натуральным отморозком...

Выстрел я услышал, когда до лестничной площадке оставалось два поворота. Потом что-

то грохнуло в падении, затем раздался гулкий хлопок — кто-то прорывался через лестницу, как и мы, с боем.

Я жестом приказал профессору оставаться на месте и, кивнув ПНВ, двинулся вперед на разведку.

Их было двое, я один. Но я их ждал, почти полностью скрывшись за штабелем ящиков, а они влетели в самую середку, прямо под прицел.

— Стоять. Оружие на пол. — Для наглядности я выстрелил в противоположную стену, поэтому приказ мой был выполнен немедленно и без вопросов. Повисла недолгая пауза.

— А-а-а, это ты, Ботаник? Приятно свидеться... — Сказал первый из них вроде бы даже с облегчением, что меня признать, слегка оскорбило.

— А это ты, Колчан? На воле и живой?

Секунд десять мы еще помолчали. Мне спешить было некуда, а им — опасно. Вместе с Колчаном был Малик, личность знакомая и нестрашная. Встреча вышла неожиданной, но удачной, поскольку темы для разговора имелись. Первым не выдержал Малик.

— Слышь, Ботаник, давай хотя бы отойдем! Тут аномалии летают!

Но он слегка ошибся — полтергейсты не появлялись. На лестнице этим двоим перепало не меньше нашего: у Колчана была кровь на лице и он ее сейчас бессмысленно размазывал рукавом, а Малик как-то неловко держал левую руку — однако с данную минуту все было тихо. Также как и в Лаборатории, также как и по дороге обратно. Лично я видел этому только одно объяснение, то, что лежало у меня во внутреннем кармане засунутое в простреленную фляжку.

— Ничего, со мной не тронут. — Успокоил я его. — Ты лучше мне скажи, зачем вы Боцмана убили?

Удивленные взгляды, которыми они обменялись, объяснили мне почти все — эти двое и понятия не имели о гибели нашего старшего.

— А он что... умер? — спросил Колчан и не дожидаясь ответа зачастил скороговоркой — это не мы, чем хочешь клянусь! Нас Глыба поднял, сказал — тревога. Мы с ним к западному проходу рванули. А Боцман был уже сильно вдетый, его и не трогал никто, он на базе остался.

— А Калым?

— Калым с остальными должен был южную дорогу перекрыть, ему Глыба при всех приказал. А когда вернулись, Боцмана уже не было, Глыба сказал, что он за тобой вдогонку сорвался... Слушай. Ботаник, а это точно ты Селезня завалил? — спросил он, немного помявшись.

— Селезня — я... Слушай, ты можешь подтвердить, что Боцман был жив после моего ухода?

— Легко. Только кому подтверждать-то? Всех наших — того... — И он улыбнулся, скорее злорадно, чем как-то еще.

— Найдется, кому подтверждать... Так вы что, тоже слиняли?

— А то! — Ответил Колчан гордо. — Неужели терпеть будем? Калым испсиховался весь, мне в рожу дал ни за что, Малику вон вообще три зуба выставил.

Малик согласно кивнул и предъявил мне брешь на нижней челюсти.

— Короче, — продолжил Колчан. — Обмозговали мы это дело ночью и решили как ты. Нас как раз под утро в караул поставили, вот мы и сорвались, даже шмотки там оставили, было бы чего оставлять.

Вот, значит, почему всю команду повязали так легко — часовых не было... И в вертолет грузили семерых, все верно...

— Чего там наверху твориться? — спросил я, закрыв тему с Боцманом.

— Полцеха обрушилось, как раз та часть, что над бункером. — с готовностью доложил Колчан. Он, как и следовало ожидать, в их паре оказался старшим. — Сейчас там наемники крутятся и много их. На окраинах еще какой-то народ есть, но близко не подходят.

— А военные?

— Вояк пока нет, это точно. Дыра эта, ну, в которую мы сюда пролезли, она на склоне, напротив болота. Издали не видно, поэтому никто ее пока не нашел, но наемники рядом, так что времени у нас в обрез.

— А вы ее как нашли?

— Да просто.... Мы далеко не пошли, схоронились в дренажной трубе под дорогой — в нее сроду никто не лазит, там и пересидели. Так, выглядывали иногда, полюбовались как Глыбу вояки прессуют. У нас там припрятано было, ну мы и врезали от души, пока чего — уже ночь, а там Выброс на носу...

— Так вы что, Выброс в трубе пересидели?! — Изумился я. Надо же, какие герои.... Уж если нам в подвале так досталось, то каково им было там?

— Тяжко было. — Вдохнул Колчан. Ему явно не хотелось обсуждать эту тему. — Завалило нас взрывом, выкапываться потом пришлось, а как потом вылезли — зверье кругом, опять пришлось обратно, потом наемники подтянулись... Ну тут уж мы не выдержали, ползком-ползком — и прямо в эту дыру... Решили вот хабара на дорогу подсобрать, что мы — рыжие?!

Он уже обратно осмелел и в его голосе появились знакомые мне истерично-вызывающие ноты. Колчан — парень не плохой, но из-за малого роста болезненно самолюбивый, неровный в обращении и склонен к неуважению старших. Мне, признаться, и самому не раз хотелось въехать ему в харьков, но я честно сдерживался. А Калым вот не сдержался и себе же хуже сделал...

— Ну ладно, бывайте здоровы... — сказал я им на дорожку, не убивать же мне их было в самом деле? — Хабара тут еще немерено осталось, вам хватит и другим останется — тут я не врал: мои подсумки были забиты под завязку и под ногами осталось лежать еще столько же.

— Эй! Постойте, — вспомнил я в последний момент. — А солдат там наш как?

— Какой еще солдат? — удивился Колчан. — Не было там никакого солдата. Есть труп кровососа и сталкера, а живых мы не видели...

И они ушли.

Я отошел в другой угол и выждал минут десять — вдруг надумают вернуться? Расставались мы вроде бы мирно, но бог знает, какие идеи у них могут возникнуть потом — как-никак мои подсумки уже были полны... Пока ждал, пожалел, что не предъявил их Дикобразу — глядишь был бы у меня какой-никакой, но свидетель, что Боцман был жив и это подтверждают.

Но не бежать же за ними следом?

* * *

Через «жарку» пройти можно, особенно если другого выхода нет. Это все же не

«электра» и не «карусель». Надо только предварительно закрыть лицо и все остальное, верить в себя и быстро ломиться по краю, благо все три аномалии стояли не по центру, а ближе к стенам и не совсем рядом друг с другом. Этой нехитрой науке лично меня обучил Крот во время похода на Янтарь, есть там такое нехорошее место, подземный переход, который поверху никак не обойдешь.

— А это обязательно, идти туда? — Подчеркнуто вежливо спросил у меня Оператор, глянув через свой объектив на столбы бушующего пламени. — Я бы предпочел другой путь, наверх. Нас наверняка уже ищут.

— Нет там никого, кроме наемников. Хотите скорой смерти? Тогда вперед — эти ребята свидетелей не оставляют.

— Откуда такие сведения? — Заинтересовался Олег Васильевич.

— Встретил тут кое-кого, пошептались.

— Мне почему-то кажется, что наемники нас не обязательно убьют, разве не так, Олег Васильевич? — Оператор даже не пытался скрыть, что он мне не верит. Ну не сука ли он после этого?

— Может и не убьют, — осторожно ответил профессор — но лучше с ними все же не встречаться. Тем более, что для нас с вами риск минимален — наши костюмы вполне выдержат «жарку», уверяю вас.

— А что там дальше? Вы знаете? — Его тон заметно повысился. — Лично я в этот ужас не пойду, хватит с меня подземелий. Если Ботанику надо, если он еще не все деньги собрал, пусть идет один. А нам зачем? Подумайте своей головой, что вы все его слушаете?

«Ах ты потрох сучий, шоумен недоделанный», — подумал я, сверля его переносицу взглядом. На волю ему захотелось, к наемникам. От подземелий он видишь ли устал...

Резон в его словах был — ни для кого, кроме меня, встреча с наемниками фатальной не была. Да и меня они всего лишь ограбят, а потом погонят обратно хабар для них собирать — это мы уже проходили. И отпустить его я не мог — наверху он быстро все доложит: кто, сколько, куда ушли. И выйдет для меня еще хуже.

— Вы тоже так думаете? — спросил я у остальных.

Дикобраз был хмур, Олег Васильевич пасмурен, но ответили оба почти не раздумывая:

— Я бы пожалуй рискнул. — Сказал профессор. — Припоминаю, что там действительно есть еще один уровень, интересно было бы посмотреть что там сейчас...

А Дикобраз только кивнул, молча достал свою флягу и приложился пару раз.

— Как видишь, ты остаешься один. Если хочешь — вылезай самостоятельно, это трудно, но реально. — Я держал оружие, направив ствол ему в ноги. И если б он продолжил выступать, думаю, сумел бы выстрелить. Надоело, знаете ли, быть добреньким.

И он сломался. Побледнел, сглотнул и тоже кивнул головой, а потом первым шагнул как сомнамбула в сторону аномалий.

— Стой! — Я ухватил его за рукав. — Не так резво. Костюм застегнуть, маску на лицо. Оружие все разрядили, патроны спрятали. Я первый, так и быть, поработаю еще раз отмычкой для вас...

Не буду описывать, как это было. В человеческом языке подходящих слов все равно нет. Маска защитила лицо, руки я спрятал подмышки и все равно было худо. Как никак я был всего лишь в подбитой кевларом куртке, которая неплохо защищает от ножа или собачьих клыков, но уж никак не от высоких температур. Была еще одна проблема, о которой я сразу не подумал — бетонный пол и стены от жара потрескались и частично выгорели, так что я

чуть было не подвернул ногу в одной из таких ям.

Однако — все проскочили.

И все были живы, даже серьезных ожогов ни у кого не оказалось, вот только наши с Дикобразом куртки практически кончились, придется потом новые покупать.

— Надо выпить. — хрипло сказал Дикобраз, приваливаясь к стенке. — Давай свой спирт, Ботаник, считай — ты мне его должен за вредность.

Спирт я, конечно, отдал, жалко что ли...

* * *

Страх в Зоне много, в любом количестве и на любой вкус: подвальный кошмар Выбросов, знобящий мандраж аномальных полей, обжигающий испуг при встрече с кровососом, злой кураж перестрелок тоже густо замешан на нем же, а есть еще расчетливое опасение встречи с бандитами, ужас перед контролерами, нудная трясучка ночных караулов. Да и весь облик Зоны с ее сушеными деревьями, мумифицированными трупами, покореженной техникой и мертвыми развалинами густо пропитан ощущением скорой гибели.

Однако увидев эту дверь, я понял, что о страхе знаю далеко не все... Клянусь, если бы кто-нибудь из них тут же предложил повернуть обратно, я немедленно рванул бы назад и плевать я хотел на такие простые и понятные аномалии.

И дело не в том, что неведомый шутник собрал и развесил здесь десятка два запрещающих табличек: от корректного «Осторожно. Высокое напряжение», до банальной самоделки «Не влезай — убьет». Черный юмор для нас главная и единственная возможность сохранить рассудок. Ну, не считая спирта, конечно. Просто стоило мне пройти последний поворот, как прямо в лицо ощутимо пахнуло реальной угрозой, словно я обеими ногами встал на самый край глубокого обрыва. Вначале я такую острую реакцию списал на одуряющий запах горелого мяса, который сам по себе не так уж и плох — если жарят свинину. Но это же был рядовой Левченко, вернее, то, во что он превратился...

Какого черта он бросил свой пост и в одиночку пошел к этой двери у него уже не спросишь: парень видно прошел прямо через «жарки» и теперь на нем не было ни лица, ни одежды. Все это превратилось в сплошную горелую корку. Самое страшное, что при этом еще дышал...

— Мать моя.... — Прошептал Оператор и немедленно начал снимать и его, и все что здесь было.

При этом видно было, что его сейчас стошнит, так что работал он, видимо, на автомате, также как профессор читает лекции. Я поступил проще: вынул «стечкина» и одной пулей пресек этот кошмар. После чего подцепил труп прикладом дробовика и оттащил в сторонку, так, чтобы он не загоразживал дверь.

Теперь оставалось только повернуть штурвал и войти туда, что мы сдуру и сделали, причем открывал дверь Дикобраз и он же первым шагнул внутрь.

Ну вот, совсем другое дело. Тут имелось все, чего мне не хватало на двух верхних уровнях: ковроленовая дорожка на полу и пластиковые панели на стенах (значит строили в начале 2000-х, не раньше), потолочные люминесцентные светильники, функционирующие до сих пор, фотообои в некоторых помещениях и еще много чего хорошего, даже автоматы с

газировкой, представьте себе. И здесь нигде не торчали надоевшие до икоты трубы и громоздкие ржавые механизмы — короче, это и была настоящая Лаборатория, или, как минимум, ее жилой сектор.

Что характерно, здесь не было мутантов и аномалий, а также людей, ни живых, ни мертвых.

И посредине этого комфорта я с каждым шагом все больше и больше сворачивался в трубочку. Явного ощущения угрозы пока не было: светло, сухо, чисто (даже пыли не было почти) — и все равно я не мог отделаться от ощущения, что с каждым шагом углубляюсь в вязкий густой туман. Это здорово напоминало один из моих дежурных кошмаров, где я падаю куда-то, проваливаюсь в трясину — в общем против своей воли погружаюсь туда, где нет ничего хорошего в конце.

Коллеги мои, напротив, явно взбодрились, крутили головами, открывали двери, трогали предметы, в общем, делали все, чего опытные сталкеры стараются избегать.

Только в одном месте я разделил их восторг — в оружейке. Жилой комплекс, как оно по логике вещей и предполагается, начинался с казармы для охраны. Ну, эти помещения везде одинаковы: двухъярусные койки, непереносимые тумбочки и здесь же кладовая для оружия, где я первым делом сменил свой дробовик на «Абакан», набрал с запасом пустых обойм и патронов, а самое главное — обзавелся наконец бронежилетом. Защита была старого образца, еще с титановыми пластинками, но для меня и это было желанным подарком. В Зоне так редко везет. То есть оружия и снаряги тут валяется горы, чаще всего, рядом с трупом последнего владельца, однако реальная жизнь от игры отличается тем, что в брошенный автомат немедленно попадает песок и грязь, смазка окисляется, а приклады и мелкие части растворяют кислотные дожди.

Защищенным и вооруженным я почувствовал себя лучше, но ненадолго. Пока я возился в оружейке, мои орлы ушли вперед так, что догнал я их только в общежитии научного персонала: комнаты на одного, упомянутые фотообои, видео и игровые приставки — неплохо люди жили, до поры до времени. Дикобраз как раз пытался запустить видеодвойку (ему это не удалось), Оператор был занят понятно чем, а Профессор рылся в книжном шкафу.

— Одна макулатура, — пожаловался он мне. — К тому же старая. Самый свежий боевик вышел в 2009-м!

— А вы тут собрались культурно отдыхать? — спросил я угрюмо.

— А отчего бы и нет? — Откликнулся за него Дикобраз. — Сам посмотри, Ботаник, где ты еще найдешь удобнее место для привала?

Кое в чем он был, конечно, прав: высокий потолок, ковер, удобные кресла, бездействующий декоративный фонтан посередке, а еще шкафы с книгами и кассетами, холодильник, журнальные столики — такого комфорта не было ни в казармах «Долга» (куда я пару раз заглядывал по случаю), ни даже в бункере ученых на Янтаре (знаю по слухам). Когда-то это была классная комната отдыха человек на десять, где мы со вкусом могли бы и выспаться и в шахматы сыграть.

Прекрасная идея, если не вспоминать, что прежние обитатели этого подземного рая не так уж давно испарились, оставив все двери открытыми. Вообще весь этот подземный дворец выглядел так, словно люди из него просто взяли и ушли — я признаться ожидал увидеть битое стекло, гильзы на полу, трупы в коридорах. Что бы тут ни приключилось — массовое восстание освободившихся монстров, вспышка коллективного безумия, рейд

«монолитовцев», прорвавшихся сюда с Припяти, — один черт оно не могло застать врасплох всех на трех уровнях сразу и убить без следа и сопротивления.

Однако, именно так все и выглядело.

И пока я сомневался и обдумывал, привал начался сам собой, словно всех моих спутников разом скосил вирус расслабухи: Профессор откинулся с книгой, Дикобраз оставил видео и направился штурмовать холодильник, а Олег-опертор взялся менять носки.

Да, непривычному человеку трудно трое суток ходить не разуваясь. Привычному, кстати, не намного легче... Я вдруг поймал себя на мысли, что носков запасных при мне нет — в рюкзаке остались — а вот потереться влажными салфетками было бы очень даже не вредно... Только ведь и салфетки остались там же!

Матом и криком с этим не совладать. И оружием угрожать, пожалуй, тоже бесполезно. В конце-концов даже Дикобраз был всего лишь дикобразом, а настоящим сталкером становится не тот, кто ловко лезет через аномалии или стреляет как армейский снайпер, а тот, кто умеет никогда не расслабляться полностью. Для этой публики следовало искать другие резоны...

— Слушайте, профессор, — спросил я — а как там поживают ваши приборы? Не пора ли что-нибудь замерить?

Ему страх как не хотелось вставать из кресла, однако научная добросовестность, как я и ожидал, победила. Профессор достал свой агрегат, пощелкал, посмотрел и вяло удивился:

— Да, действительно... Фон несколько повышен. Чуть сильнее, чем было у входа в подземелье, но в целом приемлемо... Даже до уровня контролера сильно не дотягивает... — больше всего в его выступлении мне не понравился его благодушный тон и длинные паузы между фразами.

— Так может еще по таблеточке примем, а?

— Ну что ж, давайте примем, отчего бы и нет... — ответил он и не спеша полез в карман.

— Заодно и закусить бы не мешало — отозвался Оператор.

— Недавно же ели! — удивился я. — А потом еще в той кладовой жевали, неужели мало?

— А между прочим, действительно? — Профессор добыл наконец свою аптечку и выдал мне такой нужный зеленый шарик. — В этом подземелье я натурально превращаюсь в проглоты, есть хочется просто страшно.

Странная у них реакция на замкнутые пространства. Я вот, например, есть и пить почти совсем не хотел. Я хотел курить и с того момента, как мы открыли дверь, посадил уже три шуки...

— Нашел что-нибудь? — Спросил я у Дикобраза.

— Ни хрена. — Равнодушно ответил тот, разгрызая свою капсулу, — холодильник пустой как бамбук — одни перегородки... Пиво в банках осталось, но я бы его не рискнул...

— Так может, поищем еще? Кроме этой комнаты тут и кухня должна быть и склад. Или у вас еще остались продукты? — спросил я у Олега Васильевича.

— К сожалению — все. — Ответил тот. — Есть пара сублимированных армейских сухпайков, но это, откровенно говоря, такая гадость...

Вот на жратве я их и подловил — с кряхтеньем, стонами, но встали и пошли дальше.

Подземелье было выстроено в форме креста, причем все его «концы» по длине были разными — если верить моей схеме. Я предполагал, что пищеблок должен располагаться

между казармами и ученым общежитием — не тасать же им еду для солдат через жилой сектор? Но тот, кто строил этот склеп, видимо, руководствовался какой-то другой логикой, потому что в месте, куда я их привел, оказалась рабочая зона: кабинеты с ноутбуками, главным образом. Было несколько помещений типа операционных, но ни Олег Васильевич, ни тем более, я, так и не смогли понять смысл проводимых здесь работ. Ясно было одно — и здесь никакой катастрофы не происходило, даже стекла в шкафах с лабораторной посудой оказались совершенно целыми.

Осматриваясь посреди очередного рассадника мудрого и вечного (но вряд ли доброго), я поймал себя на мысли, что ко всем своим проблемам еще и влез в государственную тайну — наверняка, все, кто тут работал, или хотя бы близко проходил, давали по сорок подписок. Как бы меня потом, за Периметром, не пристрелили из соображений государственной безопасности. Спутники мои, похоже, думали о чем-то аналогичном, во всяком случае, ни один из них не тронул ни одной бумажки, не попытался снять диск с ноутбука, хотя эта информация наверняка стоила много больше, чем все артефакты, что я мог бы вынести отсюда.

— Где же эта кухня, черт бы ее побрал!? — сказал Дикобраз, обнаружив в последней комнате по коридору всего лишь душевую и шкафы со спецодеждой.

Побежали назад. Меня подгоняло видение парочки жареных окорочков с майонезом. Почему окорочка? Сроду я ими не увлекался. Что там представляли остальные, не знаю, но никто не отставал по дороге.

Действительность была, как всегда, более печальной. То есть здешнюю кормушку мы конечно, нашли — она располагалась, там, где я и предполагал, только с другой стороны, — однако, с курятиной здесь было никак. Полноценное питание им было наладить слабо, народ здешний, судя по длинному, как вокзальный перрон ряду промышленных холодильников и богатому набору микроволновок, обходился разогретыми полуфабрикатами. Дикобраз первым достиг финиша и открыл заветную дверку, но тут же и отскочил, зажав нос. Запах распространился такой, что даже слепого пса и того, наверное, вывернуло бы наизнанку. Я даже не понял, что именно хранилось в открытом мной холодильнике. Курятина? Мороженная пицца? Отбивные?

А чего мы, собственно, хотели? Последний раз эти агрегаты работали еще до того, как я попал в Зону...

— И что мы будем жрать? — Мрачно спросил Профессор.

— Ищите. — Посоветовал я. — Какие-нибудь нормальные консервы здесь должны были быть?

* * *

Дышалось с трудом. Бронежилет врезался подмышки. И постоянно хотелось срыгнуть. А вот не надо было кукурузные хлопья запивать кока-колой, а консервированный зеленый горошек мешать с корнишонами.

Тем не менее, настроение было вполне ничего себе, тем более, что я, пользуясь общей расслабухой после... — ну, пиром это не назовешь, на пирах руками из банки не едят.... короче, большой заправки — вывел народ из этого забытого и проклятого места.

Аварийный выход, собственно, располагался в конце ряда холодильников и был, между

прочим, открыт нараспашку. Похоже, народ просто вышел через него в полном составе... Только почему они с собой даже оружия не взяли (в оружейке не могло храниться десять запасных автоматов), а главное — куда они делись потом?

Вот если б точно знать, что с ними произошло, и быть уверенным, что Это не вернется, так можно было бы здесь такую базу оборудовать — Стрелок со своим легендарным тайником просто лопнет от нервного курения... Впрочем нет — после того, как свод обрушился, вход в Лабораторию открыт и его обнаружение — вопрос ближайшего времени. Кто-нибудь из сталкеров обязательно пройдет эти «жарки» просто для порядка и все недоеденные мной хлопья достанутся ему.

Значит, надо срочно продать координаты Бармену. Пусть это все достанется «Долгу», остальные, пожалуй, слабоваты, чтобы проглотить и удержать такой кусок. А что продать Сидору, я найду. И можно будет плевать на Зону хоть каждый день с обзорной вышки — есть в предзоннике такой аттракцион для туристов, вояки на ней хорошие деньги делают.

Так приятно мне мечталось минут пять, не больше, а потом прямой сухой и чистый ход (но не совсем пустой — вдоль стен тянулись две здоровые трубы) привел нас в пещеру. Началась она как-то неожиданно: вот я прошел очередной поворот, шагнул в распахнутую дверь, сделал шаг в темноту, замешкался на секунду, включая фонарь, а потом кто-то из этих придурков с разгона толкнул меня в спину, отчего я по инерции сделал еще три шага — и только чудом не полетел в холодную темную воду.

Нас вынесло к подземному природному резервуару, из которого и снабжалась вся Лаборатория. Все верно, раз у них там были душевые, значит не было проблем с водой. Вот на Янтаре нормальных источников нет, так поэтому и лагерь маленький — из болота на сорок человек не нафильтруешься...

— Тихо-то как.... — Благоговейно произнес Оператор и первым сел на скамейку, одну из тех, что в ряд стояли у стенки. Дикобраз и Профессор тоже присели. Тишина было, действительно, замечательная. То есть и в остальных помещениях шуметь было некому, но там мы хоть себя нормально слышали, а своды этой пещеры тонули в темноте, противоположный край озера тоже лучом не прощупывался, а стены оказались из необработанного известняка, поэтому любой звук моментально глох на полпути.

Наверное, у здешнего персонала это было любимое место отдыха, не зря здесь скамейки стоят. Что-то сомневаюсь я, чтоб их свободно пускали на воздух гулять. А после голимого кафеля и пластика даже натуральный известняк покажется природой. Какой-нибудь совсем уж чокнутый профессор-морж в нем еще и купался от полной безнадеги.

Хорошо. Спокойно так. Век бы тут сидел...

Сидеть я, конечно, не стал — характер не тот — а двинулся вдоль... набережной что ли? Ограда тут была из труб высотой мне по пояс. В одном месте, метрах в десяти от входа, был пристроен как бы причал на сваях, только вместо лодок на нем был установлен водозаборник.

Я его прошел до конца, интересного ничего не нашел и начал глядеть на воду. Она еле заметно, но довольно красиво светилась. Сверху плавала тонкая пленка, типа бензиновых разводов, только не радужная, а чисто сиреневая, вот она то и испускала этот приятный мерцающий свет.

Где-то я такую уже видел...

Пленка была красивая, но все-таки мешала рассмотреть, что там такое плавает в глубине. Но вот оно поднялось со дна, взорвало изнутри тяжелую гладь и стало трести

головой, давая воде стечь.

Ну, Ксюху-то я не мог не узнать... Мокрые кудри висели сосульками, сиреневые капли дрожали на загорелых плечах, а лифчик ей был тесноват и бретельки обалденно врезались в кожу.

— Здорово, Ботаник! — весело сказала она и засмеялась моим любимым дразнящим смехом.

— А откуда ты знаешь, что меня здесь Ботаником зовут? — Более умного вопроса после долгой разлуки мне в голову не пришло.

— А я теперь про тебя все-все буду знать...

Она подтянулась слегка на руках, теперь ее голова оказалась выше края платформы и я невольно потянулся к ней губами, но Ксюха отстранилась и спряталась за трубу.

— Куда полез, а? Весь грязный, весь в железе — и хочет девушку целовать! — Она слегка шевелила ногами, там, под водой, чтоб удержаться на плаву и от этого вся она — от ямочек на щеках и до самых пяток так растекалась изгибами тела, что мне немедленно захотелось к ней, туда.

— погоди, Ксюш, я быстро. — От автомата и разгрузки я освободился легко, а вот в шнурках от ботинок запутался.

— Нет уж, не надо пока... — сказала моя первая и последняя любовь. — Ты не спеши, я спешки не люблю.... Посиди, отдышись, водочки выпей — вода тут, знаешь какая холодная? И не бойся за меня, я теперь никуда от тебя не уйду, вместе здесь будем.

— Постой-постой... А как ты здесь вообще оказалась? — спохватился я. — Ты ж говорила, что здесь страшно, что ты здесь жить не можешь, ты же хотела весь мир посмотреть, в Москве учиться...

— А я здесь и не живу. — Серьезно ответила Ксюха. — Я здесь плаваю. Вот сплаваю быстренько в одно место и вернусь. А ты, милый, пока поспи, а то ведь ничего у нас не выйдет... — она разжала руки и ушла на глубину, только пленка светящаяся осталась качаться на воде.

Я вернулся к скамейке, собираясь, как велено, спать, потому что она опять была права — что у нас могло сейчас выйти, если я, буквально, дышал еле-еле. Уже в последний момент я вспомнил, что мне еще помыться надо будет и чтобы не забыть, полез к Оператору в рюкзак — у него там наверняка мыло есть и все прочее, жалко ему что ли...

А он рюкзак этот под голову положил и как только я к нему притронулся, начал бормотать с закрытыми глазами:

— Оксан, ну не надо, ну не начинай все по новой! Посмотри, как здесь классно, музыка какая... успеешь еще в свою общагу, а хочешь — ко мне пойдем...

То, что он тут вспоминает какую-то Оксану, когда я с Ксюшей своей должен встретиться и, наконец, серьезно поговорить, меня вдруг жутко оскорбило. Я дернул рюкзак сильнее, выдернул, конечно, и он стукнулся головой об скамейку. Открыл глаза, а глаза были злые-презлые.

— О, сталкер! — Сказал он трезвым ясным голосом. — Еще один. Супермен хренов... Вот погоди, дай только выбраться, — я вам такой фильм устрою, как собак бешеных отлавливать вас будут...

Он облизнул сухие губы и засмеялся. Я понял, что он хочет меня ударить и не ошибся. Только я захотел его ударить еще раньше, поэтому я попал ему в нос, а он мне — нет.

Тогда мы начали драться, а для этого пришлось встать. Поединок вышел не особенно

зрелищный, потому что каждое движение давалось с невероятным трудом и испытать хотелось до звона в ушах, но мы упорно продолжали начато дело.

И почти сразу я начал проигрывать. Он, похоже, натаскался по всяким секциям и клубам, а у меня за плечами были только скейтборд и два года необязательных занятий в армейке. Удары в корпус успешно гасил бронежилет, но и по лицу я поймал пару раз. Впрочем, это все было непринципиально, потому что упали мы все равно одновременно.

Я попал головой по скамейке и боль слегка привела меня в чувство. В моем мире возникли вкус крови на губах и тяжесть наливающейся шишки на голове, стал слышен истощенный визг детектора. Определить природу этой аномалии он не смог, но что-то все же чувствовал и сигнализировал как мог на грани ультразвука.

Я сел. Сидеть оказалось неудобно, потому что подо мной лежал череп...

Все таки не зря меня весь этот год мордовали мутанты и аномалии, бандиты и военные, наемники и торговцы. Спасибо армии и Зоне — от того спокойного начитанного мальчика, который из всех видов оружия предпочитал компьютерную мышь, осталось немного — сигнал детектора запустил плотно встроенный в меня алгоритм выживания: руки сами, без помощи мозга, отыскивали гранату, выдернули кольцо, совершили бросок. Взрыв произошел на глубине и я его почти не услышал, зато сразу почувствовал результат — проклятый морок сразу отступил на два шага сразу. Закрепляя успех, я нашел аптечку, достал из нее «шило» и воткнул иглу себе в бедро. Этот стимулятор стоит бешеных денег, но он их стоит — в мозгах образовался холодный сквозняк, который разом смел клочья бредовых видений и пьянящей дремоты.

Мир вокруг сгустился и принял реальные очертания. Пещера, озеро, платформа на ней и скамейки остались на месте, но к ним добавился острый запах тлена, сырости, я, наконец, разглядел валявшиеся вокруг кучки костей и клочья одежды...

Они все оказались здесь: ученые в свитерах и лабораторных халатах, военные в незнакомой мне форме и даже несколько сталкеров в комбинезонах «Свободы». Крысы над ними хорошо поработали, а может быть и не только крысы — многие тела были буквально на части разорваны. Это хуже, чем попасть под Выжигатель, это страшнее, чем встретиться с контролером — зомби, по крайней мере, могут ходить под ясным небом и стрелять, а тут люди просто отключились в полном мраке и какая-то тварь высасывала их предсмертные глюки, а потом крысы и снарки жрали их, некоторых, может быть, еще и живьем....

Среди множества незнакомых останков — меньше всех пострадали вояки из второй спасательной экспедиции, потому что были упакованы в скафандры высокой защиты, — я нашел парочку вполне знакомых лиц. Бывший спелеолог Бамбук и его дружок Шмель, которые особенно интересовались сокровищами Борова — я их опознал по знакомой снаряге — тоже оказались здесь же, причем Бамбук держал на коленях труп женщины в белом когда-то халате.

Ну вот, а Крот грешил на банду Юры Вертолета, даже войной на них ходили один раз. Выходит, эти умники нашли таки ход и никого не спросясь вдвоем туда полезли.

Пора уже, впрочем, и коллег слегка реанимировать.

У Дикобраза, кроме спирта, сроду ничего хорошего не водилось, аптечка Оператора, наверное, лежала в рюкзаке, потому что в карманах я ничего не нашел, зато у Профессора было сразу два инъектора с «выюгой» — это не «шило», но тоже вполне прилично стимулирует. Подумав хорошенько, я вколол один профессору, а второй — Дикобразу. Просыпаться им ужасно не хотелось, но кроме медицины были использованы народные

средства, из которых растирание ушей было самым мягким, и я все же поднял обоих на ноги. Второй выход обнаружился в дальнем конце пещеры, и как только мы углубились в него метров на пятьдесят и завернули за поворот, как наваждение схлынуло почти окончательно, а на смену ему пришел уже знакомый страх, нормальная усталость и боль в разбитой роже. Здесь мы и рухнули — отдых требовался всем...

— Спасибо, Ботаник, — сказал Олег Васильевич, отдышавшись. — Я твой должник.

— Всегда пожалуйста. Можете таблетками своими рассчитаться — мне еще назад идти.

— Куда? Туда?

— Так там Олег остался. А еще я автомат забыл и броню.

— Тогда я с тобой. Вдвоем его волоочь удобней будет. Заодно посмотрю, что там за новый монстр обосновался. — И профессор с хищным видом достал из рюкзака свою аппаратуру.

* * *

Какой уж тут отдых — голова словно ватой набита, а в крови «шило» бродит. Минут на пятнадцать я смог отключиться, никак не больше...

Открыв глаза, я сразу понял, что ученые мужи опять общаются.

— ...скорее все же аномалия. — говорил один профессор другому, будущему. — Мутанту требуется более существенная пища, чем пси-энергия. На расстоянии он только угнетает психику — помните наши ощущения на первом уровне? Это, кстати, хорошо объясняет ускоренную деградацию и десоциологизацию обитателей Темной Долины. А как он действует вблизи, мы испытали на себе. Нам всем очень крупно повезло, что у Ботаника мозги Зоной с детства обожженные — на него как-то меньше подействовало. Думаю, когда оно образовалось, то стало действовать не сразу, расслабило постепенно, а потом, во время Выброса, скачкообразно увеличило мощность: эйфория, затем галлюцинации, приступ сонливости — и вот уже все работники Лаборатории спокойно располагаются вокруг, чтоб умереть от голода и жажды... Другого объяснения просто нет, хотя тут, конечно, еще исследовать и исследовать... Я взял пробу этой сиреневой пленки — сделаем для начала обычные анализы.

— На первый взгляд, конечно, убедительно... Однако чем оно питалось потом, когда Лаборатория закрылась?

— Сталкерами, конечно. Озеро связано с поверхностью системой дренажных труб, а через трубы оно могло попасть в очистные сооружения возле институтского корпуса, а дальше — в болото. Представьте себе — идет мимо болота сталкер, чувствует Зов, садиться на берегу... и собственно все. Счастье еще, что в обычное время оно действует относительно слабо, а перед Выбросом люди там не появляются.

Вот тут он был прав на все сто... Трупов возле этого болота хватало, даже наших трое погибло в свое время — кайфующий сталкер для мутантов очень удобная добыча. И Монах там любил отдохнуть, причем напивался каждый раз совершенно неприлично — один раз я его оттуда волоком тащил, как жениха с сельской свадьбы. Нет, через дренажные трубы мы наверх не полезем. Пусть это самый короткий и простой путь наверх, но там, во-первых, эта пленка, а во-вторых — что-то достала меня Долина за последние дни. Скверное место, один сплошной глюк.

Помнится Крот объяснял, он в этих делах разбирался, что все постройки в Темной Долине просто камуфляж для спутников-шпионов, что их поставили исключительно для того, чтобы прикрыть подземное строительство. Иначе почему переход из главного корпуса ведет в никуда, а начинается с приставной лестницы? Или взять цеха над нашим бункером: станков на втором этаже понаставили, а подняться туда можно только по лестнице — вот и получается, что эти токаря заготовки наверх на своих ногах поднимали. Все это было собрано как случайная картинка из разных паззлов, лишь бы края сошлись, без толку и смысла. А грунт из подземелий вывезли на Свалку и холмы там насыпали — как бы природный ландшафт получился.

Вставать мне не хотелось, вот что — отсюда и мысли ненужные. Что мне грунт на Свалке и многострадальные станочники — все равно те станки уже в развалинах лежат? Просто страшно наверх подниматься — ведь там, наверняка, придется воевать... Так я и раньше это дело не сильно любил, а уж теперь, с моими новыми деньгами, оно и вовсе как бы глупо.

— Куда теперь пойдем? — Деловито спросил Дикобраз, заметив, что я проснулся. Меня окончательно признали за старшего, но радости по этому поводу я что-то не испытал.

Куда идти — это хороший вопрос. Насчет дренажных труб профессор наверняка ошибался — какой может быть слив снизу вверх? Может быть, отдушина какая-нибудь... Бамбук и Шмель сюда как-то забрались? Значит и мы сможем выбраться. Другое дело, надо ли нам в Темную Долину? Попробовать все же открытым проходом?

Нормальные люди аварийные выходы делают не сильно далеко — ведь по ним, иной раз, приходится и раненых тащить. Однако, создатели этих катакомб руководствовались другой логикой, им требовалась, прежде всего, секретность, поэтому ход мог тянуться до самой Припяти. Направление примерно соответствовало...

— Пойдем через тоннель. — Решил я. — Если он нам не совсем подойдет, можно будет вернуться.

— А я слышал, сталкеры не любят возвращаться той же дорогой.. — Встрял в разговор Оператор. Значит, пришел уже в себя, это славно... На его физиономии я с глупым удовольствием заметил пару свежих синяков, не хуже, чем на моей...

— Это ты дурацких фильмов нагляделся — там вечно сочиняют ненужные суеверия. — Ответил ему за меня Дикобраз.

И мы пошли тоннелем.

Собственно тоннель кончился метров через полста лестницей наверх, чему я в общем обрадовался, но вела она не на поверхность, а на новый уровень, гораздо ближе расположенный к поверхности. Прорыть ход на глубине у строителей кишка оказалась тонка, поэтому они сделали проще: выкопали ров, уложили в него бетонную трубу и закопали обратно. Получился вполне приличный подземный переход. Проблема была в том, что от лестницы шло два хода — один тянулся примерно на север и в глубине его слабо мерцали лужи студня, а второй шел вбок в сторону Свалки — его-то я и выбрал, все ближе идти, не мог же он тянуться до самого Агропрома?

Идти оказалось легко: диаметр трубы был почти в два метра, даже пригнуться необходимости не было, да и дно было сравнительно чистым. Так мы шли не меньше часа, не встретив ничего опасного или интересного и наконец уперлись в лестницу, что вела наверх.

Я даже был слегка разочарован — почему-то ожидал, что в конце этого подземного хода

должно быть что-то особенное, а тут — стандартная бетонная заглушка и люк метрах в пяти над головой. Единственное что — счетчик Гейгера в кармане затрещал сразу же, как только я поднялся до середины. На люк пришлось поднажать — он не был заперт, просто сверху на него успело навалить приличную грудку мусора.

Ну здравствуй, небо серо-голубое...

Одним рывком я выбросил организм наверх, откатился в сторону и огляделся. Над Зоной стояли сумерки, а они здесь долгие и мутные, как вода в наших болотах. Зато место радовало — с вершины холма я хорошо видел Свалку, ленту дороги, что вела к долговскому блокпосту и две огромных емкости, что стоят у поворота на Темную Долину. Ну да, если идти по прямой и не отвлекаться на аномалии, то до свинофермы как раз и будет час ходьбы.

Остальные не так резво, но выбрались. Счетчик советовал нам поторопиться, но я его не послушался: задержался, чтобы прикрыть люк автомобильной дверью, которую перед этим с таким трудом сбросил и еще присыпал его землей. Приличные люди всегда за собой закрывают. Профессор и Дикобраз уже шуршали травой где-то у самого подножья холма, а вот Оператор, идиот, так и стоял на вершине, двигая взад-вперед своей камерой.

Я поднял голову и открыл уже рот, чтобы его поторопить и сразу же, не раздумывая, бросил тело кувырком назад, чудом только шею не свернул и на железо не напоролся. Может быть, я ему что-то крикнул, а может и не успел — не помню точно.

Огненная капля, что летела к нам со стороны Долины выросла в большой яркий шар и на вершине холма тут же вырос столб пламени, полетели во все стороны земля и железо.

Только через пять минут я начал что-то слышать — ракета «воздух-земля» штука мощная, это я еще на Агропроме понял. А вертолета я так и не разглядел: пролетел в отдалении, засек движение, всадил ракету и ушел своим курсом. Дал бы две или три — полегли бы все четверо...

И все равно — потрох сучий!

Олег на первый взгляд смотрелся почти как живой. На второй взгляд он действительно оказался живым, но только почти или еще: тело было неприятно податливым, как будто совсем без костей, а из ушей сочилась кровь.

— Отойди, Ботаник, дай-ка я попробую. — Профессор оттеснил меня плечом и склонился над телом с аптечной в руках.

Я огляделся вокруг и сделал это очень вовремя — из-за соседнего холма вывернули две собаки и вышли в атаку. Одну я точно срезал, она даже набок завалилась, а вторую только зацепил. Неважно, главное, что отстали.

— Все не так уж и плохо. — Заключил Профессор, закончив осмотр и первичные процедуры. — Позвоночник цел, голова вроде бы тоже, но контузило сильно — здесь он и пары часов не протянет, тут нужен врач.

— Так вызывайте. — ответил я, закуривая. — Есть у вас... этот, как его?

— Аварийный маяк. Есть, конечно... Коллега, будьте добры.

Коллеге-Дикобразу тоже перепало неплохо: одна из многочисленных железок, которыми был буквально напиздикован этот холм, влетела ему в бедро и кровь оттуда текла будь здоров как. В нормальных условиях — то есть без серьезной медицинской помощи — им обоим светил гроб. Оператору на месте, а сталкеру чуть погодя, когда рана всерьез воспалиться. И оба они были нетранспортабельны, вот что самое хреновое...

Дикобраз уже оказал себе первую помощь и сейчас возился с КПК, отправляя вызов своим кураторам. Вот, стало быть и все, — кончилось наше совместное приключение.

Провели вместе меньше суток, испытали массу новых острых ощущений, и вот расходимся как в море корабли. В Зоне это дело совершенно обыденное — постоянные контакты здесь скорее исключение, чем правило. Я закурил еще одну, на воздухе курилось много слаще, чем под землей.

— Ботаник! — Окликнул меня Олег Васильевич. — Посмотри там вокруг — он кажется камеру просит...

Найти ее я не сильно рассчитывал — после такого-то взрыва — однако пошел, чтоб хоть что-нибудь делать. Это в Баре хорошо столбом стоять, а в чистом поле лучше хоть как-то шевелиться. Однако камеру я нашел, причем очень легко — изделие японских электронщиков висело, зацепившись ремнем за торчащий арматурный прут и даже не выглядело разбитым, хотя огонек, конечно, не горел. Я покрутил ее в руках, подумал и снял с нее блок памяти — точно помню, что перед входом в подземелье он его менял, стало быть на этом носителе все, что снято в Лаборатории.

Скажете, нехорошо грабить раненых? Согласен. Только боюсь, что до него этими записями могут другие люди заняться, так что пусть лучше пока побудет у меня. Может еще и верну.

С камерой наш пострадавший обнялся как с мамой и клянусь, ему прямо на глазах стало лучше.

— Борт обещают через пять минут. — мрачно сказал Дикобраз. — Толтко знаешь что, Ботаник....

— Для меня места нету? — догадался я.

— Не то что б нету.... Просто это будет военный борт. Ты хочешь с ними встретиться?

— Да боже упаси. Пешком спокойнее дойду.

— Тогда держи. — он протянул мне какую-то бумажку, оказалось — листок из записной книжки. Я уже и отвык от них. Все КПК да КПК...

— Это мой домашний. — Объяснил Дикобраз. — Выберешься, отстучи письмецо. Да и встретиться бы не мешало потом — есть за что выпить.

— Заметано! — Улыбнулся я ему на прощанье. Откровенно говоря, одной ногой я был уже не с ними. Вертолеты нынче не для нас, а идти в одиночку не так просто, как кажется. Не откладывая дела в долгий ящик я достал бинокль и изучил обстановку пока совсем не стемнело. Результаты наблюдений как-то не радовали: на Свалке резвились псы в немеренном количестве, а это значит, что людей там нет. Но я в ту сторону и не собирался, хуже было другое: на асфальте много раз исхоженной дороги зияли в шахматном порядке здоровые дыры. Не надо было быть экспертом, чтобы понять: по дороге прошли из автоматической пушки и стреляли не мимо — я хорошо разглядел в двух местах следы крови.

В привычную какофонию звуков вплелся низкий гул вертолетных винтов. Не исключено, что приказ на эвакуацию передали на ту самую машину, что угостила нас недавно ракетой. Я выждал ровно до того момента, когда стали видны номера на борту и двинулся под прикрытия деревьев.

— Постой минутку!

Я остановился. Ко мне спешил Профессор.

— Жаль, что все так глупо кончилось, — сказал он не успев отдышаться. — Я рассчитывал с тобой поговорить напоследок о многом. Впрочем, мы еще встретимся... А это вот Олег тебе хотел передать. — и он сунул мне в руки электронную записную книжку.

— Он что-то сказал?

— Да так, скорее бредил...

— И все же?

— Он сказал: «Пусть берет эту суку обратно. Они все чокнутые в этой Зоне!»

А больше мы ничего не успели обсудить — вертолет уже шел на посадку.

* * *

— Значит, говоришь, успел выбраться под носом у наемников и свалить до начала заварухи? — Мюллер нависал надо мной как кот над мышью и сверлил мне переносицу добрым гестаповским взглядом. Он мне не верил ни на грош, такие вот дела.... Между прочим, правильно делал.

— Где-то в районе двенадцати. Они еще только подтягивались, а уж Долину я знаю, там я от кого хочешь уйду.

— Да, Долину ты знаешь... А вышел как? Все выходы были перекрыты уже к одиннадцати!

— Через холмы. Я и туда также прошел, специально веревку оставил, можете проверить.

— Проверим потом... — он вроде бы утерял ко мне особый интерес, отвернулся и сел на свое место.

Я тут один сидел на стуле, все остальные в креслах развалились. Сталкерский трибунал, вашу мать. Судьбу мою решают. На закуску к пиву, холера!

Это я себя нарочно так накручивал, чтобы форму поддержать — нелегко мне давалось мое внешнее спокойствие, хотя обстановка была самая что ни на есть мирная: тихо жужжал кондиционер, мягко пружинил ковер под ногами. Непривычная тишина и уют этой комнаты неумолимо склоняли ко сну. Столики лакированные, видеодвойка — только фонтана и книг не хватает, а так, по уровню комфорта ничем не хуже той Лаборатории. Я и не догадывался, что в Баре имеются такие апартаменты.

— Ну, кто высказаться хочет? — Нейтральным тоном спросил Копыто, который был тут явным председателем.

— А хрена ли тут высказываться? История гнилая как зомбак! Боцмана не уберегли, устроили разборку со стрельбой и вход в Лабораторию, главное, просрали начисто! — Так высказался Тунгус, втоой номер в этой Тройке, и это были его первые и последние слова за весь прошедший час.

— Согласен. — Сухо сказал Седой, когда Копыто глянул в его сторону. — Боцмана Ботаник, скорее всего, не убивал, кишка у него тонка человека зарезать, но история стремная по всем показателям.

Вообще-то я как раз и мог зарезать человека, и даже зарезал не далее двух суток назад, но поправлять Седого не стал, тем более, что меня уже никто и не спрашивал. Капитальный допрос мне перед этим устроил Мюллер (это, кстати, фамилия, а не кличка), и уж он все свое мастерство проявил, всю душу мне вывернул. И не поверил, сука такая.

Чуял, что ли особистским своим нюхом? В общем, я выдал им примерно ту же версию, что и Сидору — о ключах и флэшке, то есть, не упомянул. А в остальном использовал версию Колчана, подправленную и законченную: пришел в Долину забрать старую нычку, а тут налет, я отсиделся, после обстрела нашел дыру, быстро слазил туда и обратно, вот хабар

— и смылся до начала, поэтому не в курсе. Устроил себе дневку на холмах — я даже вспомнил место, которое можно было бы им предъявить, да они не стали уточнять. Таким образом, я полностью умолчал не только о ключах, но и о большей части подземных приключений, о спутниках своих забыл, ни словом не обмолвился о кратком плене у вояк... ну и так далее.

Что характерно: убийством Боцмана интересовался главным образом Мюллер. Седой все больше спрашивал о Селезне и порядках в нашем колхозе, за что ему отдельное спасибо, а вот Крюгера и Копыто интересовали почему-то странные явления в Долине а также все, связанное с Лабораторией и слухами о кладе Борова.

..... — Седой говорил тихо и не мне, поэтому вопроса я не расслышал, но Копыто ему кивнул и Седой тихо вышел — его и пригласили-то похоже скорее как свидетеля и консультанта. А Бармен и вовсе не присутствовал — так, заглянул один раз, кинул пару слов и ушел... Направляясь в Бар, я рассчитывал, что разбираться со мной будут как раз Бармен, Седой, кто-нибудь из «Долга», ну может пригласят для солидности Ворону или Гиблого.

А все вышло настолько круто, что я и мечтать не смел (от «Долга» был не кто-нибудь, а сам Мюллер). И не надо мне было такой чести! Убить меня, или сперва как следует помучить, решала аж Большая Тройка: Копыто, Крюгер и Тунгус. И никто из них торопился кончать мое дело, как будто других, более важных, у них больше не было.

А должны были быть — зря что ли они тут все разом собрались? Тунгуса я вообще в первый раз видел, Копыто разок встречал в Баре, а вот с Крюгером был даже знаком — он не раз покупал у Бати снаряжение. Но это было еще до того, как я во второй раз попал в Клинику, а он — обжег лицо «студнем».

Это были стакеры экстра-класса, те, что работали на севере, и не просто на севере, а в таких местах, где от радиации даже мутантыдохнут, аномалии стоят сплошной стеной, а хабар оттуда выносят мешками. С Барменом они торговали от случая к случаю, только чтоб совсем не обижать, а основную добычу сбывали напрямую по своим каналам. Они работали с Болотным Доктором, общались с Шуховым и давно уже стали для нас не живыми людьми, а частью местной мифологии. Там, на севере, у них имелись собственные базы, мастерские, окна в Периметре, даже, по слухам, — собственные женщины. Насчет Крюгера, по крайней мере, я точно уверен. И каждый из них сам по себе (с учетом помощников, охранников и отмычек), стоил целой группировки. Единственное, чего они не могли, так это выйти за Периметр — слишком многие там интересовались их яркими личностями.

В нашу здешнюю политику они совались редко, а уж если вмешивались, то не ниже чем в разборки между группировками, которым время от времени требовались посредники и третейские судьи. Год назад на этом уровне работал Стрелок со своей командой (пока не превратился в Меченого), а теперь их осталось всего трое и по слухам, они не так уж крепко ладили друг с другом.

И эти — может быть уже и не люди — потратили без малого час на такую фигуру как я...

Молчание длилось. Тунгус работал с КПК, Крюгер рассматривал свой стакан с пивом, словно надеялся там «колобок» обнаружить, и только Копыто с Мюллером продолжали разглядывать узоры на моей роже. Неуютно было, но я пока держался. Еще раз заглянул Бармен и вновь скрылся в соседней комнате.

— Значит так! — Разродился, наконец, вердиктом Копыто. — Пока Глыба ничего реального не предъявит, считаем, что Ботаник Боцмана не убивал. Однако, он все же не

прав: Боцмана не поддержал, к людям за помощью не обратился, а повел себя местами как крыса. Этот косяк ему придется загладить. Все согласны?

Все были согласны и я больше всех.

— Ботаник, ты готов? — Спросил Копыто лично у меня.

— Конечно! — А что еще я мог сейчас ответить?

— Значит, завтра идешь со всеми, а пока свободен. — и он отвернулся.

Я уже взялся за ручку двери, когда меня окликнул Крюгер:

— Хабар-то свой заberi. Нам чужого не надо.

Я вернулся и прибрал со стола выставленные в качестве вещдока контейнеры. В этот момент открылась дверь соседней комнаты и я невольно скосил глаза. Там была комната попроще, без ковра и кресел, зато с картой на стене. Перед ней стоял генерал Воронин (уж его-то я и со спины узнаю!), а рядом маячил черно-желтый «свободовский» комбинезон.

Дух я перевел уже за дверью...

Здесь бы мне и удивиться хорошенько, так, чтоб окончательно расплавились мозги. Как же: командир «Долга» планирует совместную операцию с представителем «Свободы». Однако, способность удивляться у меня сломалась еще на долговском блокпосту между Свалкой и Баром — в первый раз вижу, чтобы он остался пуст, такого не было, даже когда «Долг» полгода назад пошел на штурм ЧАЭС! «Свобода» в Баре — великое дело! А как вам ракетный обстрел и воронки возле Свалки? А Большая Тройка на большом совещании? А почти пустой Бар, в котором я сейчас находился?

Ежу понятно, что в Зоне приключилось что-то большое и новое, что-то тут серьезное назрело и надо было срочно выходить в сеть, чтобы хоть как-то сориентироваться. По крайней мере, буду знать, на что я только что так легко подписался...

Пока грузился КПК, пока принимался поток общей информации, я взял у Мочегона банку пива — он рулил за стойкой в отсутствие хозяина — и встал за свой любимый угловой стол. Вообще-то «100 рентген» это немножко не тот бар, где можно два часа сидеть с банкой пива, здесь и сесть-то не на что. Сдал хабар, купил снарягу или информацию, подождал нужного человека — и вали себе дальше. В процессе можно поесть и немного выпить, а напиться, отоспаться, по душам поговорить — это милости просим в другие места. Но даже при таких условиях, в нем не всегда найдешь свободное место, а сейчас, кроме меня, в углу сидели всего два перца, тщательно укутанные в капюшоны — и все....

Занесем в общий список непоняток.

Насладиться пивом и почтой вновь не удалось. Бармен, как известно, прямо за стойкой только спиртное и жратву отпускает, а более серьезные дела, — неважно, продаешь ты пару «медуз» или «Мамины бусы», берешь пачку патронов или два бронежилета, — ведет в отдельной комнате. И это правильно, потому что бизнес — дело интимное, это вам не по-большому сходить. Вот в эту комнату меня Мочегон и пригласил. Хозяин был уже здесь.

— Ну, что у тебя там? — Спросил он как всегда безразлично.

— Двенадцать «шаров», «шесть «грави», пять «ломтей» и «душа» — перечислил я.

— Добро. Общим счетом выходит?

— Сто тридцать два, если расценки не изменились.

— Не изменились. — Он не глядя убрал вниз контейнеры и спросил. — Брать чего будешь?

Я перечислил. Список был примерно тот же, что и у Сидора, только еды и барахла я взял поменьше, так, чтоб обойтись совсем без рюкзака, и сменил армейский броник на

новый — полегче и получше, а старый тут же загнал ему.

— Принято. — Он так же быстро (не торгуясь!) провел обе операции и вышел за моим заказом.

И только шаги его затихли в коридоре, как в комнату вошел Крюгер. Один.

— Здорово. — Сказал он скривив (надеюсь, что в улыбке) — обожженные ошметки лица. Но даже с одним глазом и сизой коркой вместо всего остального, он продолжал оставаться чертовски обаятельным сукиным сыном!

— Добрый вечер.

— Да... уже опять вечер... — он закурил, предложил одну мне и сказал, легко и мягко, как будто о погоде трепался — а теперь рассказывай, о чем забыл.

— О чем? Там много всего было...

— Ты был в Лаборатории?!

— Да! — и я протянул ему карту памяти, изъятую из олеговой видеокамеры.

Мы говорили очень долго. Просматривая фильм, он задал мне три тысячи вопросов, порой совершенно неожиданных — например о том, не видел ли я там аппаратов для переливания крови? Или, например, не хотелось ли нам там в Лаборатории по-маленькому? Или может, песню спеть? Но я такого не припомнил. А больше всего его интересовал тот монстр-псионик, что едва не загубил нас в пещере.

— Так, говоришь, Олег Васильевич? Значит жив еще, курилка... А замеры он точно сделал? И анализы взял?

— При мне работал.

— Угу... Это славно... — Бормотал он, заново просматривая особо важные места.

— Ключи я оставил там же, в подземелье. — Уже по своей инициативе доложил я. — Однако толку в них больше нет никакого...

— Это точно. Военные прошлись по Долине еще раз, прямо с воздуха, так что все ходы завалены. Наемники погибли почти все, кто под землей остался, кто сверху полег. — Просветил он меня.

— Но есть еще ход от Свалки. Его, правда, тоже ракетой накрыли, однако, если постараться, можно откопать.

— Ага. И второй есть — на Припяти. Мы уже три группы за последние полгода послали, никто не вернулся. Теперь ясно почему....

— А Меченый — решился спросить я. — Он там был?

— Струсил твой Меченый. — С непонятной интонацией ответил Крюгер. Так я и не понял — жалел он о провале своего давнего конкурента, или наоборот? — У него же чутье, его тоже Монолит обработал... Не рискнул он вниз спускаться, забрал документы и пошел вверх с вояками рубиться...

Мелькнула у меня идея поподробнее узнать у него насчет Лаборатории — он явно что-то знал о ней, но с этой мыслью я расстался без сожаления: хватит с меня тайн! Да и не расскажет он ничего раньше времени, не стоит обольщаться его минутной откровенностью — она очень четко дозирована и небескорыстна...

— Ладно, — Сказал Крюгер, сворачивая свой ноутбук. — За информацию спасибо. С меня столик. Завтра пойдешь с моей группой, мы выходим в семь, через час после остальных. Постарайся сегодня не напиться и выспаться — ты нужен мне свежий и бодрый.

Между прочим, я так пока и не знал, куда это мы, собственно, завтра все пойдем, но вида не подавал. Если все считают, что я в курсе, значит, пусть так и думают дальше.

Татарин неловко подвинул в костре свою банку, одна толстая ветка с треском рассыпалась в жаркие угли, искры подлетели до потолка, осветив на секунду лица сидящих вокруг.

— Эх, щас бы картошечки на сале жареной, да вместо этих консервированных помоев.... - протянул он ни к кому конкретно не обращаясь. Сейчас он поднял одну из самых запретных в Зоне тем — нормальную жратву, а хуже этого, было только упоминание о женщинах, — однако никто ему слова не сказал.

Хотя я бы не назвал общее настроение траурным — народ усиленно делал вид, будто на завтра запланирован обычный субботник. Такие рейды время от времени проводили долговцы, чтобы зачистить ближние районы от мутантов. Добровольным помощникам предлагались патроны, благодарность «Долга» и бесплатная выпивка от Бармена по результатам стрельб. Когда мы с Монахом околачивались в Баре, участвовали не раз, это, в целом, было весело. Только в этот раз мы шли не на Свалку собак пострелять, а на Припять — мочить зомби, снайперов и прочую крупную живность. Никто об этом вслух не говорил, но ясно же, что встреча с «Монолитом» тоже весьма вероятна. Поэтому сегодня совсем не было пьяных, а оружие чистили с особым остервенением.

Ситуация на конец дня была следующая: ЧАЭС и Монолит, в ответ на обработку орбитальным сканером, выдали такую прорву мутантов на север, что пулеметами и артиллерией вояки в этот раз не обошлись — пришлось задействовать ракеты и бомбардировщики. Кроме того, на Янтаре поднялись зомби, которых там уже с полгода не видели, а Припять ими просто кишела, причем, по данным «Долга» и «Свободы», эта толпа состояла главным образом из тех, кто ушел полгода назад штурмовать ЧАЭС и не вернулся. Хуже всего, что объявились контролеры — они захватили большую часть военных и сталкеров, что были на тот момент в Припяти и вся эта армия сейчас медленно но верно смещалась в нашу сторону, во всяком случае у Барьера и на Радаре их уже видели.

Но Зона, она и есть Зона, к подлянкам с ее стороны народ всегда морально готов. Основной сюрприз преподнесла армия. Как я и предполагал, слухи о кладах в Темной Долине оказались хорошо рассчитанной уткой — никто там ничего и поискать-то как следует не успел, потому что стоило наемникам спуститься в подземелье, как их накрыли по второму разу, похоронив три бригады как минимум. А потом выпустили вертолеты и вот тут-то началось самое интересное. Сначала они полностью разнесли центр Долины: остатки нашего цеха, свиноферму, заправку — в общем все, за исключением сараев.

Потом начали с воздуха гонять сталкеров, но особо попасть не стремились, а просто выгнали на открытое место, так, что подвалившему с Кордона спецназу оставалось только загнать всех в сараи и выводить по одному и без оружия. Тоже самое — только без артподготовки — провернули на Кордоне. Сейчас в лапах комендатуры оказалось не менее пятидесяти человек, а вся южная часть вплоть до блокпоста уже была фактически занята солдатами. Самое интересное, что арестованных из Зоны вывозить не стали, а так пока и держали в этих сараях. Больше всего меня порадовало сообщение Пингвина (он успел его отбить, пред тем как сдал оружие), что проводниками у нападавших выступили мои бывшие товарищи: Калым, Глыба и прочие.

Все это прекрасно подтверждало правоту Сидора и Дикобраза с их прогнозами о путях

будущей либерализации Зоны.

И, наконец, последние, меня напрямую касающиеся: долгожданную амнистию таки объявили! Но не всем, а только тем, кто «окажет властям реальную помощь в деле наведения надлежащего порядка в зоне экологической катастрофы», вот так! Кроме этого черствого пряника, нашлись, видимо, вполне рабочие кнуты, потому что Бармен и прочее руководство за эту идею вполне ухватились и теперь едва ли не пинками загоняли народ в бой. Взамен предлагали бочки бесплатного пойла (потом), корзины халявных аптек, ящики дармовых патронов и полное списание долгов и грехов у кого они есть. Стало быть, и мне тоже...

Народ почти не пил, с песнями тоже как-то не заладилось, но никто пока не расходился — в куче как-то спокойнее, вон нас какая орава, любую толпу раскатаем! Все разговоры у костра, собственно, и крутились вокруг этой темы. Мне наиболее правдоподобным казался следующий прогноз: вояки пойдут на ЧАЭС, временно замилившиеся «Долг» и «Свобода» возьмут на себя Припять, благо, им не впервой, а на нашу долю достанутся зомби. Сначала их как следует замесят с воздуха на подходах, а мы, убогие, пойдем на Радар добивать оставшихся.

Мало не покажется...

Усвоив эту информацию в полном объеме, я себе чуть локти до плеч не сгрыз. Сходил последний раз в Долину, называется! Ведь если б я, как с самого начала планировал, ушел на Агропром, так там вполне бы мог и отсидеться... Там есть где, да и облавы в тех краях не проводили.

Правда, я за последние два дня приподнялся почти на поллимона — хабар из Лаборатории, еще не сданный «колобок», да сотня от Крюгера... — но, честно говоря, с таким богатством воевать втройне обидней. Пару минут я всерьез, просто для ясности, обдумывал возможность свалить. Получалось, что валить некуда: юг оккупирован, на север мы и так идем, выход на Дикую Территорию долговцы перекрыли своим постом. А главное — Крюгер! Его «спасибо» стоит дорого, его еще придется отрабатывать в полном объеме, а в случае чего, он меня достанет в любой точке, тем более, что на Багамы мне путь заказан.

Что ж, будем считать, что последний выход будет завтра! Вот заработаю амнистию, еще и на обратном билете сэкономлю... Утешение, конечно, слабое, но лучше, чем совсем никакого.

Время между тем, приближалось к двенадцати. Пора уже было что-то с ночлегом решать. В цехе выпаться нереально — шумят, да и наступить в потемках могут — поэтому я поднялся на крышу пристройки между цехами. Там, специально для этих целей, был установлен тент и можно было взять напрокат подстилку — Хромой за эту услугу брал всего-то по пятьсот рублей. Только вот поднявшись наверх, я не обнаружил ни Хромого, ни лишних спальных мест — вся стопа туристских пенек таинственно исчезла вместе с ним. То есть было разложено несколько штук, но на них уже расположились те, кто успел принять достаточно, чтобы суметь заснуть.

Спать на голом рубероиде чего-то не тянуло. Возвращаться в Бар, где толпилось наше руководство, хотелось еще меньше.

— Прикурить не найдется?

Я повернулся. Прямо передо мной стоял один из тех молодых орлов, что громче всех разорялись внизу. У костра он, значит, не мог прикурить?

Я молча протянул ему зажигалку.

— Тоже завтра идешь? — Спросил он, уважительно трогая мой «абакан» и неловко

щупая подсумок, что я взял у Мочегона вместо рюкзака. Его бестактность я списал на водку, нервы и недостаток воспитания, поэтому в морду бить не стал, хотя имел полное право — щупать снарягу без разрешения хозяев в Зоне не принято. Пацану было страшно перед завтрашним днем, он, соответственно, выпил и сейчас хотел пообщаться с бывалым человеком. Сейчас начнет набиваться в напарники...

Однако, он ничего такого не сказал, а так и продолжал стоять передо мной, переминаясь с ноги на ногу. Хочет что-то конкретное предложить? Тогда почему руки трясутся?

— И я иду. Вот, куртку новую купил, без защиты несерьезно — он гордо выпятил узкую грудь, упакованную в так называемую «сталкерскую куртку» — очень несерьезное сооружение из кожи, металла и обрезков кевлара. Я, в свое время, смастерил таких не меньше двух десятков, но сам такой «защиты» предпочитал не использовать.

— Хромого не видел? — Спросил я, чтобы перевести разговор в деловое русло.

— Так ушел Хромой. — Радостно сообщил он. — Его Бармен высвистнул, типа гости у него, вот Хромой свою гостиницу и того... А тебе ночевать что ли негде?

— Получается так.

— Так пошли к нам!

— А кто это — «МЫ»?

— Да один я, один. — Торопливо ответил так и не представившийся мне товарищ. — Мизгирь с Сердюком вчера в Темную Долину со всеми пошли, так что целых два места свободных осталось! У меня там даже чайник имеется!

— Приглашаешь? Или договариваться будем?

— Ой, да че там уговариваться?! Говно вопрос — сигаретами угостишь, ты ж, вроде, много взял, и ладно будет! Одному как-то стремно... — И он искательно заглянул мне в глаза. Сглотнул нервно, губы облизывает...

Может, конечно, у меня уже паранойя развилась. А может и нет... Я напряг свою память: вот я, весь в новом и чистом, выхожу с Мочегоном из кладовки... Мне нужны еще сигареты, коктейль и шоколад, а их мне выдали прямо стойки, и я их при всех прятал в суму. Но видеть этого хлопчик не мог, потому что он сидел ко мне спиной, а видеть меня могли те двое, что даже в Баре не снимают капюшонов.

Мне эта картина еще тогда не понравилась: кабацкая шушера любит прессовать новичков, чтоб раскрутить на выпивку и малость покуражиться, повышая самооценку. Но эти двое шушерой не были... Такие тянут к себе молодых, именно для того, чтоб расхвалить до небес, угостить для храбрости и вытащить в Зону. Если носильщиком или даже отмычкой, так это еще ничего — у нас тут не пионерский лагерь — а вот Чумак и Кардан такой материал частенько использовали в качестве живца для охоты на кровососов.

Я сделал две глубоких затяжки, выравнивая нервную систему, огляделся и хлопнул его по плечу:

— Ну пошли, чего время терять.

Он, совершенно счастливый, что все так удачно срастается, српгнул вниз, я за ним. Теперь мы стояли в углу, в обе стороны расходились освещенные дорожки, а впереди темнел двор, забитый путаницей труб и емкостей производственного назначения.

— Туда идти? — Я махнул рукой в этот лабиринт.

— Ага. — Ответил он и побежал в темноту, время от времени оборачиваясь и делая обеими руками приглашающие жесты.

Я активировал ПНВ и огляделся. Ни слева, ни справа, ни впереди движения не усматривалось. Но против меня работали настоящие профессионалы, я и не рассчитывал, что они просто встанут за дерево.

— Здесь! — Парень оглянулся, улыбаясь во весь рот и указал мне в тупик между стеной и крайней цистерной.

Я сделал последний шаг и врезал ему под дых. Прихватил за плечи судорожно скорченное тело и прикрываясь им как щитом, сместился в сторону. «Стечкин» уже был на взводе, вот только цели по-прежнему не усматривалось. В следующий момент далеко слева, наверху, совсем не там, где я искал, жестко лязгнули затворы... Мой сопровождающий дернулся дважды, захрипел и уже по-настоящему завалился на бок. Я юркнул за трубы, а когда рискнул выглянуть, стрелять было уже не в кого — крыша дальнего цеха была совершенно пуста, стрелки растворились во мраке раньше, чем я смог их увидеть.

Что то я не понял смысла этой пантомимы? Подослать ко мне наводчика и выманить в тихое место — это правильный ход, но где же засада? Или все это было затеяно исключительно ради того, чтоб немножко меня попугать и замазать чужой кровью? Хотели убить и промазали? С тридцати метров и два раза подряд? Бред полнейший — я же торчал у них на мушке, как тетерев на суку!

В той стороне, где располагался блокпост, мелькнули лучи фонарей, грохнули по плитам дорожки тяжелые берцы. Я торопливо спрятал пистолет и вышел на открытое место — обидно было бы словить дурную пулю от хороших знакомых совсем ни за что.

Свет в лицо, руки в захват, оружие отняли — где-то я все это недавно уже проходил....

— А, это ты, Ботаник... — Удовлетворенно сказал Курсант, осматривая место происшествия. — Не успел с одним трупом расчухаться, второго завалил?

— Это не я. Вон с крыши стреляли.

— Проверим. — Первым делом Курсант обнюхал мои стволы — они пахли как и положено свежей смазкой. Затем долго изучал труп.

— Действительно... — Сказал он озадаченно. — Стреляли не в упор, пули вроде как от «вала»... Объяснения будут?

— Наверное, ограбить хотели. — Пожал я плечами. — Этот пацан мне лежку на ночь обещал организовать, мы с ним шли, а тут — стрельба... Я успел отскочить, а ему вот — не повезло. Даже познакомиться не успели!

Лично я в эту версию не верил — грабят не так и не здесь. Но ничего умнее я придумать не мог, а объяснять все как есть не хотел — все равно доказательств не было.

— Предположим... — Задумчиво протянул командир патруля. — Тогда бери этого перца и пошли к нам. Нечего тебе по территории бродить, что-то многовато вокруг тебя трупов в последнее время...

Как ни странно, выспаться мне удалось, хотя в караулке у них было суетно и народ бродил всю ночь взад-вперед. Даже когда Касьян уронил на меня станок от пулемета, и то я почти не проснулся.

* * *

В семь мы, конечно, не собрались, и даже в восемь не вышли. Остальные, впрочем, тоже припозднились: в шесть сорок пять я явился в бар умытый, побритый, готовый ко всему, и

угодил на самую раздачу: никто из добровольцев не мог уйти без обещанной дозы спирта, поэтому злой и мрачный Мочегон на моих глазах еще минут сорок скакал за стойкой, разливая по флягам горючее. Еще минут десять ждал Крюгера, который явился весь замотанный и нервный, с черными кругами под глазами — надо полагать, что он так и просовещался всю ночь напролет.

Начали, наконец, собираться.

— Ты чего, — сказал он мне, — так и собираешься пойти с этой трещоткой? Ну-ка постой, организуем что-нибудь посолиднее..

Чем-нибудь посолиднее оказался «винторез», который он мне лично и вручил. Хорошая машина — я из него стрелял раза три, еще в армии, так что с этим проблем не возникло. Правда, от радости я прыгать не стал, чем кажется, его порядком удивил, но на это есть отдельная причина: не живут у меня долго крутые стволы. Помню, еще с первого реального заработка взял я «ГП», так через неделю уронил ее в «студень». Много позже разорился на «LP-300» и через три дня нас с Монахом прихватил Комбат, отнял, естественно. А купленным у Сидора «Валом» я вообще пользовался меньше суток...

Затем он долго осматривал мою снарягу, остался в целом доволен, но кроме того, выдал мне костюм замкнутого цикла из последних разработок, ему даже и названия придумать не успели: шлем, изолирующая маска, аварийный баллон с воздухом. Сам костюм тонкий, как пленка, но от радиации и прочих аномальных факторов (кроме «карусели»), должен защищать почти в полном объеме. Были еще какие-то опции, я как раз хотел посмотреть и примерить, но он мне не дал, сказал: «Потом освоишь, там все просто».

Но больше всего времени ушло на разбор моих ночных полетов. К происшествию с тем новичком Крюгер отнесся предельно серьезно. О него я не стал скрывать ни предполагаемых причин, ни реальных обстоятельств, а подробности он уточнил у должовцев, жаль только, что Курсант вышел часом раньше. Как оказалось, две стреляных гильзы от «вала» нашли на той самой крыше, поэтому с меня подозрения все-таки сняли. Жертву опознали и лежку его нашли, но там уже было пусто, хотя обещанный чайник стоял еще теплым, значит стрелки смылись прямо у них перед носом. На этом расследование встало, потому что были дела поважней.

— А может они все-таки хотели взять тебя живьем? — Задумчиво спросил Крюгер, помешивая ложечкой чай. — Необязательно же ждать тебя в засаде. Могли и позже подойти, когда уснешь. Может у этого козла с собой чего-нибудь снотворное было, зря что ли он тебе чай обещал...

— Может и так. Только там, куда он меня вел, никаких схронов оборудовано не было — я ж утром еще раз осмотрел. Там в тупике трава по пояс и пара ящиков пустых, какой чай?

— И все-таки надо проверить... Попрошу-ка я ребят еще раз его вещи осмотреть — вдруг там шокер был или баллончик с газом. — И он опять ушел, вот как его эта история озадачила!

В Баре меж тем стало уже совсем пусто. Даже Мочегон ушел куда-то, а Бармена я и вовсе с утра здесь не видел... Неуютно, откровенно говоря. Я закурил, стряхивая пепел в пустую банку, но прежде, чем успел докурить, вернулся Крюгер.

— Выходим, быстро! — сказал он, не присаживаясь. Как будто это я всех тут сидел и задерживал...

— Вдвоем пойдем? — Спросил я его, пристраивая тюк с комбинезоном на плечи — он специально для этого был снабжен лямками, наподобие рюкзака.

— Будет тебе прикрытие, встретим на маршруте, они уже ждут.

И еще раз о выданном мне костюме: его наличие ясно свидетельствовало, что со всеми вместе на Радар мы не пойдем. И для Припяти такие навороты тоже ни к чему. Так неужели прямо к ЧАЭС? И почему он сам не надел свой комбез прямо в Баре и мне не дал — не хотел его светить раньше времени?

Простучали мы подковами по плитам, помахали нам руками долговцы на блокпосту, и вот она, Зона, сука капризная....

* * *

Да, заплевали всю дорогу и окурками засыпали — как-никак перед нами этой тропой прошло не меньше сорока человек... Всех мутантов распугали, а ловушек здесь, слава богу, и не было. Только я уже даже и жалеть об их отсутствии начал, перед аномалиями можно хотя бы шаг слегка сбавить...

Крюгер выставил меня первым и велел держать темп, поэтому я как честный бродяга, обязан был сдохнуть, но показать этому супермену класс. Благо, Крот нас в свое время хорошо погонял, да и лишний жир я за последние пару суток растряс — шел так, что подметки дымились. Миновали выход с территории Бара, проскочили дорогу, вот уже и ворота перед Складами... Здесь Крюгер меня тормознул:

— А ну-ка сбавь, загонял старика совсем... Давай вон к тому автобусу, чтоб на дороге не маячить.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Насчет старика он типа того приbedнялся — даже дыхание не сильно учащенное — а зачем ему понадобилась эта остановка, я понял после того, как он вытащил КПК.

Пока мой ведущий общался, я просканировал окрестности. Место было красивое, но плохое: дорога зажата меж двумя крутыми склонами, обзора и маневра никакого — не случайно «Долг» и «Свобода» так любили здесь друг на друга засады устраивать. Прямо посреди дороги красовалась «электра», которая мне так недавно снилась, склон справа от нее был изрыт следами — это наша армия ее обходила.

— Можно идти, нас ждут.... Только КПК теперь отключи.

Я выполнил приказ. Тогда он вышел на открытое место и махнул рукой — из кустов вышли двое, пересекли дорогу и в хорошем темпе двинулись налево от нас, в сторону хутора, где особенно часто попадались кровососы. Одеты эти ребята были в совершенно нейтральные накидки, но я почему-то посчитал их «Свободой» — прикрытие, значит, хвост уведят. Если кто-то за нами следил, так он как видел на экране две метки, так за ними и пойдет. Интересно.

Дальше Крюгер повел сам, и хотя темп он задал божеский, легче не стало — я-то полагал, что мы выйдем к Радару прямо по дороге, может заглянем к долговцам на хутор, или к их новым союзникам на Склады, а он, вместо этого, свернул вправо и углубился в зону аномалий, которую я всегда считал сплошной. Однако он, не пользуясь ни болтами, ни детектором, заложил какую-то особо хитрую петлю, обошел вплотную две «электры», а потом смело шагнул на полянку, к которой я бы и близко не подошел, потому что посреди нее лениво кружились обломки веток и засохшие листья — «карусель», мать ее!

— Давай бегом. — Сказал он. — За мной след в след, потом падай. — И рванул едва ли

не самый центр аномалии. Я за ним.

Тугой порыв ветра бросил мне в лицо охапку древесного мусора, ощутимо повело влево, а в последний момент меня и так свалило носом в землю. Не представляю как, но мы прорвались через «карусель», хоть и не по центру — это я загнул — но все же...

— Не вставай! — Прикрикнул он. — Ползем дальше!

И мы проползли еще метров полста, прежде чем он разрешил мне подняться. Теперь мы находились в узком петляющем овраге, по дну которого была натоптана вполне приличная тропинка.

— И что? — Спросил я, прикладываясь на ходу к фляжке. — Неужели все «карусели» можно так пройти?

— Ни в коем случае. Просто это не настоящая аномалия. Это я ее поставил, чтоб чужие не лазили...

— Такое возможно?

— И не такое возможно...

— А зачем же мы тогда ползли?

— А чтобы с хутора нас не заметили. У Воронина хорошие часовые. Да ты шагай, не бойся, мины уже отключили...

У меня еще были вопросы, но задать я их не решился, тем более, что пока я спрашивал, да пока он отвечал, овраг кончился и мы пришли на место. В конце так хорошо защищенной тропы оказался всего лишь УАЗ-микроавтобус, рядом с которым прямо на травке расположились пятеро, причем двое — женского пола. Крюгера одна из них чмокнула в щеку, остальные руки протянули, а вот со мной никто здороваться не спешил — смотрели в упор и молчали.

— Ну вот, все и в сборе. — Удовлетворенно сказал Кригер, отстраняя свою подружку. — Значит так — это Ботаник. Он идет с нами. А это: Доцент, Студент, Россوماха, Масыня и Катана. Они...

— Понял уже. Они из «Свободы». — Сказал я, присаживаясь по соседству.

— А что, — прищурилась на меня... наверное все же Катана, я их пока не различал. — Имеешь что-то против?

— Да нет, отчего же. Ни разу не сталкивался.

— Твое счастье!

— Катана, не заводись... — Как-то устало попросил ее Доцент. Я почему-то сразу решил, что он в этой пятерке старший.

— Я просто хочу понять, а на хрена нам нужен сталкер? С нами рвались Чиж и Третьяк, но их послали хвосты прикрывать, а этого берем. Почему?

— Он нужен потому, что сутки как вернулся из Лаборатории. Обратите внимание: живым и не с пустыми руками. — Объяснил Крюгер.

Вот тут я ощутил с их стороны живой, горячий и даже как бы ревнивый интерес. Я глянул на Крюгера, он мне кивнул, и тогда я начал свою сагу. В этот раз получилось еще короче и точнее, потому что на личные подробности я не отвлекался, а что именно их может заинтересовать, уяснил по вчерашним вопросам Крюгера.

Пока рассказывал, припомнил все, что до этого знал о «Свободе». Как-то раз мы с Монахом провели пару часов у костра вместе с группой «свободных» и они успели нас загрузить по самые гланды, достали, хуже собак. Сами-то они себя считают идейными... Правда, их идея — «Открытая Зона для всех» — мне казалась несколько утопической. Сам

военных давно не люблю, но как можно обойтись без Периметра?

Мне эта группировка всегда казалась немного загадочной, и главной загадкой для меня было: как они сумели выжить в Зоне с таким мерзким характером? Дело в том, что «Свобода» была на ножах абсолютно со всеми: с «Монолитом» — потому что они никого не пускают к Монолиту, с военными — потому что те никого не пускают в Зону, с «Долгом» — примерно по той же причине. Сталкеров они не то, чтобы преследовали, но сильно не любили и за то, что мы торгуем Зоной навынос, и за то, что организованные группировки зажимают новичков, за жадность, в конце концов. На практике, «Свобода» охотно принимала, прикрывала и водила по Зоне всевозможных туристов, охотников, ученых-неформалов и всех, кто себя за них выдавал, не особо вникая в национальную и политическую принадлежность.

Только на моей памяти их дважды вырезали едва ли не до последнего человека, но каждый раз эта группировка возрождалась буквально из пепла. К ним хорошим потоком шли романтики-экстремалы из числа тех, кому спокойно дома не живется, а также сталкеры-одиночки, капитально кем-то обиженные, хотя первых ролей они тут не играли. Мотивация была примерно та же, что и у волонтеров «Долга», однако имелись нюансы: к Воронину шли обиженные Зоной, а к Лукашу чаще те, кто был зол на людей, в ней живущих.

Это мы можем понимать. Не вполне понятны мне были только финансовые источники их процветания. Если верить Бармену, у которого они давно торчали костью в горле, «Свободу» хорошо поддерживали импортные производители — отчасти как противовес сугубо славянскому «Долгу», отчасти как канал для заброски «охотников» и «ученых». Это было похоже на правду — в отличие от воронинских, которые принципиально пользовались только российским вооружением, бойцы Лукаша предпочитали импортные стволы. Вот и мои новые знакомые вышли как один с «ТРСками», только у девиц они были с оптикой, а у парней — с подствольниками.

Получалось, что я крепко попал. Если в Баре узнают, что я работал с этими, мои акции упадут ниже некуда. Идейные причины ненавидеть «Свободу» были только у долговцев, но наши их тоже не слишком любили, главным образом, за высокомерие.

Впрочем, как я уже понял, у «Свободы» были козыри и кроме помощи из-за бугра — это надо же «не настоящая карусель» в двух шагах от базы главного противника... А впрочем, реальная картина здешней политики заметно отличалась, от той, что представляли рядовые сталкеры. Вот приперло — и Лукаш с Ворониным очень быстро подружились. Вряд ли надолго, но все же.... Или та же «Свобода»: при их лозунгах они должны вести открытую информационную политику, грузить Интернет правдой о Зоне — однако, ничего подобного я пока не наблюдал. Да и с остальными тоже не все ясно: «Долг» штурмует Склады едва ли не каждый месяц, а военные молчат — хотя могли бы просто сравнять их с землей. Возьмем «Долг» и «Монолит»: трудно представить врагов более непримиримых, однако на практике сталкиваются они очень редко. А почему? А потому, что сообща делают одно общее дело: те не пускают народ в Центр, а эти отстреливают все, что идет от Центра к окраинам, а в итоге, как была Зона заперта наглухо, так и остается и всех, кроме «Свободы», это устраивает...

Что-то впрочем, я слишком задумался, рядовому сталкеру оно как-то и не к лицу... Свой рассказ я уже давно закончил, народ просматривал принесенные мной записи, но вопросов не задавали. Пока.

А вот и обсуждение началось...

— Не верю! — Сказал Россобаха, закуривая. — Это липа. Это не может быть настоящей

Лабораторией, иначе как так вышло, что три группы наших там сгинули, а какой-то бродяга свободно прошел и вернулся!?

— Во-первых не свободно, а только чудом не навернулся как все остальные. — Поправил его Крюгер. — Во-вторых, Ботаник у нас не рядовой бродяга — он под первый Выброс в Припяти попал, так что у него, в некотором роде иммунитет.

— Как это вышло? — Требовательно спросил Студент.

— У меня отец там работал в одной из лабораторий. Я к нему после девятого класса в гости приехал, им как бы разрешали иногда... свидания. Вечер пообщались, а там тревога, отца вызвали, всех гостей в убежище... очнулся уже в Клинике, ни хрена не помню! — Я, конечно, не собирался им докладывать, что мать с отцом к тому времени уже четвертый год была в разводе, но и без того выворачиваться наизнанку перед этими... романтиками идейными было неприятней, чем раздетым ходить на людях.

— Погоди, так ты у Кузнецца потом жил? — Оживился Доцент. — Помню Кузнецца, хороший был мужик... — И пояснил остальным. — У Кузнецца семья в Припяти погибла, так он потом собрал пяток пацанов и девчонок, которым податься было некуда и типа детдома семейного для них организовал, я...

— Хватит уже. — Прервал его Крюгер. — Основное обсудили, остальное по дороге договорим... Вояки обработку на полдень назначили, нам бы успеть как раз к ее окончанию... Катана, помоги ему одеться!

* * *

Костюмчик оказался даже круче, чем я ожидал. Он не только защищал, он еще и экранировал от спутников слежения, а в режиме «стелс» мимикрировал под общий ландшафт, делая нас почти невидимыми для визуального наблюдения. В нейтральном режиме он был светло-серым, так мы пока и шли, потому что, как заверил меня Крюгер, на этом участке нас даже с орбиты засечь не могли. Кабы не эти комбезы, мы бы уже были трупами: радиация зесь была такая, что дозиметр пришлось просто отключить — достал сплошным воем.

В остальном все было вполне ничего: аномалии здесь попадались, но не особенно часто, а мутантов я пока вообще не видел. До сих пор эти места я представлял как-то проще: аномалии, стоящие одна на другой, стаи кровососов и химер и, конечно, радиация. Действительность оказалась значительно хуже.

Рельеф был тот же, что и везде — холмы, овраги, камни — но совершенно не было деревьев, под ногами только песок и щебенка, а главное — что-то здесь было не то с атмосферой. «Жгучий пух» — само собой, но здесь он не налетал редкими компактными облачками, которые можно просто переждать, закрывшись рукавом, а искрился в мутном свете вполне равномерно — четверть часа подышал и считай, легких нету. Поэтому мы сразу же надели маски и застегнулись наглухо. Во-вторых все выглядело как-то иначе, чем там — Доцент шел впереди в трех шагах, но даже его фигура выглядела расплывчато. Кроме того, все вокруг слегка мерцало, как будто я смотрел не сквозь поляризованный стеклопластик, а в монитор с низким разрешением. Вот, значит, как выглядит изнутри «горячее пятно»...

Скверное местечко, буквально кишки сворачивались в узел от дурных предчувствий. И остальным, по моему, было немногим легче. Тем более, что все они тащили на себе довольно

приличные рюкзаки, только мне одному груза не доверили.

Не буду обижаться.

Ориентировку я потерял давно и полностью, но по моим примерным прикидкам мы уже прошли большую часть пути и по логике пространства, если оно здесь не шалит, должны были выйти к Припяти с дальней от ЧАЭС стороны, через очистные. Это внушал некоторый оптимизм.

В дороге все молчали, хотя общаться можно было через вмонтированные в шлем переговорники, однако что-то не тянуло. Хватит уже, пообщался на дорожку...

Катана, которой поручили мне помочь, свои обязанности поняла своеобразно: я стоял за машиной и путаясь в многочисленных пряжках и карманах разбирался с амуницией, а она сидела напротив, глядела в упор и курила, но время от времени то нос морщила, то губы кривила. По этой богатой мимике я должен был ориентироваться, что я сделал не так. Особых проблем с самим костюмом не возникло — с аналогичными моделями я сталкивался, когда работал в Центре. Но возникло множество попутных проблем: пришлось заново подгонять разгрузку, чтобы надеть ее поверх, перекладывать кое-какое барахло из внутренних карманов во внешние, потому что за сигаретами, например, под застегнутый комбез уже не влезешь.

Когда закончил, она все же подошла, по другому застегнула клапаны на шее, настроила подачу воздуха, еще что-то. Отошла, полюбовалась.

— Хорошая у тебя снаряга, сталкер! Наверно много хабара из Зоны вынес?

Все, началось в колхозе утро...

— Не жалуюсь, мне хватило. — Говорю.

— А знаешь, почему я сталкеров не люблю?

— Просвети...

— Был у меня друг.... Нет, не френд, просто Друг. Случилось ему возвращаться на базу с парой сталкеров, напали на них по дороге зомби и друга моего подстрелили слегка — не критично, но идти он не мог. Так эти уроды помогли ему перевязаться и просто ушли... Вот такая история!

— А помощь он не мог вызвать?

— Вызвал. Только пока та помощь шла, его кровосос добил. Ничего не хочешь объяснить?

Я мог бы ей сказать, что у нас тут не ролевые игры «ХИ-2013», что ее друг должен был знать куда шел. Только можно ли такое объяснить недоброй и расстроенной бабе? К тому же, я и сам слегка завелся.

— Я спросить хочу — не знаешь сколько твой костюмчик стоит, если его в «медузы» перевести, или в «кровь»?

— Понимаю.... Хочешь сказать, что в Зоне все решают деньги?

— Все не все, но мне, например, никто пустой обоймы так просто не дал. И за Периметром то же самое! Поработай водителем в какой-нибудь Малом Чердакле за пять штук деревянными, так и начнешь жизнь по другому ценить. А некоторые и вовсе без работы сидят.

— Гонишь ты все! — Катана ткнула мне в грудь пальцем, хорошо хоть не стволом. — Кому на жизнь не хватает, те в Тюмень едут трубы красить, или в Москву — брусчатку класть. А в Зону идут жлобы, которым нужен сразу миллион, и желательно — за день...

Она бы мне еще много чего могла наговорить, но тут к нам Студент заглянул:

— Але, не помешал? Вы тут собственно чем занимаетесь? Люди ждут...

Катана отвернулась и отошла. И хрен с ней. Неприятная девка, только погоняло у нее правильное — глазами так и режет...

Теперь она шла в трех шагах за мной — страховала. Вслух это не обсуждалось, но в новой команде меня держали за чайника, даже груза не доверили. Так и шли: впереди Крюгер и Масяня, почти плечом к плечу, метрах в двадцати мы трое — тесной колонной, а замыкали Студент и Россомаха. И маршрут, насколько я понял, у них был накатанный, потому что когда по новой тропе идешь, нет-нет, да и приходится в сторону сворачивать, а то и назад возвращаться. А эти вели меня почти ровным курсом, хотя аномалии встречались достаточно часто.

В третий раз я заметил химеру, когда мы пересекали насыпь железной дороги. Первый раз я засек ее в развалинах дачного поселка, но посчитал это обманом зрения — слишком уж быстро мелькнуло. Но здешний серо-бежевый колорит был мне в данном случае на руку, черное на нем было достаточно заметно. Второй раз черная тень обозначилась заметно ближе, за поваленной опорой ЛЭП... И вот теперь длинное извилистое тело показалось среди пеньков лесопосадки — метров пятьдесят, это ей на три-четыре секунды рывок!

Я скинул с плеча «винторез» и доложил:

— Химера на два часа!

Я еще и договорить не успел, как все уже стояли наизготовку — все же тренированы ребята всерьез, странно, что сами не заметили...

Тварь, поняв, что ее обнаружили, пошла в атаку, но не на нас, а на пару Крюгер-Масяня, хотя они были дальше, чем мы. Я высадил в нее всю обойму (вряд ли попал!), вытащил «стечкина» и развернулся на сто восемьдесят градусов. Сам я с химерой встречался впервые, но помнится, Крот, уверял, что химера в одиночку на группу никогда не пойдет, зато они любят охотиться парами и тройками: пока одна отвлекает, две оставшихся валят крайнего и тут же утаскивают — при их живучести и скорости такой трюк вполне успешен.

Мудрый Крот всегда был прав! Еще одна гибкая черная тень выстрелилась из-за насыпи и Студент тут же рухнул вперед, роняя винтовку. Химера слишком быстро бежит, чтоб сразу тормозить, поэтому чтобы взяться за Россомаху, ей пришлось притормозить — в этот момент я ее и подловил...

Две пули, еще две, длинной очередью — все, ушла, тварь такая! Плечом к плечу со мной стояла Катана и палила экономными короткими очередями в ту же сторону и, по моему, тоже не мимо.

Живые и здоровые Масяня и Крюгер уже спешили к нам, на ходу меняя магазины. Что характерно, обе химеры ушли.

Студент был жив и здоров, он, как оказалось, пользовался наголенниками из армированного пластика, поэтому хвост этой твари его только подсек, а кость была цела. И совсем не повезло Россомахе: чья-то пуля — может и моя — срикошетила от рельса и пришла ему точно в колено. Крови видно не было, но колено опухало на глазах...

— Они могут вернуться? — Задал я наиболее волнующий меня вопрос. Как всегда после боя дрожали руки и сохло во рту. Боевые качества химер произвели совершенно неизгладимые впечатления...

— Вряд ли... — Мрачно отозвался Крюгер. — Они через пару часов регенерируют, но к нам уже вряд ли привяжутся. Вообще-то они на группу редко нападают, но эти видно, молодые, с огнестрельным оружием еще не знакомы.

— Как неудачно их на нас вынесло. — Тоскливо сказала Катана.

— В Припяти сейчас слишком шумно, вот и вышли на плэнер порезвиться. — Сказал Доцент. — Мы уже близко, сюда мутанты часто забредают — и он указал на очистные. До них оставалось дойти метров триста, в бинокль хорошо было видно, что бассейны отстойников буквально завалены костями.

Меж тем, на ровной местности я костей пока вовсе не видел. Доцент, поймав мой озадаченный взгляд, пояснил.

— Это они в низинах хорошо сохраняются, а поверху как пройдет крепкий ветерок со «жгучим пухом» — все подчистую как наждаком выметает.

Вот когда я понял происхождение пыли, что покрывала здесь все ровным слоем....

— Значит так! — Объявил Крюгер. — Ботанику — жирный плюс, а остальные все — дикобразы слепые! Росссомаха — отдай груз Ботанику, пойдешь назад один. Если прямо по путям, часа за три до базы добредешь... Помочь тебе с медициной?

— Идите уже... Перевязывать тут нечего, а уколиться я и сам могу. — Ответил Росссомаха, отворачивая мокрое от пота лицо.

Тут бы самое время напомнить Катане о жлобах, которые за пару «вывертов» мать родную кровососам оставят, но я был выше дешевых подколов!

* * *

— Неужели придется до ночи тут сидеть? — С досадой протянул Студент, опуская бинокль.

— Думаешь, ночью легче будет?

— Все лишние уйдут, одни мутанты останутся, но с ними-то мы разберемся...

Спешили мы спешили, жизнью рисковали, и вот уже шестой час сидели в развалинах насосной станции при очистных и любовались, как кружатся над городом армейские вертушки. Нет, к концу активной обработки мы как раз успели, к окраине города вышли именно в тот момент, когда очередное звено, отстрелявшись, легло на обратный курс. Вот только сразу после этого подошли транспортники и прямо на крыши начали сгружать разномастный и вооруженный народ. В бинокль я даже узнал нескольких знакомых рыл — наши, с Кордона и прочие... Вот где и как им выпало зарабатывать амнистию!

Ветер в тот момент как раз дул в нашу сторону и поднявшуюся стрельбу было слышно прекрасно. За прошедшие часы накал борьбы несколько снизился: ураганная стрельба сменилась упорядоченной перестрелкой, которая время от времени перерастала в суматошную пальбу — это когда какая-нибудь группа сталкивалась с зомби или мутантам вплотную. Соваться в город при такой обстановке было бы чистым самоубийством, поэтому Крюгер скомандовал отход обратно к очистным.

Сейчас мы двое лежали на бетонной крыше сторожки, что стояла у ворот, а остальные припухали в развалинах. Это было уже второе мое дежурство, только в первый раз я дежурил с Доцентом. Но сейчас Доцент и Крюгер разложили какие-то планшеты, ноутбуки и пытались разобраться в обстановке, а мы двое по очереди любовались видом на гаражные кооперативы, промзону и прочие пригороды. Станция располагалась в низине, поэтому саму Припять было видно плохо, только самые высокие здания. Как раз на них и кучковались

сталкеры, которых, судя по всему, совершенно не тянуло в центр, за все истекшее время они не продвинулись и на метр.

За все это время на нас несколько раз выбредали одиночные зомби, но Крюгер их трогать запретил, и сняли мы только одного, того, что появился к нам прямо в ворота.

— .... - сказал Студент.

— Что-что? — Переспросил я его.

— Говорю, нет у этой операции стратегической перспективы!

— Ты что, академию военную закончил?

— Да нет. — засмеялся Студент. — Только с стратегии играл.

— Так и объясняй попроще...

— Некуда нам наступать, если хочешь попроще. В прошлый раз народ рвался к ЧАЭС. И прорвался, хотя работал против «Монолита». Но те, кто прорвался, сейчас по городу бродит с выжженными мозгами, так что желающих штурмовать Монолит больше нет. А если так, хрена ли делать? Закрепились, кто где и мочат помаленьку все, что видят. А к ночи, конечно, уйдут...

— Это еще почему? — Все, что он тут наговорил, я и сам давно сообразил, но Студента следовало разговорить. Может скажет что-нибудь случайно по делу? Я, между прочим, так и не знал, куда мы собственно идем, а главное — зачем? Так, догадывался в общих чертах.

— Потому что ночью могут выйти контролеры. — Сказал он так просто, будто дождик к утру обещал. — Вряд ли командование завтра захочет разбираться с новой генерацией зомби, они и этих-то держат с трудом. А самое обидное, что весь этот бардак организован исключительно для пиара...

— В смысле?

— Про попытку сканировать Монолит ты уже слышал?

— Так краем уха..

— Так вот — ни хрена они под Саркофагом не увидели. Но представители ООН хотели лично посмотреть на результаты, целую группу экспертов посадили на смотровые вышки, там на севере... Полюбовались короче — Монолит им такую сдачу выдал, один псевдогигант прорвал все три линии и только ста метров не дошел до главного НП. Теперь наши попу рвут себе и всем на свете, чтоб показать, как они умеют ситуацию контролировать. Политика! — Последнее слово он не сказал, а именно выплюнул, как случайно попавшего в рот таракана.

Мне тоже захотелось блеснуть кругозором и интеллектом, я уже открыл рот, чтоб поделиться с ним соображениями Олега Васильевича и Дикобраза, только в этот момент на наш наблюдательный пункт вылез Крюгер. На окружающий ландшафт он даже не глянул, а вместо этого начал рассматривать воздух.

— Не нравится мне этот вертолет! — Озабоченно сказал он, указывая на одну из точек в небе.

— Вертолет как вертолет. — Пожал плечами Студент.

— Угу... Только что-то никого не бомбит и летает сильно поверху — может высматривает чего-то?

— Корректирует, это понятно. — Попытался его успокоить Студент.

— Круги слишком широкие делает. Сейчас и до нас доберется..

Вертолет, словно подслушав эти слова, заложил еще один вираж и по широкой дуге пошел на облет окраин.

— Идите перекусите пока, нечего тут толпой отсвечивать, я один пока покараулю. — Приказал Крюгер, закуривая.

Мы, конечно, так и сделали. При этом, у меня приключилась небольшая неприятность, которая, однако, имела большие последствия: я зацепился сумкой за остатки железной ограды на парапете и вместо того, чтобы красиво спрыгнуть вниз, позорно завис в метре от земли, болтая ногами. Лямка так неловко прихватила меня подмышками, что ни вниз спрыгнуть, ни с вешалки сняться.

— Да выкинь ты его нахрен! Нафига тебе подсумок, когда целый рюкзак дали? — Предложил Студент и, не дожидаясь ответа, перерезал лямку ножом. Ну вот, а я за эту штуку две с половиной рублями отдал...

Насчет перекусить Крюгер здорово придумал — после выхода из «горячего пятна» с аппетитом было как-то не очень, а сейчас — в самый раз принять три порциипельменей. О пельменях я, конечно, зря размышлялся — Масяня выдала мне всего лишь бутерброд с тушенкой, зато большой, зато с реальным хлебом, а вдобавок еще чаю из термоса плеснула — умеют же люди жить с комфортом!

Попутно я перекинул патроны и прочее из сумки в рюкзак, но это больше, чтобы руки занять, а главный интерес у меня был к Доценту, который развернул тут целый наблюдательный пункт. Главным грузом в его рюкзаке оказался детектор движения, но не та фигня, что мы носим на руке и подключаем к КПК, а настоящий, типа тех, что армия использует для охраны Периметра — только еще лучше. Именно его глазами мы следили за происходящим в городе.

И только я запаковал рюкзак, только вытер жирные пальцы салфеткой, как все и началось.

— Внимание, у нас гости! — Сказал вдруг Доцент. — Пять человек на девять часов, триста метров и еще трое прямо в гаражах, на двенадцать — до этих максимум двести.

— Может все-таки зомби? — предположила Катана, но за винтовку взялась.

— Не может... Слишком скрытно и организовано перемещаются — это уже, братцы, классическая засада. Сходите кто-нибудь, шепните Крюгеру, только скрытно.

Об этом мог бы и не предупреждать. Он еще и рот закрыть не успел, а Масяня уже выскользнула из завала, в котором мы прятались, и почти без паузы возникла у сторожки — ну чистая змея!

Вернулись через минуту уже вдвоем.

— Уходим, быстро! — Приказал Крюгер. — Я там все же засек одного!

Вдоль трубы, обратно к отстойникам — наш командир выбрал этот, единственно возможный, путь: с двух сторон нас уже ждали, а слева было очень неприятное место — открытое и много аномалий.

Эти двести метров я преодолел легко, несмотря на то, что с грузом и на брюхе — организм за часы вынужденного безделья явно заскучал и просто жаждал адреналина.

Новая позиция была так себе — с трех сторон все открыто, Припять мы теперь вовсе не видели, зато ложбинка между большей группой противника и нашей бывшей стоянкой была как на ладони. Я оборудовал себе лежку на самом краю отстойника, там был небольшой бугорок, поверх которого валялся источенный до полной стерильности труп снарка и начал выбирать ориентиры для стрельбы. Если Доцент не ошибался, то засесть они могли только за ржавым автобусом, что валялся на боку у дорожной развилки, туда я и целился.

Прошло пять минут, затем еще десять, я уже начал ждать, что сейчас Крюгер прикажет

отступать в пустыри, чтоб обойти засаду, но тут-то все и началось, только не совсем так, как мы рассчитывали.

Помню, я как раз посмотрел в сторону станции, опасаясь увидеть там кого-то из охотников — те трое вполне могли к ней выйти, мы же их не видели. Яркую летящую каплю я уловил лишь краем глаза, зато прекрасно рассмотрел как развалины окрасились черно-багровым, как взлетели вверх обломки кирпича и бетона, а потом нас накрыло взрывной волной — в этот раз вояки не пожалели вакуумного заряда...

Уши оказались заложены, перед глазами плясали черные пятна, поэтому стрелять я начал последним. Но и мне работы хватило — последний враг как раз успел отступить почти до самого автобуса и наши его уже не доставали — триста метров для «ГРСов» дистанция предельная, а вот для «Винтореза» в самый раз. Я поймал его в прицел, когда ему до укрытия оставалось всего метров пять, и красиво срезал очередью всего в два патрона. С остальными уже разобрались без меня.

Все убитые оказались наемниками — их не спутаешь, даже когда они, как в этот раз, рядятся в обычных бродяг. Кроме того, я нашел здесь знакомое лицо — по иронии судьбы я завалил Рыжего, единственного из наемников, кто не ленился каждый день водить меня на промысел и каждое приказание сопровождал энергичным пинком. Когда-то я поклялся его убить, потом отвлекся и забыл, появились новые проблемы — и вот, пожалуйста, лежит Рыжий, дырка в шее, вторая в — во лбу. Но кроме морального удовлетворения поживиться не удалось ничем: патроны у них были для меня неподходящими, на 5,56, в их барахле мы не нуждались, а компьютера, где были бы указаны маршрут и хоть какие-то подробности их задания, Доцент не нашел, как ни старался.

— Давайте бегом в гаражи. — Приказал Крюгер. — Там остановимся.

— Там же засада? — Напомнил Доцент.

— Думаешь, они нас дожидаться будут? — Ответил старший. — Наверняка отступят и попытаются сесть на хвост в городе...

Перекур мы устроили на том самом месте, где отыскиали две пустых банки из-под «энергетика» — значит, в этом тупике между двумя гаражами и стенкой нас и ждали те трое. Вполне приличная засада — сунься мы в город самой удобной дорогой, нипочем не смогли бы миновать этот проход...

— Вопрос первый: кто начал стрелять первым? — Так начал обсуждение Кригер.

— Я. — Виновато призналась Катана. — Мне показалось, команда уже была....

— Еще раз повториться — отправлю вслед за Россмахой! Надо было ближе подпускать, ведь только чудом никого не упустили... Ну ладно, это уже не принципиально. Меня сейчас волнует, как они нас нашли?

— Ты думаешь?... — Начал Доцент.

— Уверен. Ракета прилетела точно в развалины, засада ждала прямо на маршруте и эти — он кивнул в сторону ямы, куда мы свалили трупы — вылезли так нагло только потому, что шли добивать и обыскивать трупы. Мысли по этому поводу есть?

— Этого не может быть! — твердо сказал Доцент. — Костюмы экранируют полностью, сигналов маяка я тоже не засек, хотя проверил все диапазоны.

— Другого объяснения, однако нет — нас засекли с вертолета сразу, как только мы вышли из «пятна», так что — все под крышу и начинаем проверяться.

Угадайте-ка с трех раз, кто вышел крайним?

Этот липкий клочок, похожий на обрезок лейкопластыря — только наружная

поверхность у него была словно угольной крошкой присыпана — Доцент снял с плеча моего бронежилета, сзади, там, где ближе к шее.

— Пассивный «маяк»! — Объяснил он так гордо, словно сам смастерил эту гадость. — Ничего не излучает, но отражает импульс с низколетящих объектов. Только он был под костюмом, как же они засекли?

— Значит, второй стоял на подсумке, что мы оставили в развалинах, — объяснил Крюгер. — Вот и разъяснилось твое приключение в Баре — и он мне подмигнул...

Я вспомнил гостеприимного парнишку с дрожащими руками и горько пожалел, что ударил его всего один раз. А потом представил, что бы сейчас было, не зависни я тогда на этой самой сумке, и вытер мокрые ладони о штаны.

— Значит, за вами следили от самого Бара... — Подвела итог дискуссии Катана и так полоснула глазами, что мне аж дышать трудно стало. Про свой косяк эта стерва уже позабыла.

— Это я больше всех виноват, признался Крюгер. — Попытался ночью взломать Большую карту, видимо, меня засекли и сделали выводы. Хотел скачать данные твоего Олега Васильевича. — Объяснил он мне, хотя чего тут было объяснять?

Большая Карта, виртуальная модель Зоны, самая главная ценность в Исследовательском Центре. Туда ученые заносят все собранные данные, причем каждая группа работает со своей частью информации, но общую картину видят все. Если, например, физики обновляют карту аномалий, у биологов автоматически меняется карта возможных миграций мутантов. К этой штуке они даже военных подпускали со страшным скрипом, ничего удивительно, что попытку нелегального проникновения отследили в момент.

— Что с «маяком» делать будем. — Вернул нас к насущным проблемам Доцент. — Здесь оставим?

— Да нет, зачем же. Пусть стоит на своем месте, сам же говоришь, что под комбезом не видно. А там придумаем, как его использовать... — Разъяснив эту загадку Крюгер не то, что бы успокоился — он и раньше не особенно нервничал — а как бы повеселел. Как и большинство адреналиновых наркоманов неизвестности он боялся много больше, чем видимой реальной опасности.

И мы пошли в город.

* * *

Ночь в Припяти не спускается сверху, как в цивилизованных местах, а, наоборот, выползает снизу из ям и подвалов, вот и сейчас: на уровне крыш еще оставалась приличная видимость, а во дворах уже скопилась вполне полноценная мгла, так что спина впереди идущего не столько виднелась, сколько угадывалась.

Вот в это самое романтическое время суток мы и вошли в город, наполненный ходячими мертвецами, мутантами и сталкерами, которые не разбираясь палили на каждый шорох. Да, в этом наш специалист по компьютерным стратегиям все же ошибся: никто и не подумал эвакуировать на ночь сталкеров-ополченцев. Правда, они уже к вечеру больше изображали активность, чем реально работали, а с наступлением темноты и вовсе притихли, однако риск словить от них пулю оставался достаточно высоким.

Что касается мутантов, то тут все было не так уж и страшно: те, что поумней, типа

кровососов и собак, разбежались еще днем, не говоря уж о химерах, контролеров мы пока не слышали, оставались только совершенно безбашенные снарки. Одного я снял на детской площадке, еще двоих мы с Крюгером подстрелили возле магазина «Книги», последний прыгнул нам на голову с автобуса, но его очень тихо и грамотно завалили из пистолетов Доцент и Масяня.

Главной проблемой оставались, таким образом, зомби. Идти по открытым проспектам мы, конечно, не рискнули, двигались дворами, где они попадались хоть и не на каждом шагу, но чаще, чем хотелось бы. Двое на школьном дворе, еще один — у детского сада, потом во дворе пятиэтажки, затем двое за автобусной остановкой...

Передвижение наше выглядело так: пройдя один двор мы застывали за углом и долго изучали следующий участок, где можно было бы скрытно пройти. При этом фонарями пользоваться было нельзя, от ПНВ в таких условиях тоже толку немного, оставалось полагаться на слух, благо, чего зомби совсем не могут — так это стоять неподвижно и тихо на месте. Звук шагов, монотонное бормотанье и прочие шумовые эффекты выдавали их с головой.

При этом основная часть работы приходилась на нас с Крюгером, потому что только у нас было достаточно мощное и бесшумное оружие. Мои магазины пустели с пугающей быстротой, только на того гада, что засел на пожарной лестнице в детском саду, я извел полных две обоймы. Взятые у Сидора пять пачек больше не казались мне большим боезапасом. Да я и хотел взять еще, только все разобрали долговцы, главные потребители восьмимиллиметрового калибра.

И добавьте еще аномалии, которые встречались в каждом дворе.

В таком режиме мы за два часа прошли меньше километра, зато шума настоящего пока не подняли, а это — главное.

Но все хорошее когда-нибудь кончается — главные неприятности нас ждали в проеме между двумя девятиэтажными «свечками», где на первый взгляд ничего угрожающего не было. Следующий по ходу движения двор оказался перекрыт гаражами и стенкой, поэтому Крюгер вывел нас в этот проход, рассчитывая, видимо, пройти улицей. Как раз между этими высотками расположилась мощная «электра», пришлось сильно прижаться к стенке того дома, что стоял левее. Первые трое — Крюгер с девчонками — прошли, а вот нам со Студентом (я шел замыкающим) повезло меньше.

Как только он вошел в самую узкую часть, кусты у подъезда затрещали и прямо на нас вышел свеженький зомби в долговском комбинезоне. Он поднял свою «Грозу» и жить Студенту оставалось считанные пару секунд, но автомат вместо очереди в живот выдал звонкий щелчок — патроны кончились. Студент, рискуя влететь в аномалию, принял правее и прошмыгнул вперед, практически зацепив этого зомби плечом.

Мне следовало повторить его маневр, но я вместо этого решил таки зачистить тыл и открыл огонь. Две пули в грудь отбросили его назад, остальные начисто снеси голову, но даже оставшись с одной нижней челюстью, этот гад (все же крепкие в «Долге» ребята) успел разрядить подствольник. Граната ушла вверх, срикошетила от балконов и взорвалась где-то у меня за спиной. Взрывом меня бросило вперед, я сделал кувырок через падающий труп, а вскочив на ноги, обнаружил, что своих уже не вижу и ориентацию потерял.

Я не то, чтобы растерялся, — просто замер на несколько секунд, пытаюсь сориентироваться на слух, но тут перед подъездом объявилась еще одна фигура с автоматом. Я успел нажать на спуск первым, но на этот раз пустой щелчок выдал уже мой «винторез». Я

шагнул к подъезду, чтобы укрыться в нем и сменить магазин. Зомби выстрелил. Пули прошли в метре от меня, затем свинцовый шквал сместился в мою сторону, пришлось рухнуть на асфальт, однако и это меня не спасло бы, но тут из подъезда грохнула длинная очередь и мой противник отлетел прямо в аномалию.

Однако, радоваться было рано: взрыв и выстрелы привлекли ненужное внимание и с крыши противоположного здания тоже начали стрелять. Дверь в подъезд находилась от меня в паре метров и я прямо на четвереньках метнулся туда. Слишком поздно я сообразил, что мой спаситель стрелял из «калаша», которого ни у кого из наших не было.

Я успел подняться на ноги, увидел надвигающийся на меня приклад и сразу же после этого с грохотом рухнул в черный провал беспамятства.

* * *

Меня привел в чувство острый запах застарелой гари и плесени. Еще прежде, чем открылись глаза, я понял, что нахожусь в заброшенной квартире — для этих помещений характерна особая атмосфера, которую не спутаешь ни с влажной затхлостью подвала, ни с прокуренной духотой Бара.

Болела голова. Ощупав ее, я не нашел ни серьезных повреждений, ни шлема, который меня спас от них. К сожалению, от сотрясения мозга он не предохранил: подступала тошнота, а в глазах все плыло и кружилось. Я попытался встать и не смог, положил руку на бедро, но нащупал лишь ремень на штанах. На мне не было уже ни костюма, ни брони — это я понял, ощутив лопатками неровности паркета и мусор на нем, — а судя по мерзнущим ногам, с меня еще и обувь сняли.

Первое, что я разглядел, когда зрение пришло в норму, — это две здоровых грязноватых ладони, занятые совершенно глупым делом: сидящий надо мной выщелкивал из обоймы «стечкина» патроны, катал их между пальцами и тут же с ловкостью фокусника вставлял обратно.

Я знал только одного человека, привыкшего медитировать подобным образом... Жалко, что тот зомби промазал — уже лежал бы себе на асфальте, без лишней суеты, ведь даже испугаться всерьез времени не было...

— Ну, здорово что ли, Ботаник! — Сказал Калым. — Я вижу, ты нехило приподнялся за эти дни? Костюмчик ценный, «винторез»... Много что ли взял в подземелье-то?

— Почти на полторы сотни. — Честно ответил я. И тут же спросил. — А где Глыба?

— Жидковат оказался твой Глыба, решил соскочить. — Охотно ответил Калым.

— С каких это пор он стал моим? — Мне надо было любой ценой протянуть время для того, чтобы хоть немного прийти в себя.

— С тех пор, как перешел в команду слабаков. В Долине он ничего себе шустрил, а как предложили в Припяти повоевать, так очко у него выиграло. Решил, что лучше три года на параше отсидеть, чем пару дней в центре Зоны отработать. Но я всегда знал, что у вас всех сфинктеры слабые. Одни только Лапоть настоящим мужиком оказался, прикинь? Эй, Лапоть! — крикнул он куда-то через плечо. — Ну-ка выйди, поздоровайся со старым товарищем!

Где-то в стороне, судя по звуку — на балконе, — звякнули гильзы, раздались шаги, затем в метре от меня возникло лицо Лаптя. Впрочем, насчет лица-то я напрасно поспешил

— как раз лица на нем и не было. Если сравнить с последней нашей встречей, то в тот раз, у сараев, он выглядел просто орлом...

— Здорово, Ботаник... — Пробормотал он и тут же убрался из поля зрения.

За это время я успел хоть немного сориентироваться в пространстве и загрустил еще больше. Я — почти голый и без оружия — лежал на полу лицом вверх, а дышать мне было трудно потому, что оказался втиснут между ножками стула, на котором сидел Калым. Его ботинки стояли практически у меня на ушах, и, хотя руки были свободны, сделать ими я мог мало что — разве только попытаться двинуть ему в пах, но для этого требовалось хотя бы размахнуться...

— Слышь, Калымыч... — Сказал кто-то третий, мне невидимый, — У него тут е шмотнике жратва есть и курево. Живем, типа того!

— А я что говорил?! — Ответил Калым, продолжая меня рассматривать как бабочку на булавке. — Зона помогает сильным, мы вот не струсили — и пожалуйста, все необходимое само пришло. Небось не жалеешь уже, что со мной пошел?

— Какой базар! — Торопливо ответил третий. В его голосе отчетливо слышались подхалимские интонации. — Слышь, а насчет бабок он чего там буровит? Нельзя у него эти бабки... того?

— Куда ж я тебе их переведу, дикобраз ты недоделанный? — Отозвался я. — На уши повешу?

— Да, действительно... — С сожалением протянул Калым. — Будь у нас хоть один рабочий КПК... А так, конечно, хрен их куда переведешь... Ну ничего, он нам и так принес немало: «винторез», броня, костюмчик этот... Сотни на полторы все это вытянет, а Ботаник?

Я промолчал. Тогда этот гад прекратил дрочить обойму, достал из кармана нож и щелкнул кнопкой. Кончик лезвия воткнулся мне в нос. Потом он небрежно чиркнул самым острием по лбу ближе к волосам. Больно пока не было, скорее щекотно...

— Так может, хотя бы поспрашиваем его как следует? — Вновь предложил третий. — Вон он какой снаряженный, небось много знает, а информация стоит дороже денег?

— Не лез бы ты, Чувак, в большую политику... На хрена нам его секреты? За них бывает и головы отрывают на раз. Меня сейчас волнует один вопрос — как нам из этой задницы свалить?

— Некуда вам сваливать, — злорадно ответил я. — Вокруг сплошные «пятна», а на Радаре сейчас мышь не проскочит...

— Это верно... — Сказал Калым. — Он откинулся на спинку стула и застыл так, раздумывая. Прерывать его мы не решились.

— Слышь, Чувак? Что ты там насчет курева говорил? Прикури-ка мне одну!

Зашуршала пачка, чиркнул кремень зажигалки, простучали шаги по паркету. Разглядеть Чувака я не мог, в темноте светился только огонек протянутой им сигареты, зато все, что делал Калым, я видел четко, как в кино. Он вынул левой рукой нож с пояса — у этого урода всегда было много клинков при себе — и коротко, почти не глядя, ударил назад. Чувак глухо вскрикнул, несколько секунд постоял, раскачиваясь как зомби и рухнул вперед, ткнувшись головой мне в руку. Рукоятка ножа гулко грохнула об пол.

Тогда Калым шагнул назад, роняя стул. Это был самый удобный момент, чтобы вскочить и броситься на него, но стоило мне шевельнуться, как приступ головокружения свалил меня обратно, и все что я смог, это только отползти назад, упереться в стену и сесть

возле нее.

Как я и предполагал, это была стандартная проходная комната. Из мебели в ней остались только этот стул и стол в углу, на котором были разложены мои вещи. Освещал этот натюрморт фонарь в шлеме, который стоял в центре.

Калым, почти не глядя не меня, начал перебирать свою добычу. Прикурил из пачки сигарету, откупорил банку «нон-стопа».

— А это что за приколы, а Ботаник? — Брезгливо спросил он, рассматривая мою фляжку. — Пустая и дырявая... Ты что, в старьевщики записался?

— Это монаховская фляжка... — Неохотно ответил я.

— А-а-а... Это которую ты с Селезня снял? Молодец, друзей не забываешь... — И он небрежно отбросил в угол четверть миллиона.

Мысль о том, что он, сам того не зная, выбросил в мусор самый ценный на сегодняшний день артефакт, меня несильно, но утешила. Еще приятно было думать о маячке, что стоял на моем бронике — мне это обстоятельство помочь не могло, но далеко он в моих шмотках не уйдет, и это почти примирило меня с неизбежностью смерти. Да, я сидел почти здоровый и несвязанный, но обольщаться было нечем — даже если б нож был у меня, а не у него, в драке с этим монстром мне мало что светило. Как никак при росте на голову ниже меня, он был шире почти вдвое, даже в броню ему приходилось вшивать дополнительный клин кевлара.

— А это что за соска? Тоже память о подруге? — Спросил Калым, рассматривая записную книжку, подаренную мне Олегом. Я о ней уже успел забыть, так за сутки ни разу и не заглянул. Не дождавшись ответа, он выбросил в угол и этот прибор.

— Что-то ты неразговорчивый, Ботаник. То все байки травил, молодежь просвещал, а тут прямо слова сказать не хочешь. Ну попробуй. Может, скажешь что-нибудь такое, что я тебя убивать передумаю?

— Зачем ты Боцмана зарезал, урод?

— А надоел он мне. Я ему как человеку предложил вместе поработать, а он меня послал. — Урода он проигнорировал. И вообще был неприлично спокоен и даже вежлив, что на него прежнего вовсе не было похоже. Видимо, Калым был из тех, кто психует и в морду лезет только в нормальном состоянии, а настоящие подлжки делает без внешних эффектов и как бы шутя. Как он Чувака-то? Раз — и нет второго претендента на костюм и «винторез»...

— Ладно уж. — Калым отбросил окурок и пошевелил плечами, разминаясь. — Секреты твои мне нахрен не нужны, личных претензий к тебе у меня нет — мне ж на тебя с самого начала было насрать, иначе хрен бы ты живым ушел... Опять таки — ты мне, можно сказать, обратный билет принес... Будем считать, что бонус заработал. Не стану я тебя на части резать, умри богатым и с красивым — все равно времени нет, чтоб всерьез тобой заняться.

На секунду у меня мелькнула глупая надежда, что он меня возьмет и отпустит: голым, босым, в ночную Припяти, но — живым. Однако, у Калыма на мой счет имелись более интересные планы — он резко двинул кистью и его нож больно врезал мне рукояткой под дых.

— Чего смотришь? Бери! Поиграем напоследок на ножах как с Боцманом.

Я нагнулся и поднял «выкидуху». Клинок сантиметров в одиннадцать. Немного, если учесть, что у Калыма еще один есть, посерьезнее. Кроме того, он был в бронежилете и отличной физической форме. Тогда я перевернул еще теплый труп Чувака и вытащил из его груди второй нож. Взмахнул для пробы, примериваясь в рукоятке и балансу, шагнул в

сторону. Голова уже почти не кружилась. Калым, все также продолжая улыбаться сделал шаг вперед, причем оружия пока не доставал. Не дожидаясь его атаки, я прыгнул вперед и ударил обеими руками, целясь одновременно в лицо и бедро. Он ушел назад и ответил ударом ноги. Я отмахнулся лезвием, но попал всего лишь по голенищу.

— А ты, бродяга, вполне ничего! Зря прибеднялся! — весело сказал Калым, доставая из-за пояса третий клинок.

Да, было такое дело. Предлагал он мне когда-то... совместные тренировки. Любитель, однако... Вон как сладострастно глаза заблестели. По слухам, его уволили из армии, точнее, просто не стали продлевать контракт, именно за чрезмерную любовь к таким забавам.

Еще минутой, а может и меньше, мы топтались почти на месте, обмениваясь выпадами. Он был явно сильнее и не спешил кончать свою игру. Я был уже обречен и почти не боялся. Это несколько уравнивало шансы. У меня оставался только один реальный выход: закружить его по комнате и добраться до лежащего на столе «стечкина», но он меня к нему не подпускал. Тогда я плюнул на защиту и сосредоточился на том, чтобы достать его любой ценой.

Я ударил, он блокировал. Он провел нестандартную комбинацию из рубящих ударов, закончив ее уколом в плечо, но я ушел в дальний угол. Дальше отступать было некуда. Калым провел еще несколько быстрых финтов и полоснул меня по левой руке, отчего я выронил «выкидуху», но тоже успел ударить и, кажется, даже куда-то попал — скорее всего, в бронежилет. Бог знает, сколько это могло бы тянуться, но тут на улице раздался шум, кто-то выстрелил дважды из дробовика и мы, не сговариваясь, замерли.

— Черт знает что! Никаких условий для полноценной тренировки. — С досадой сказал мой противник, и по изменившемуся взгляду я понял, что игры кончились.

Так оно и было: он перехватил свой нож обратным хватом и шагнул вперед. Я приготовился к последнему удару, но тут вновь загрели выстрелы, теперь уже прямо в комнате. Калым трижды вздрогнул, отшатнулся в сторону и посмотрел назад. Тогда я бросился вперед и ударил, но напоролся на встречный удар ногой и рухнул на пол. Калым тоже перекатился в сторону, вскочил с ножом в руке, но тут этот придурок Лапоть догадался наконец выстрелить ему в голову. Раз, второй, третий...

Оставшиеся две пули должны были достаться мне и я невольно сжался в комок, как будто это могло защитить от выстрела в упор, но все оказалось еще круче. Лапоть словно забыл о моем существовании, хотя мог бы одним разом стать единственным владельцем спасительного костюма. Остаток обоймы он разрядил все в того же Калыма, затем сменил обойму и продолжил дырявить труп, а когда затвор встал на задержку, начал пинать тело ногами. При этом он выл очень тонко и на одной ноте, как бывает плачут дети, которых не пускают на горку.

И пока он сводил вои счета, я добрался до оружия. Применять его не пришлось: при очередном пинке он потерял равновесие, упал и остался лежать на полу, подвывая на полтона ниже.

Тогда я отложил свой пистолет и взялся за аптечку.

Покойный Чувак оказался шустрым парнем. Он не только успел сожрать большую часть шоколада, но еще и до аптечки добрался — во всяком случае одного шприца с противострессовым «ВС-12», которым я хотел реанимировать Лаптя на месте уже не оказалось — а это был единственный препарат, дающий эйфорический эффект. Вторую дозу я пожалел, пришлось нам обоим вколоть обычный стимулятор, хотя моему спасителю

больше подошло бы успокаивающее. Но дрожать и выть после инъекции он все же перестал.

После этого я занялся собственными порезами — их оказалось все же не два, а три, хотя в какой момент Калым успел пометить мне щеку, я так и не уловил. Но «пенки» и пластыря для этих ран вполне хватило, так что можно за травму не считать. А еще через пять минут я стоял вполне снаряженный и готовый к очередным приключениям.

Фляжку я сунул на прежнее место, а перед тем как спрятать электронику все таки не удержался и включил — вот тут меня точно как прикладом еще раз приложили, я даже испугался, не глюк ли это: с плоского экрана девять на пятнадцать на меня смотрела Ксюха. Снимков в книжке оказалось не меньше тридцати и на каждом я видел свою первую любовь: Ксюха за ноутбуком, Ксюха за столиком в кафе, на скейтборде, на скутере, идущая по улице, стоящая возле машины....

Рядом лежал сломавшийся новичок, за окном бродили зомби, где-то рядом меня ждали новые друзья — а я стоял и как заведенный щелкал кнопками. Немного успокоившись и просмотрев их еще раз я отметил приятную для меня закономерность: она везде была одета, хотя можно ли было считать одетое на нее полноценной одеждой, это вопрос спорный... На всех снимках Ксюха была одна. У нее была новая прическа, тату на шее, спине и плечах, она выглядела здорово повзрослевшей и вполне столичной штучкой.

Как совместить Олега, профессиональные снимки моей бывшей подруги, его странные выходки последние слова я запретил себе думать. Вернусь живой — спрошу.

А пока требовалось решить более насущные проблемы. Например, с тем же Лаптем, который уже встал с пола и пересел в угол, где он и качался, держась за голову, но слава богу, молча.

— Слышь, Лапоть... Спасибо тебе... — Я потряс его за плечо. Оно больше не казалось сведенным судорогой.

— Тебе тоже, Ботаник... Ты это, извини...

— За что?

— Это я тогда Глыбе донес. Выходит — Боцман на мне...

— Зона простит. Ты лучше давай собирайся, не сидеть же тебе здесь до утра.

— Нет, я уж лучше здесь.... — Он ощутимо напрягся и я понял, насколько он сейчас боится Зоны. — С тобой мне точно не по пути. Утром вылезу на крышу, вояки подберут.

— Надеешься?

— Надеюсь. В крайнем случае, на той крыше нормальные парни остались, может, к ним переберусь...

— Ну, как знаешь. — Я уже дошел до двери, когда он меня окликнул.

— Слышь, Ботаник. Я жрать хочу... Нас только один раз кормили, перед тем как в вертолет погрузить...

Я вернулся и отдал ему оба сухпайка, а взамен прихватил у них воды из канистры. Уговаривать его пойти со мной охоты не было — от такого напарника больше вреда, причем для нас обоих.

* * *

Полночь уже миновала, было тихо, и ветерок унес пороховую гарь. В атмосфере ночной Припяти причудливо мешались ночная прохлада, струя озона от «электры» и запах

разогревшейся за день зелени. Если не смотреть на труп зомби, так и валявшийся прямо перед подъездом, можно было бы вообразить, что стоишь где-нибудь на площади Ленина, перед самой филармонией и под мышкой держишь не винтовку, а скейт.

Я, впрочем, был сейчас занят не ностальгией, а починкой радиосвязи. Приклад калымовского «калаша» армированный пластик не сокрушил, но электроника отрубилась начисто. Уже двадцать минут я пытался почти вслепую вставить на место выбитый из гнезда динамик, и как ни странно, но в конце-концов мне это удалось.

Раздался тихий шорох, а затем возник искаженный, но вполне узнаваемый голос Катаны:

— Ботаник, отзовись, Ботаник, ты где?

— Ботаник вызывает Катану, прием....

Ее голос тут же взвинтился до уровня визга:

— Ботаник, ты....

Но узнать, что же она обо мне думает мне пришлось несколько позже — в разговор немедленно вклинился Крюгер:

— Вызываю Ботаника. Ты где?

— В подъезде того дома, возле которого мы расстались.

— Ты цел?

— Практически.

— Угу. Тогда на улицу ни ногой. Жди, за тобой сейчас подойдут! — И он прервал связь.

Еще минут двадцать я провел в надоевшем подъезде, прислушиваясь и вглядываясь во тьму. За это время я почти пришел в себя, для чего пришлось добить последнюю банку «энергетика». Встреча с Калымом окончательно ушла в область воспоминаний и я, кажется, опять стал способен адекватно реагировать и поступать. Наибольшее удивление вызывал тот факт, что весь последний эпизод, включая финальные сборы и медпомощь, занял от силы минут сорок.

А там и скорая помощь подоспела — из темноты вдруг вынырнула громоздкая фигура в «экзоскелете» и я тут же взял ее на прицел.

— Ботаник, это ты в меня из «винтореза» целишься? — Спросил совершенно незнакомый голос.

— Я.

— А я от Крюгера. Опускай ствол и топай сюда...

Гуляя прямо по проспекту между двумя шагающими танками, я испытывал ни с чем не сравнимое чувство относительной безопасности. У первого из моих провожатых был при себе гранатомет и «СВД», второй легко, как лыжные палки, нес ручной пулемет и автомат с подствольником. Причем, весь этот арсенал они использовали всего один раз: на перекрестке наш гранатометчик вдруг врезал осколочным в ничем не примечательную на первый взгляд автобусную остановку, стоящую метрах в полста впереди.

— Профилактика. — Объяснил он. — Тут контролер сука бродит. Близко подойти боится, а издалека мозги прессует. Чувствуешь?

Я никакого внешнего давления пока не ощущал, но на всякий случай кивнул. Боеприпасов у «Свободы» девать некуда, так что пусть себе ведут свою профилактику. Целее будем.

Эта тактика оказалась весьма эффективной и за весь оставшийся путь нас никто не побеспокоил — ни люди, ни мутанты, ни даже зомби. Три квартала мы проскочили за

пятнадцать минут и только у площади они начали вести себя осторожнее: свернули с центрального проезда ближе к домам и скрылись за кустами. Я уже начал немного ориентироваться, узнал даже некоторые здания, виденные еще в прошлой жизни — вот мы перелезли завал возле центрального детсада и я опознал громаду гостиницы. Кинотеатр, любимое место сбора монолитовцев должен был располагаться по ту сторону площади.

— Слышь, Ботаник. — Тихо сказал мне первый. — Нам останавливаться нельзя. Так что сейчас пройдем магазин и ты в одиночку двигай курсом на сквер. Знаешь где это? — Я кивнул. — Там тебя ждут. А пока давай эту штуку.

— Какую?

— Да «маяк» этот твой.

Я отдал ему это чудо враждебной техники и свободовец прикрепил его прямо на нагрудную пластину. В этот момент мы дошли до угла и он дружески подтолкнул меня в плечо. Получилось крепко, как дверью в подъезде. С таким ускорением я буквально пролетел метров пять и замер, оглядываясь. Расставшись с охраной, я вновь почувствовал себя открытым каждому снайперу. Эти парни — а я даже имя у них не спросил — как раз развернулись налево, чтобы продолжить маршрут.

— Эй, постойте! — окликнул я их.

— Чего тебе?

— Если еще вернетесь к тому дому, загляните в седьмую квартиру. Там сталкер, Лапоть его погоняло. Он парень неплохой, может вам еще пригодится.

— Не обещаем, но попробуем.

— Эй, Ботаник. — Вновь возник в шлеме голос Крюгера. — Ты долго будешь там статую изображать? Видишь впереди фонарь мигает? — Я присмотрелся и действительно заметил три коротких вспышки — давай на него. И не бойся, аномалий здесь нет....

* * *

— Рюкзак не потерял? — Таким вопросом встретил меня наш командир.

— Конечно, нет. Вот он, пожалуйста...

Крюгер передал мой груз Доценту и только после этого посмотрел на меня повнимательней. Три свежих пореза на лице его полностью устроили и никаких вопросов о моих похождениях не последовало. Не до того было.

Группа, пока меня не было, успела понести серьезные потери. Нет, все, слава богу, были живы, но Масяня выглядела бледной, а на левой руке под костюмом угадывалась плотная повязка. И Студент почему-то сменил свою роскошную импортную винтовку на обшарпанный дробовик.

Расположился народ в сквере, в яме, образовавшейся после серьезной осадки почвы. Позиция была вполне приличной: по краям кто-то когда-то соорудил капитальный бруствер из скамеек и поваленных деревьев, — вот только что мы здесь забыли, было пока не очень ясно.

Ответ на этот вопрос я получил минут через пять, после того, как Доцент разобрал мой рюкзак. Главным грузом в нем оказался набор инструментов: болгарка, электрический лобзик, дрель и прочее. Поскольку розеток в округе не наблюдалось, следовало понимать, что в качестве блока питания здесь использовали «огненные шары».

— В вестибюле засели вояки — шепотом объяснил мне Крюгер. — Еле от них ушли. Придется воспользоваться запасным вариантом.

— Куда идем? — Спросил я так же тихо.

— В бомбоубежище. А дальше — в Лабораторию. — И он испытующе глянул мне в лицо.

Какой наивный человек. Как будто я еще не догадался о конечной цели нашего путешествия. Куда еще они могли меня тащить через половину Зоны, где еще я мог им пригодиться? Меня больше занимал вопрос: а что мы будем делать в Лаборатории? Но я опять его не задал....

Доцент тем временем вылез из ямы, пробрался к кирпичной будке, стоящей в углу сквера и начал возиться с ее дверью.

— Там — вентиляционная шахта. — Сказал Крюгер. — Труба узкая, но думаю, пролезем...

После разговора со мной он начал разбираться с Масяней.

— Значит так. Сейчас вы трое выдвигаетесь обратно к гостинице и по пожарной лестнице поднимаетесь на крышу пристройки. Там, вроде бы, чисто. В вестибюле спецназ. На крыше Насос и Земеля. Если что — они вас прикроют, только близко к армейцам не лезьте, а так у нас с ними мир. Ваша задача: отвлечь хвост, если он есть, прикрыть со стороны, если на нас нападут, а к утру выйти к «Прометею», если наши туда вернуться. Постарайтесь уцелеть любой ценой, это моя личная просьба ко всем.

— Может лучше подождать, пока вы уйдете? — Мрачно предложила Катана. Этой глупой девке явно хотелось продолжить свой подвиг.

— Три ствола больше, три ствола меньше... Говорю же, с той стороны вы нам лучше поможете. Ну что расселись? Вперед!

Возразить ему никто не посмел. Катана скользнула вперед, Студент прихватил под руку Масяню. Серые комбинезоны слились с буйно растущий зеленью, прошуршали раздвигаемые ветки, а дальше я уже не смог их разглядеть как ни старался, хотя маршрут движения был известен. Но, по крайней мере, в их стороне все было тихо, не о что у Доцента — там загудела болгарка, зажужжала дрель, огненным дождем посыпались искры. Визг насилюемого железа, казалось, заполнил всю площадь.

— Черт! — С досадой пробормотал Крюгер. — Вот об этом-то я и не подумал! Вояки в трех шагах, а мы тут слесарную мастерскую открыли...

Доцент возился не сказать, чтобы долго, но эти пять-десять минут стоили нам, в смысле расхода нервных клеток, хорошей перестрелки. Уж очень нетипичными были эти звуки для Зоны, вот для какого-нибудь киевского автосервиса они были бы уместны.... Мы до рези в глазах и до звона в ушах всматривались и вслушивались в окружающее пространство, ожидая появления разведки противника.

Для нашей деликатной миссии любой случайный человек был бы помехой, тем более, что ночью в Припяти союзников нет. Да, завтра наши и военные будут прикрывать друг-другу фланги и тылы, делиться водой и патронами, но в два часа ночи даже свои выстрелят не раздумывая на любой непривычный или неожиданный стук — что уж там говорить об ударах молотка и лязге лома.

Однако обошлось. Тишина наступила даже как-то неожиданно.

— Эй, Крюгер! Давайте сюда — все готово. — Окликнул нас Доцент.

Оценив размеры разрушений я проникся к нему еще большим уважением. Нашумел он

изрядно, зато и сделал немало: срезал петли на двери, выворотил металлический колпак над шахтой, вырезал решетку и даже торчащие прутья отогнул в стороны, чтоб костюмы не порвали.

— Придется теперь вход взорвать за собой. — Решительно приказал наш ведущий. — Мало ли какая сволочь следом увяжется....

— Не вопрос. — Отозвался Доцент. — Взрывчатки навалом. Только тогда ты бери инструменты и двигай вперед, я остаюсь минировать.

И мы полезли. Доцент посоветовал снять броню и тащить этот груз за собой на стропе и мудрость этого совета я оценил сразу же, как только втиснулся в трубу. Если уж мне с моим пятьдесят вторым размером было трудновато вздохнуть, то как умудряется протиснуться Крюгер, я так и не понял. Мало того, труба дважды изгибалась почти под прямым углом, так, что в одном месте я чуть было окончательно не застрял. Три метра вниз, четыре влево, еще вниз метров пять.... потом мне пришлось довольно долго висеть, зажато в бетонных тисках, и ждать пока Крюгер разберется с механизмом на выходе. Тоже хватило и лязга и визга....

Потом я спрыгнул, приземлившись копчиком прямо на кожух насоса. Крюгер ухватил меня за шкуру и вытащил на волю — да, после того, что я уже преодолел, лаз полтора на полтора воспринимался уже как свободное пространство.

— Все — Сказал старший. — Еще одна решетка впереди и можно прыгать вниз.

Некоторые время мы просто лежали, прислушиваясь и принимаясь к окружающему мраку, потом я догадался включить ПНВ. Из-за Крюгеровского плеча хорошо был виден просторный зал, уставленный вдоль стен двухъярусными койками. В затхлой атмосфере подземелья еще витал запах разогретых концентратов, от которого меня чуть не вывернуло наизнанку — включилась хорошо блокированная память...

Я даже не запомнил момента, когда мы спустились — так плотно меня окружили призраки прошлого...

— Узнаешь знакомы е места? — Спросил Крюгер, включая фонарь.

Я не ответил. Думаю, ему и по лицу моему все было ясно.

На пару секунд я словно провалился на семь лет назад. Воздух как бы сгустился, наполнился шумом дыхания десятков людей, горькой смесью пота и страха, сдавленным шепотом (тут никто не смел разговаривать громко), и гулом вентиляции.

Хорошо помню, что детей (в смысле — совсем маленьких) не было, тем не менее, кто-то постоянно плакал, то в одном углу, то в другом. И совершенно не помню, что же делал эти долгие одиннадцать часов лично я? Не мог же я все это время пролежать, отвернувшись лицом к стенке? Однако из действительно личных воспоминаний меня посещало только одно — вот я стою согнувшись над раковиной и пытаюсь избавиться от остатков последнего ужина, но во рту сухо, как в пустыне и я лишь напрасно терзаю горло...

И пленка! Эта самая, так хорошо мне знакомая сиреневая гадость уже тогда была в унитазе! Я еще побоялся пить воду из крана, потому что принял эту муть за радиоактивную пыль!

— Ну, — Потрепал меня по плечу Крюгер. — Вспомнил что-нибудь интересное?

— Да так... Муть всякая мерещится.

— Тогда кончай с ностальгией. Задерживаться здесь не резон — вояки контролируют центральный вход, могут сунуться следом.

— Да, — спросил я, приводя себя в рабочий порядок. — А почему здесь никто не

живет? Ведь какое козырное место!

— А хрен его знает, выражаясь по научному. Монолитовцы пытались этот бункер освоить, да что-то забросили.

* * *

Выход в подземный ход обнаружился за дверью со скромной табличкой «Топливный склад. Огнеопасно. Посторонним вход воспрещен». Надпись не врала — цисцерны для солярки и мазута здесь действительно имелись — но и всей правды не говорила: за фальшивым электрощитом располагалась еще одна дверь с кодированным замком, которую Доцент в три минуты открыл с помощью сканера. Как раз, когда он распахнул ее, где-то на поверхности ощутимо рвануло — взрывчатки наш пиротехник не пожадничал...

Крюгер, не оглядываясь, прошел примерно метров сто и остановился после первого поворота. Здесь ход расширялся, образуя как бы тамбур: отсюда шла лестница наверх, правда, заваленная, еще один заваленный ход вел налево, а основной маршрут продолжался прямо, но нормальный коридор превращался в трубу, наподобие той, что вела от Лаборатории к Свалке.

— Вот здесь пока и приземлимся. — Сказал Крюгер, скидывая рюкзак, шлем и доставая сигареты.

— Правильно. — Поддержал его Доцент. — Вы тут пока посидите, а я вернусь, поставлю там пару сюрпризов, а то как-то неуютно, когда тыл не прикрыт.

Разумеется, я спорить не стал: велено курить, так чего же лучше?

— А ты, Ботаник, парень спокойный... — Со странной интонацией протянул Крюгер, разглядывая меня сквозь сизые кольца табачного дыма. — Скоро сутки как мы идем, а ты до сих пор не спросил куда и зачем...

— Куда — это уже и так ясно. — Ответил я, стараясь попасть в тон. — А вот зачем? Это, действительно вопрос...

— А ты попробуй сам на него ответить!

— Это можно... Значит так: этого монстра пленочного мы, скорее всего трогать не будем — кому он мешает? Да и нет у нас при себе ничего подходящего — его ведь только сжечь можно, а это сколько ж горючки надо было взять с собой? Значит, основной интерес — в Лаборатории. Надеетесь там какие-то документы добыть?

— Вряд ли получится. Это ж не компьютерная игра, где папки просто на столах лежат — никто самого главного бумаге не доверит.

— А компьютеры?

— Мы уже обследовали две таких лаборатории. Везде одно и то же — все диски отформатированы! Там специальная программа стоит — если раз в неделю пароль не обновить, вся информация стирается автоматически. Да ты спрашивай, не стесняйся...

Вопросов у меня было заготовлено много. Но первым я задал тот, что на первый взгляд к делу не относился:

— Лично тебе, сталкеру, все это зачем? У тебя же все есть! Деньги, девки, власть, в конце концов.

— Ну, деньги после первого миллиона теряет смысл — на что их здесь тратить? Да и власть с девками — это еще не все. Свободы у меня нет, вот что. Я — джинн. Я все могу. А

Зона — это моя лампа. И пока я в ней, я — ее раб.

— Неужели нельзя договориться?

— Можно. Но на их условиях...

— А что изменится, если мы обследуем эту Лабораторию?

— Этот... пленочный монстр — близкая родня Монолиту. А Лаборатория — его колыбель. Поэтому в Лаборатории — ключ к Монолиту.

— Так вы что, с Монолитом собрались воевать?

— А с кем здесь еще, по-твоему, можно воевать?

Но тут вернулся Доцент и разговор наш временно прервался. Минер наш выглядел веселым и довольным — надо думать, оторвался по полной....

— Обсуждаем тайны Монолита? — Спросил он, усаживаясь прямо на пол.

— Есть такое дело. Вот Ботаник хочет выяснить, что же такое Монолит. Может ты ответишь?

— Никто путем не знает. — Сказал Доцент, обращаясь ко мне. — Чей-то навороченный суперкомпьютер, разумный кристалл из параллельного пространства, аномалия, которая генерирует и контролирует Зону — это только основные версии, есть и еще. Есть мнение, что никакого Монолита и вовсе нет, что это — просто иллюзия, которую смастерили Хозяева Зоны, которые на самом деле коллективный разум — они, типа, в колбах лежат и через трубочку питаются. Тебе какая версия по вкусу?

— Ни одна не нравится. Так что, давай свою.

Доцент хитро прищурился, достал «энергетик» (он у нас не курил, поэтому расслаблялся своим способом) и начал вещать, причем его интонации живо напомнили мне выступления Олега Васильевича.

— В параллельные миры я не верю — слишком фантастично и ничего не объясняет. Суперкомпьютер? Тоже маловероятно — поверь старому хакеру, сейчас не может быть машины такого уровня, чтобы могла управлять объектом такого уровня сложности. К тому же этот компьютер тоже кто-то должен контролировать, и тогда этот кто-то давно подмял бы под себя всю Зону, а не только Саркофаг. Дальше — что о нем достоверно известно? Расположен под Саркофагом, точно не управляет аномалиями, но паразитирует на мозге и нервной системе всех более-менее разумных существ, поэтому постоянно нуждается в притоке свежих мозгов. Точно известно, что каждый, кто до него доходит, теряет личность и превращается фактически в зомби. Так что, остаются головастики в колбах или квазиразумная аномалия. С учетом твоих приключений в Лаборатории, я склоняюсь к последней версии.

Вот оно как. И с такой научной базой эти люди собираются воевать? С кем? Получается, что с одной из версий....

— Я тебя, Ботаник, понимаю. — Мягко сказал Крюгер. — Ты хочешь определенности. Но у нас ее нет — мы как раз и ищем ответ на вопросы, из которых главный: является Монолит источником Зоны, или нет. Если по другому — останется Зона, если убрать Монолит, или он в ней просто вроде вируса в компьютере?

— Да на кой он вам сдался?

— Хороший вопрос! Существует целый мир, способный дать человечеству новые знания и уже обогащающий его артефактами, но живет он по откровенно криминальным законам, потому что его держат близорукие политики и нечистоплотные дельцы, а нормальной работе препятствует некая сила, явно враждебная людям. Неужели ты не хочешь превратить

Зону — нет, не в заповедник для экстремальных сафари, это самое примитивное извращение наших идей — а в нормальное средство развития, каким стал космос или Арктика? — Выдал Доцент.

Ну нет, когда вопрос встает таким ребром, я как-то сразу теряюсь. Развитие человечества, нечистоплотные дельцы... Зона как чисто научный полигон — звучит заманчиво, только вот куда они сталкеров денут? Возьмут на оклад? Да и утопично как-то это все. Хабар — это я понимаю... Стреляем много — так вся жизнь такая... Уничтожить Монолит — легко сказать! Между прочим, эта Зона мне всю жизнь поломала! Да у меня родной отец здесь остался, который в числе прочих это самое «чудо» и сотворил...

— Я-то может и хочу, да только....

— Что только?! — Перебил меня Доцент, входя в раж. — Я ж не говорю — сними штаны и умри за науку. Да ты и так здесь каждый день жизнью рискуешь! Думаешь, мы все такие наивные романтики? Да ничего подобного! Нет ничего более практичного чем хорошая теория, и ничего более разумного, чем научная экспансия! Зона — ключ к будущему, и кто его сделает — тот и будет им управлять! В конце-концов, у нас тоже есть система премиальных, ребята получают не меньше вояк! А не хочешь, что ж — можно и по другому! Крюгер вон как кот ходит сам по себе, однако...

— Ладно. — Сжалился надо мной Крюгер. А может ему не понравился переход на собственную личность? — Кончай человека по полной грузить. Он уже и так с нами. Вот подумает, и сам решит, что много хабара — это еще не главное счастье, есть и поинтереснее дела. Зона — это шахматная доска, где все клетки черные, фигурки полосатые, а игроков гораздо больше двух. Зато пешка здесь может вырваться не в ферзи, а прямо в гроссмейстеры....

— Ну уж тогда и ты, пожалуйста, кончай со своей философией экстремального нищезанятия. Мне твои теории, знаешь, тоже... — Обиделся Доцент.

— Все, замяли. — Засмеялся Крюгер. — Поговорили — и прекрасно. Самое главное сказали, а дальше... Короче — он резко сменил тон. — Лестница над нами ведет к больничному корпусу. Место насквозь гнилое, это одно название — больница, а на самом деле... В общем, мы ее завалили, чтоб снарки не лазили. Левый проход — к ЧАЭС, кто и когда его взорвал, я лично не в курсе. Так что ход один — прямо к подземному озеру. Сейчас герметизируем костюмы, надеваем маски — и вперед. Ты, главное, не бойся ничего, здесь уже ходили до нас и мы пройдем, только не забудь, как я скомандую, переключится на баллон со смесью...

Смешно сказать, но в этой трубе я буквально душой отдохнул. Приятно было ни о чем эпохальном не думать, а заниматься давно привычной и знакомой работой — идти через аномалии, которых здесь хватало. «Каруселей», слава богу, не было (в закрытых пространствах они не образуются), а это единственная аномалия от которой не спасает никакой скафандр. Зато «слизь» тянулась иногда на три метра и будь мы в стандартных сталкерских берцах, точно остались бы без ног. Чаще всего попадались «жарки» но они для нас уже проблемой не были. Хуже было дело с «электрами»: убить нас не убило, однако идти прямо через разряды, когда волосы на заднице и прочих местах просто дыбом стоят — это то еще удовольствие...

Но мы проскочили. Шли не меньше трех часов, меняя строй время от времени, потому что первому доставалось больше всех и долго даже Крюгер не выдерживал. В какой-то момент я полностью потерял ощущение времени и направления, но плутать здесь было негде

и за одним из поворотов — я как раз шел первым — мы вышли на тот перекресток, где мы с Дикобразом и прочей компанией выруливали на Свалку.

На лестнице вниз я невольно сбавил шаг, чем и спас свою личную жизнь — граната, брошенная из бокового прохода, упала мне не под ноги, а в трех метрах впереди, прием меня немного прикрывал лестничный пролет.

Я рухнул на ступеньки ближе к стене, вследствие чего не получил пару осколков в живот, а отделался всего лишь легкой контузией. Доцент и Крюгер были за поворотом, поэтому их вовсе не задело. Пока я тряс головой и отползал назад, Доцент, шедший следом, успел сориентироваться — он перепрыгнул через меня и разрядил свой подствольник за поворот.

Один — один.

— Бегом! — Гаркнул он и первым бросился в сторону Лаборатории. Когда я пробегал мимо бокового входа оттуда уже летели пули, но попало вскользь и по броне.

— Вот так, — сказал Крюгер, занимая позицию за ближайшим углом. — И здесь кислород перекрыли.

— Думаешь, вычислили нас? — Озабоченно спросил его Доцент, заряжая свой гранатомет.

— Вряд ли. Скорее просто выставили пост на всякий случай.

— Но нам от этого не легче...

— Фигня война! Сейчас отступим к Источнику, а туда они не сунутся. Видишь, даже в этот тоннель не рискнули зайти — монстра нашего бояться.

— Что делать будем? — Спросил я.

— Примем таблетки — мы по три, а тебе и одной хватит. Потом ждем...

Мы приняли, причем таблетки были совсем не похожи на те, которыми недавно угощал нас профессор.

— Значит так. — Сказал Доцент несколько заторможенным голосом. — Препарат подействует полностью минут через пятнадцать. Нас отключит до состояния овощей, тебя — только немного приплющит. Ты оставишь вот этот прибор ближе к воде — он сунул мне открытый и включенный планшет, — затем берешь нас под руки и ведешь в Лабораторию мимо Источника. Там занимаешь оборону и ждешь пока мы в себя не придем — это еще четверть часа. Дальше действуем по обстановке.

Этот план мне не очень понравился, но другого все равно не было. Все это время, сами понимаете, мы напряженно вглядывались в сторону неизвестного противника. Война нервов — кто первый высунется, тот и получит первую пулю. Играли — знаем.

Противник, кстати, недолго оставался неизвестным:

— Эй, Ботаник, ты там живой? — Крикнул один из метателей гранат.

— А это кто — Чумак? Не ты случайно там гранаты кидаешь? — Ответил за меня Крюгер.

— Я — ответил тот же голос, искаженный трубой. — Только я не случайно, я целился. Жаль — не попал...

— А ты хорошо посмотрел на кого хреном машешь?

— Крюгер что ли? — Испуганным наш противник, увы, не казался. — Удачно встретились. За твою голову тоже награда объявлена, да такая, что сразу из Зоны на Канары валить можно!

— Мою голову еще получить требуется!

— Ничего, получим! Ты знаешь, сколько со мной людей вышло?

— Сейчас будет меньше. — Пообещал Крюгер, но гранату кинул не сразу, а выждав полминуты.

Вряд ли он кого повредил, но разговаривать с нами больше никто не пытался.

— Пошли уже. — Сказал Доцент, с трудом ворочая челюстью. — Веди, Ботаник!

* * *

В пещере за прошедшие тридцать часов ничего существенно не изменилось. В тех же позах валялись трупы, так же резал глаза сиреневый отблеск от воды, привычно висли на мне тела спутников. Но это только внешне — а по сути, все здесь было совершенно не так. Я готовился к волне расслабляющей эйфории, поэтому заранее накачивал себя самым мощным стимулятором — страхом, благо, реальных поводов хватало. Где-то позади и все же слишком близко засели преследователи, все входы-выходы были уже перекрыты, а в темноте нас ждал не банальный кровосос, а близкий родственник Монолита.

Сейчас эта психотерапия работала против меня — то ли мое восприятие изменилось под влиянием принятой таблетки, то ли Источник сменил пластинку — но в пещере меня встретил не расслабляющий кайф, а парализующий ужас. Сердце начало давать сбой еще на подходе, а как только я увидел знакомую мглу, руки-ноги моментально обмякли так, что я выронил и Крюгера и Доцента, еще секунда и я бы с криком бросился обратно — Чумак с его людьми сейчас казались мне почти спасителями.

Короче, тот ужас, что я испытал двое суток назад перед входом в лабораторию, от Этого отличался как сквозняк от «карусели». Тогда я сел, откинул маску и закурил. После первой же затяжки вспомнился рак легких, после второй — смерть от удушья, гибель в дыму, газ фосген, о котором я в книжках читал, и просто детский страх перед первой сигаретой.

Набравшись таким образом храбрости, я заглянул внутрь. Вода плескалась у самого порога — озеро заметно разлилось. Я скинул перчатку и потрогал воду. Пальцы легко прошли через нее и наткнулись на приятно сухой и шершавый бетон. Иллюзия....

Однако, глазам мозг всегда верит больше, так что лед из желудка и пустота под сердцем никуда не делись. Тогда я вынул пистолет и в три нажатия курка разрядил всю обойму. Странно было видеть, как под водой высекаются искры из камня. Лежавший рядом Крюгер вскинулся и вслепую выдал очередь от пояса, едва не зацепив мое колено. Молодец — хоть и в отключке, а на стрельбу реагирует... Пули этой аномалии принесли вреда не больше, чем гайка — «жарке».

Оставалось последнее средство: я встал у входа, расстегнул штаны и совершил циничный хулиганский акт — вот это, как ни странно, немного подействовало. Во всяком случае, я хоть и чувствовал себя висящим на краю пропасти, все же смог застегнуться и сделать шаг вперед. Идти по воде и не проваливаться было жутко, перешагивать через трупы, что смотрели на меня в упор, было боязно, но я дошел до знакомого водозаборника и установил порученный Доцентом агрегат. После этого я бегом вернулся на исходную — и вовремя, потому что Доцент уже успел отползти назад метров на десять, а Крюгер почти вытащил кольцо из гранаты.

Как я перетаскивал их по одному на ту сторону уже и вспомнить не могу.

Более-менее я пришел в себя только в знакомой уже комнате отдыха, да и то, только

после того, как вколол себе последнюю ампулу «ВС-12». Здесь меня накрыло заключительным глюком — показалось вдруг, что никакого Крюгера и Припяти в моей жизни не было, что я так и не вышел из Лаборатории и вместе с Профессором, Дикобразом и Оператором просто сижу здесь и брежу которые сутки подряд. Я снял маску с ближайшего из спутников и немного пришел в себя — все же это был Доцент.

Таким образом, первую часть их блистательного плана я выполнил — не зря меня Крюгер отмазывал и прикрывал...

Порадоваться своей крутизне мне не дали — совершенно неожиданно зазвонил телефон, висящий на одной из стенок. Я был уверен, что это снова иллюзия, поэтому, не думая долго, снял трубку и сказал:

— Алло, Ботаник на проводе. Чем на этот раз пугать будем?

Такое начало смутило моего абонента, в трубке раздался странный сдавленный вздох и долгая пауза, затем Олег Васильевич — его голос я сразу узнал — закричал на таких обертонах, каких я и представить в его исполнении не мог.

— Прекратите немедленно, вы же просто не имеете права!

— Чего прекращать-то?

— Не смейте его трогать. Это же уникальный научный объект!

— Это вы про Источник? А мы его и не обижаем вовсе. Наоборот даже — исследуем в полную силу...

— Так вы не собираетесь его....? — Совсем тихо спросил Профессор.

— Говорю же — нет. Чего вы собственно волнуетесь?

— Попробуй тут не волноваться... Образцы конфисковали, а тут еще ваша банда экстремистов! Мне сказали....

— Вам соврали, как всегда. Лучше скажите, вы сами звоните, или...

Профессор не успел мне ответить. В телефоне произошла короткая заминка, а когда разговор возобновился, вел его совершенно другой человек — жесткий, собранный, властный.

— Ботаник, — сказал он как-то даже устало. — Вы уже достали всех своей самодеятельностью. Немедленно покиньте режимный объект — наемники выполняют наши приказы, так что жизнь я вам пока гарантирую...

— Сами что ли спуститесь за нами? — Стараясь быть наглым, спросил я. — Милости просим. Там уже лежит целая гора трупов, ваш будет украшением коллекции.

— Мне туда спускаться незачем. — Все так же холодно ответил собеседник. — Лаборатория заминирована, если не выйдете, я просто включу механизм ликвидации... Жду ответа пять минут, затем...

Дождаться моего ответа ему сегодня была не судьба. Грохнул выстрел и телефон разлетелся пластмассовыми брызгами, только трубка у меня в руках осталась. Один довольно крупный осколок торчал в моей щеке.

Я вытащил его и обернулся. В трех шагах от меня стоял на коленях Крюгер с пистолетом в руке и целился мне в лоб.

— Продать нас хочешь, сученок? Сколько тебе за меня обещали? — Руки у него не дрожали. Голос плыл, но только самую млость, а вот глаза были совершенно белыми и стеклянными, как бывало у Монаха после пятого стакана.

— Взорвать грозятся. — Шепотом сказал я, делая шаг в сторону.

Ствол пистолета сдвинулся за мной ровно на миллиметр. Мозги у Крюгера еще не

работали, а вот боевые навыки вернулись в полном объеме. Странное дело, но я успокоился и как бы даже развеселился — такое состояние испытывают многие сталкеры, вдоволь погулявшие по Зоне, когда чувство страха сперва притупляется, потом и вовсе исчезает, а взамен приходит равнодушие и желание, чтобы все закончилось, плевать как, лишь бы поскорее. Я уже видел такой синдром у Букваря, потом у Монаха, да и с Боцманом произошло то же самое.

А теперь пришла моя очередь: я с каким-то извращенным любопытством смотрел прямо в дуло крыгеровской «беретты» и прикидывал, успею я услышать грохот выстрела или нет?

Не услышал.

Моя нездоровая реакция притормозила Крюгера секунды на две, не больше, но он уже начал нажимать на спуск, потому что после стольких лет в Зоне проще выстрелить, чем удержаться, но Доктору хватило времени, чтобы выбить у него оружие из рук.

— Чего стоишь столбом?! — Заорал он, заваливая Крюгера на спину. — Бегом к Источнику! Датчики снимай, пока водой не залило....

Я не стал ждать повторного приглашения, рванул именно бегом, уже на ходу соображая, при чем здесь вода... Наверное монстр, которого они окрестили Источником, для каждого генерировал свой набор страхов. Поэтому Крюгера пробило на измену, а Доктора — на потерю научного оборудования. Еще бы сообразить, почему мне помстился потоп — я ж на Волге вырос, воды отродясь не боялся. Не иначе, так мое подсознание модифицировало мысль о гибели в закрытом помещении.

Мысли эти были глупые, совершенно ненужные, но они прекрасно отвлекли меня, не давая сосредоточиться на предстоящем кошмаре и....

Чумак ввалился в кухонный отсек аккуратно в ту минуту, когда я дошел до его середины. Нас разделяло десять метров. Оптимально расстояние для стрельбы из пистолета и я пристрелил его прежде, чем сумел понять, что делаю. Отработанный рефлекс швырнул меня в прогал между двумя холодильниками — и вовремя, потому что следом за Чумаком в лабораторию влетела граната.

Выждав полминуты после взрыва, я выглянул в проход. Новых нападающих не было, но в пещере гремели выстрелы и, судя по визгу рикошетов, они были самыми настоящими.

Тут обнаружилось совершенно дурацкое обстоятельство: я забыл взять «винторез». Случай невозможный — первое, чему обучил меня Букварь, это брать с собой оружие, даже если отходишь на метр от костра отлить под елку....

Пришлось взять «абакан» у покойного охотника на кровососов. Что характерно — кроме сделанной мной дырки во лбу у него имелось еще пара пробоин в спине.

Автомат мне почти не понадобился — сражаться было уже не с кем, это я понял сразу, как только включил ПНВ. Коллекция Источника пополнилась еще одним десятком свежих трупов: еще не рассеялся запах пороха, тела наемников валялись тут и там, подтекала кровь из ран, а в дальнем углу какой-то перец раз за разом втыкал нож в лежащего под ним коллегу, не замечая, что у самого в шее торчит что-то острое.

Нет вру — был еще один победитель. Он стоял на коленях и торопливо запихивал в рюкзак какие-то кости и стреляные гильзы. На мое появление он отреагировал только когда я подошел к нему почти на метр. Почему-то я совсем не удивился, узнав Кардана.

Охотник схватился за кобуру, но руки у него были заняты и пистолет он достать не сумел. Тогда он кинулся мне в ноги, пытаясь опрокинуть, но я предложенных правил борьбы не принял и просто снес ему череп одной короткой очередью.

Как-то так вышло, что никакого страха я больше не испытывал — одно сплошное любопытство. Подчинившись этому безобидному чувству я несколько минут бродил по пещере, переворачивая трупы и разглядывая лица — попадались среди них и знакомые, но близких среди них не было — и то слава богу. Экипированы ребята были на совесть — к их снаряжению явно приложило руки министерство обороны, во всяком случае, детекторы и гарнитуры связи у них точно были армейские...

Все совершенно было ясно — бойцы увлеклись погоней за нами, подошли к Источнику слишком близко и попали под излучение. Что мог внушить этот монстр таким орлам? Конечно, призрак каких-то сокровищ. Все остальное было только неизбежным следствием — смотри фильмы о пиратах и поисках кладов...

Так, размышляя и разглядывая, я добрел до искомого прибора — с ним, конечно, ничего не случилось, — полюбовался на змеящиеся под водой щупальца, осмотрел водозаборник — интересная система....

Пуля ударила в это устройство, так, что гул пошел как на колокольне.

— Эй, Ботаник! — Крикнул мне Крюгер. — Ты идешь, или тебя все же подстрелить за компанию?

* * *

Они обыскивали Лабораторию. Быстро, планомерно, со вкусом — сразу чувствовался навык и интерес. Крюгер — хмурый, нервный, но уже ни в кого не стреляющий — снимал с компьютеров диски, видимо надеялся все же хоть что-то восстановить. Доцент осматривал шкафы и оборудование, заглядывая в уцелевшие бумаги, кое-что складывал в сумку. Один я получился здесь не у дел.

И даже угроза предстоящего взрыва их почему-то мало беспокоила.

— Механизм, говоришь, включит? — На ходу уточнил Доцент. — Это ничего — значит полчаса у нас в запасе точно есть.

— Всего полчаса?

— Не всего, а целых... Да ты не дрожи, система стандартная, полчаса дают на эвакуацию — я уже имел с такими дело...

— Отключить ее можно?

— Никак. Даже с их пульта. Термический заряд закладывается равномерно в каждом помещении, так чтобы стены остались, а все содержимое выгорело в ноль — на Припяти под больницей так Х-9 ликвидировали.

Вот так. Их живьем собираются жарить, а они оценивают марки и модели микроскопов — фанатики науки, мать их!

Я принял себя — может это только нервы, но в затхлом воздухе подземелья мне отчетливо почудился запах гари. Нет, не почудился — Крюгер натянул маску.

— Вот теперь даем в темпе — приказал Доцент, уже не глядя хватая со стола какие-то папки. — Эффект нарастает взрывообразно!

Взрывообразный эффект уже вполне ощущался даже через фильтрующую маску — все таки у горящего пластика совершенно удушающий пронзительный запах. Первую струйку дыма я заметил в тот момент, когда мы проскочили оружейку, а когда выбрались на лестницу, появилось уже и пламя — слава богу, не у нас на пути, а где-то в районе кухни.

По иронии судьбы мой поход в Лабораторию заканчивался там же, где и начинался — в тамбуре с табличками «Не влезай — убьет». Сейчас я бы с удовольствием и сам добавил пару слов, только вот маркера с собой не было. Для полного консенсуса оставалось прогуляться по первому и второму уровням, а затем вернуться в наш заваленный бункер — это как раз было реально, потому что ключи за ненадобностью я спрятал возле входа.

Дело к тому и шло — за закрытой дверью гудело и дрожало, набирая обороты, пекло, что страшнее всякой «жарки». Термический боеприпас был близкой родней вакуумному заряду, никакие костюмы не спасут. Кстати, стальная дверь уже ощутимо нагрелась.

— Что там дальше? — Спросил у меня Крюгер.

— Проход закрыт «жарками», пройти его можно даже без спец костюма. Сейчас мы уже на первом уровне, только основные входы уже завалены.

— А второй доступен? — Уточнил Доцент.

— Вполне. Там лестница, чего ей сделается? Он нам нужен?

— Да. Надо еще кое-что отыскать...

Задавая последний вопрос, я надеялся, что речь идет о каком-нибудь выходе, мне неизвестном. Поэтому ответ Крюгера ошарашил меня не хуже, чем Калым-покойник прикладом своего «калаша».

— А выход? — спросил я, все еще надеясь, что это какая-то ошибка, что вот сейчас они надо мной посмеются и скажут, что есть еще какая-то отдушина, что мы здесь заживо не похоронены, что...

Что-то такое они на моем лице прочитали, потому что Доцент отложил в сторонку свои драгоценные трофеи и навалился на меня всей массой. Тогда я начал отбиваться и, кажется, что-то кричал. Укола у не почувствовал, только левое бедро вдруг онемело, холод от него стремительно поднялся вверх и стиснул голову как обручем.

Приступ клаустрофобии прекратился, толком не начавшись.

И пока я лежал, ко всему равнодушный и тихий, как граната без запала, Крюгер все чего-то бормотал успокоительное, хорошо хоть по голове как ребенка не гладил.

— Спокойно, Ботаник, все под контролем. Здесь спокойно и безопасно, припасов у нас суток на двое осталось, изоляция хорошая — даже запаха нет, отсидимся. Термит горит полчаса, за сутки все остынет до нужного градуса, выйдем обратно через пещеру, тебе же не впервой? А там есть выходы на Свалку, на Припять, дренажные трубы, которыми Бамбук тогда прошел — выходов много, только не надо так нервничать.... Ну, что — нашел? — последний вопрос он задал не мне, а Доценту.

— Вроде бы да. — Ответил тот, колдуя над приборами. — По расчетам он должен быть, присутствие ощущается.

— Что ж, времени навалом. Готовь детектор, будем искать...

Доцент довольно долго возился со своей техникой, что-то выкладывал из рюкзака, что-то откладывал за ненадобностью в угол, скачивал информацию на флешки и КПК. Мне все это было уже до лампочки, даже неинтересно было знать, каких таких очередных приключений на задницу они там собираются искать. В голове было пусто, на душе гадко, а грязный холодный бетон — это, ей богу, не самое худшее место для отдыха. Времени — вагон...

— Слышь. Ботаник? Мы тут маленько еще погуляем, а ты полежи пока, коктейля выпей, — Крюгер сунул мне в рот зажженную сигарету, а в руку — банку «нон-стопа». Еще секунда и их рядом не стало.

Расслабиться по полной на левом боку мне помешали магазины с патронами, что лежали в карманах разгрузки. На правом — то же самое, плюс пистолет в кобуре. На спине лежать было нельзя из-за баллонов со смесью, а на животе мне было просто неудобно — пришлось сесть. Оставленная сердобольным Крюгером сигарета истлела без пользы, пришлось прикурить новую, а там и до «энергетика» дело дошло. Все равно уже, действие препарата кончалось — это я понял, благодаря появлению чувства стыда, которое овладевало мной все сильнее и сильнее.

Олдовый сталкер! Яantarь и Склады он прошел, молодых поучал и с Боцманом спорил — видел бы меня сейчас Крот...

Между прочим, за последние пару дней я принял стимуляторов разных систем больше, чем за предыдущие полгода, потому и настроения мои колебались как у начинающей девицы в переходный период. Так, например, последнюю истерику легко было объяснить отходняком после «ВС», которая так здорово поддержала меня во время последнего выхода в пещеру...

Самоуважение, таким образом, было мной частично восстановлено, однако теперь сидеть тут рядом с несвежим трупом, было совершенно невозможно и я включил свет. Ну, во всяком случае, бросать меня одного они явно не собирались — иначе Доцент на за что не оставил бы вместе с лишним оборудованием свою винтовку.

Я прихватил ее с собой — хоть здесь и пусто, а без оружия в Зоне ходят только полные дикобразы! Так ему и скажу.

* * *

Это подземелье уже стало для меня привычным, как закоулки возле Бара, поэтому «жарки» я прошел с налета, еще пару коридоров миновал почти не оглядываясь и притормозил только возле последнего поворота перед площадкой с лифтом. Остановил меня суший пустяк — запах курева. Крюгер, конечно, тоже курил, однако он потреблял нечто фирменное с ментолом, а здесь пахло чем-то вполне российским и ядреным, типа армейских бронебойных.

Осознав этот факт, я скромненько присел у стенки и начал слушать. Долго ждать не пришлось:

— Ну что, долго будем в молчанку играть? Или прострелить тебе ногу, чтоб голова быстрее работала? — Сказал голос, который я запомнил раз и на всю жизнь. Если б мог, то услышав его, я непременно забился бы куда-нибудь под плинтус...

Между прочим, для Комбата такой тон можно было считать почти просительным — обычно он сначала стрелял в ногу, а потом уже задавал вопрос повторно. Его сверхъестественную вежливость я мог объяснить только авторитетом, которым повсеместно пользовался Крюгер. Даже у наемников.

Да, это были они! Чем хотите клянусь, ни разу ни по дороге в Лабораторию, ни в пещере, ни потом, я не вспомнил о бригаде, засыпанной в подземелье в результате обстрела. А они сидели здесь уже двое суток и от голода им было помирать пока рано. Вот и Крюгер о них не подумал...

Если верить часам, со времени нашего расставания прошло меньше часа. Скорее всего, борцы с Монолитом просто вышли на наемников, увлекшись поискам неизвестно чего, а

значит допрос продолжался достаточно давно. Что ж — очень удобный случай реабилитироваться после минувшей потери лица, тем более, что другого выхода у меня просто нет.

Прокрутив в голове все, что требовалось сделать, я приготовил доцентовскую «ТРСку» — она для предстоящего дела подходила лучше, потому что магазин в три раза больше — и тихо-тихо, буквально по миллиметру, сократил расстояние до угла.

— Все, Крюгер. — Сказал Комбат. — Считаю до трех и валю твоего яйцеголового. Потом займемся тобой, дипломатия кончилась...

— Считаю до одного — сказал я. — Быстро все опустили оружие, у меня граната в подствольнике!

Речь была построена правильно. Высовываясь из-за угла, я видел все помещение: сидящего в дальнем углу Комбата с фляжкой в руках, еще троих сбоку от него, Крюгера и Доцента, стоящих у противоположной стенки — и промахнуться не мог. Где-то рядом могли быть еще бойцы, но оружия наготове никто не держал и завалить двоих-троих одним магазином, я мог вполне. Затем следовало отступить назад и встретить остальных из подствольника, а дальше у меня оставался «винторез», «стечкин» и некоторое пространство для маневра. Выжить в этом случае вряд ли возможно (не тот противник) но красиво и легко умереть — вполне.

Повисла пауза, но очень недолгая — соображал Комбат хорошо, а главное, быстро...

— Верните им оружие. — Сказал он спокойно.

Крюгер подобрал свой «вал», Доцент подхватил ближайший «калашников» и оба встали по углам, взяв наемников в клещи. Их, между прочим, было всего шестеро, считая Комбата.

— Ну что? Будете стрелять? — Весело спросил наемник. Испуганным он не выглядел, не исключая, что все происходящее ему просто нравилось за остроту ощущений.

Я был уверен, что Крюгер сейчас выстрелит, даже наметил себе следующую после Комбата мишень, но наш старший снова меня удивил: он опустил автомат и спокойно сел у стенки.

— Будем разговаривать. На чем мы там остановились?

— Согласен. — Легко сказал Комбат. — Предлагаю считать предыдущий инцидент чистым недоразумением. На повестке дня стоит вопрос — как сюда попал Ботаник и нельзя ли нам всем уйти этим ходом? Лучше, если он начнет издалека.

Хрупкий мир не стоило обострять. А поскольку скрывать было особенно нечего, я вкратце обрисовал здешнюю географию, упомянув о своем первом путешествии и продолжающемся внизу пожаре.

— Во как? — Задумчиво протянул оппонент, выслушав мою историю. — Значит, ты уже проходил тем коридором, причем — налегке?

— Было дело. Там, конечно, круто, но если быстро и вдоль стенки...

Продолжение его уже не интересовало. Комбат допил воду из фляжки, перебросил ее Доценту и повернулся к своим.

— Ну? — просил он мягко и улыбаясь — если б здесь росла хотя бы плесень, она бы от этой улыбки обязательно засохла и рассыпалась — Кто у нас проверял тот коридор на предмет проходимости? Ты Череп?

— Я... — бледнея на глазах просипел крайний из наемников...

Череп наверняка приготовил целую речь, только его никто и слушать не собирался. Комбат достал из кобуры пистолет и выстрелил Черепу в переносицу. Остальные наемники

вздохнули с явным облегчением. Я, впрочем, тоже не был удивлен. Нравы наемников мне были известны не понаслышке — Комбату срочно требовалось сорвать злость, восстановить авторитет, а косяк за Черепом выходил серьезным по любым меркам. Так что, ошарашенным выглядел только Доцент. На всякий случай я этот факт отметил — в «Свободе», при всей ее немереной крутизне, явно культивировались другие нормы общежития.

— Так что вы там говорили насчет входов и выходов? — Продолжил наемник, убирая оружие. — Или вы тут всерьез собрались от голода помирать?

— Выход через Лабораторию отпадает. — Ответил Крюгер. — Дверь от жара заварилась изнутри, никаким инструментом ее не возьмешь, а взрывчатки у нас больше нет.

— У нас есть маленько. — Деловито сказал Комбат. — Но это на крайний случай, все равно туда сейчас не сунешься.

— Тогда придется землю рыть. — Сказал Доцент, показывая на кучу, завалившую половину помещения.

— Пробовали уже. — Тихо ответил один из наемников, сосед невезучего Черепа. — Чем ты думаешь мы тут занимались все это время?

— Ну и как?

— Хреново. Пока откапываем, новая сверху валится. Были бы лопаты, имело бы смысл, а ножами, это просто смех один — и он безнадежно махнул рукой.

— Может быть, — предложил я. — попробовать через наш старый бункер?

— А ты что, можешь двери открыть? — Заинтересовался Комбат.

— Легко!

Самой сложной частью этого трюка оказалось проникновение к двери через завал — наемники прорыли самый узкий лаз, какой только можно было сделать, да и тот под самым потолком. Зато у дверей было чисто, а ключи я нашел там же, где и оставил: в углу, под обломками ящика.

Крекс, пекс, фекс — и стальные створки раздвинулись. Первым в наше подземелье шагнул Комбат, решительно подвинув меня плечом. Между прочим, к заваленной двери они не бросились — ею занялся Доцент — а вместо этого устроили форменный обыск в колхозной спальне. Перед этим, правда, допили всю воду, что нашли, но как-то мимоходом.

— Чего это они? — Спросил я у Крюгера.

— Сокровища ищут. Или ты думал, что он меня о выходах выпрашивал? Тогда ты плохо о них думаешь, Ботаник. Стал бы я в партизана играть, если б все было так просто...

— Дверь придется срезать. — Доложил Доцент, закончив осмотр. — За ней завал. Не камни крупные, так что пробуриться реально, даже воздух немного проходит.

— Так действуй. Чего стоишь? — Сказал Комбат, продолжая осмотр помещения.

— Инструменты нужны, возвращаться придется...

Доверие Комбата к нам не было безграничным — с ними остался Доцент, а с нами увязался тот парень, что жаловался на отсутствие лопат, но он моментально отстал, едва завидел «жарки». Боязнь аномалий — самое слабое место наемников. На двуногую дичь — хоть на пару кровососов, хоть на взвод спецназа они выходят легко, а перед какой-нибудь «электрой» моментально пасуют.

Крюгер первым делом проверил дверь — за то время, что меня не было она только сильнее раскалилась, поворотный механизм даже не шелохнулся.

— Получается, — сказал Крюгер, смазывая кремом обожженные руки, — что тебя я обманул, а им сказал правду...

— Неважно. Все равно они нас одних не отпустят — скорее завалят в спину, чтоб костюмы отобрать.

— И то верно... Ну что, пошли?

— Подожди, — спросил я, пристраивая на спину рюкзак. — А что вы там все же искали?

— Теперь уже неважно. «Колобок», если по вашему.

— На какой...? — удивился я, сбиваясь с шага.

— Он возникает в областях, где имеется длительное пси-воздействие. От него же и блокирует. Пару штук мы нашли у Радара, но один пришлось отдать ученым. Был бы второй — можно было бы планировать рейд к Монолиту.

— Во как? Ну тогда держи. Планируй. — И я протянул ему фляжку Монаха.

На секунду мне показалось, что он меня стукнет. Потом — что он лопнет от смеха. Но Крюгер ни того, ни другого не сделал — он вернул фляжку мне.

— Пусть у тебя хранится, ты парень везучий. На вот еще для комплекта. Выберешься — нашим передашь. Заплатят по полной ставке, у них с этим строго. — И он вручил мне флешку...

До чего мне не хотелось ее брать, это слов таких нет в русском языке, объяснить — все мои нынешние подвиги начались именно с такого подарка. Но я ее, конечно, взял и спрятал в ту же фляжку. Только спросил:

— Что это?

— Результаты замеров и прочие данные по Лаборатории.

Обсудить эту тему нам не удалось — подал голос оставленный снаружи наемник. Что он там орал за гулом «жарки» слышно не было, но и так было ясно, что хлопчик уже весь в панике и сейчас начнет стрелять.

— Идем уже! Идем! — Крикнул ему Крюгер и на том наш разговор закончился. Забегая вперед, скажу, что он вообще был последним...

Пока мы гуляли, Доцент успел расчистить рабочее место. Он сразу же схватился за мешок с инструментами, достал из него болгарку и начал резать петли на двери.

— Потихе нельзя? — Спросил я его в перерыве. — Там наверху вояки могут быть!

— Отвянь, Ботаник. — рассеянно ответил наш интеллигентный ученый. — Когда ты только научишься решать проблемы по мере возникновения? Из Лаборатории мы вышли? Вышли! Выход нашли? Нашли! Теперь будем его открывать. Появятся военные — и сними решим...

Слышать такое от ученого было по меньшей мере странно и я бы нашел ему что возразить, но тут меня отвлек радостный возглас Комбата. Пока мы тут занимались всякой ерундой, типа спасения его шкуры, он расковырял вентиляционную шахту и сейчас любовался на добычу — коробку с наличными и четыре контейнера с артефактами.

— Чья заначка? — Спросил он у меня.

— Колхозный общак. Глыба прятал для расчетов. А хабар просто сдать не успели.

— Кому ты мозги пудришь, сынок, — Ласково спросил он. — Полста тысяч налом для покупки патронов и тушенки? Да и хабара здесь прилично, вряд ли вы такой урожай брали с одного Выброса.

В чем-то он, конечно, был прав. Но мне об этом думать не хотелось...

— Претендуешь на долю? — Деловито спросил Комбат.

— Нет. — Подумав ответил я. — Ушел так ушел, моего здесь ничего не осталось.

— Молодец! — Сказал он и хлопнул меня по плечу.

И дальше уже ни во что не вмешивался — мы работали, сустились, а он так и просидел в дальнем углу, улыбаясь чему-то. А еще считал и делил добычу, причем в этот момент жутко напомнил мне Глыбу.

А мы работали. То есть, главное дело делал, конечно, Доцент: пилил бетон, резал автогеном арматуру, кое-где добавлял кислотой, — но и нам хватило помогать.

Я и раньше не завидовал всяким там шахтерам или спелеологам, так что разочарования не испытал — как я и думал, прогрызть ход оказалось намного сложнее, чем двинуть такую идею. Час шел за часом, все помещение заполнилось пылью, гарью и обломкам бетона, я уже дважды менял Доцента, чтобы дать ему отдышаться, а мы все еще сидели в этой ловушке.

Постепенно, я начал врубаться в проблему. На первый взгляд все было не так плохо: вход в подвал начинался под самой стеной, фугасная волна прошла со стороны болота, поэтому на нас рухнула только стенка, а не перекрытия второго этажа и крыша. Плиты легли как бы шалашиком, что позволяло Доценту маневрировать между ними — следовало всего лишь прорезать их насквозь и мы свободны.

Но стройную теорию порушил второй налет, который заново перетряхнул все руины, возникли дополнительные сложности, сути которых я так и не понял. За три часа Доцент раскрошил две плиты, что-то где-то поставил враспор, что-то где-то поддомкратил...

А, неважно это все! Главное, что наш механик выглядел бодрым и энергичным, верил в победу и нас заряжал. Наемники сидели тихо, если надо — помогали оттаскивать тяжести. Процесс, хоть и не так быстро, как хотелось бы, — но продвигался. В какой-то момент я слегка задремал, поэтому освобождение застало меня врасплох.

— Тихо, тихо, куда лезете? — Загородил вход Доцент, отгоняя наемников — эта суэта меня и разбудила. Он приготовил уже знакомый мне датчик и высунул щуп наружу, напряженно вглядываясь в экран.

— Не хочу вас расстраивать, но нас, кажется, окружили. — Сказал он севшим голосом, отключая ноутбук.

— А вы как думали? — Сказал веселый голос снаружи. — Считаем до трех, кто не выйдет, получит гранату!

И мы вышли, куда же деваться...

* * *

Темная Долина была красивым местом — до недавних пор. Сейчас все изменилось: на месте озер и моста расположилось пятно жидкой грязи, заваленное мусором и камнем, те деревья, что не свалили, так сожгли, а взамен бывших корпусов виднелись груди горелого камня. Без них Долина выглядела какой-то голой, лишь емкости бензоколонки торчали по прежнему бодро, хотя и украсились множеством дыр. Прежний ландшафт уцелел на окраинах, да и то если смотреть издалека, а так всю зелень пулеметами посекали.

И тем не менее, несмотря на такой грустный финал, оказаться наконец на свежем воздухе было приятно. Пахло сырой землей, свежесрубленной древесиной и, к сожалению, гарью. Зато не было давящей тяжести перекрытий над головой, а лицо охлаждал нормальный ветер, а не сквозняк, настоящий на пластике и мертвом бетоне.

Век бы так сидел и дышал полной грудью, тем более, что охрана вовсе не спешила нас

куда-то конвоировать. Нас троих сразу отделили от общей толпы, слегка обыскали на предмет скрытого оружия, забрали разгрузки и броники, после чего отвели в единственному уцелевшему строению — автобусной остановке. Тут мы и сидели в ряд, а трое «спецов» с «абаканами» бдительно следили за нашим поведением.

Что характерно, наемников оставили на месте захвата и выстрелов с той стороны я что-то не слышал. Неужели отпустят? Не удивлюсь. Как там говорил Крюгер: фигурки полосатые, доска вся черная, а игроков больше двух? Похоже на то! То-то Комбат не выглядел особо удрученным, а с командиром только что за руку не поздоровался....

— Слышь, Ботаник. — Попросил Доцент. — Дай сигарету. У Крюгера с ментолом терпеть не могу.

Я выдал ему и сам тоже закурил. Конвоиры слова не сказали, значит можно. Между прочим, в моей пачке осталось целых три штуки — удастся ли докурить, вот вопрос?

— Курите, курите... Пока разрешаю! — Командир объявился совсем с другой стороны, подошел бесшумно, как профессионалу и положено. Скинул маску, тоже задымил.

Кравченко. И уже опять капитан... Час от часу не легче. Первая сволочь по всем статьям — пять лет назад пришел майором, с понижением перешел к украинцам в «Днепр», дослужился до майора и потом, точно так же, со скандалом и понижением — в «Неман». Это он убил Чесотку за то, что тот назвал его мудаком, Керосина — за то, что тот отказался отжаться, и еще многих — совсем без причины... Но это было три года назад, когда он держал блокпост между Кордоном и Свалкой. На моей памяти сталкеры к нему уже близко не подходили, так он их просто из винтовки отстреливал. Сука!

— Ну вот, все и в сборе. — Довольным голосом сказал он, отбрасывая окурок. — В огне не сгорели, от пули убежали, под землей не задохнулись — не зря я отказался пост снять... Что скажешь, Крюгер?

— Ты сначала дорасти хотя бы до майора, тогда и поговорим. — Спокойно ответил наш старший.

— Храбрый стал, да?! — Моментально завелся трижды капитан Кравченко. — Думаешь, стал такой птицей, что тебя и пристрелить уже нельзя? Так тебе это на пользу не пойдет, больше тебя никто уговаривать не собирается!

Кравченко шагнул вперед и врезал Крюгеру под дых.

— Этого — В машину. И наручники не забудьте. — Приказал он паре бойцов, что подошла вместе с ним.

Крюгера волоком оттащили в сторону бензоколонки.

— Ну, с вами, голуби мои, все ясно.... — Протянул он, разглядывая нас двоих. — Господин Доцент, который считается без вести попавшим, за что жена его страховку получила. А он вот где — по подземельям лазит... ну, не будем нарушать финансовую отчетность, пропал, так пропал...

Капитан достал из кобуры табельный «макаров» и выстрелил Доценту в голову. Затем он начал поворачиваться ко мне. Ассортимент его шуток был мне известен, а финал предсказуем, поэтому участвовать в его шоу я не стал — врезал ему ногой в колено и прыгнул на ближайшего спецназовца. Все же, получить пулю в спину на бегу, приятней чем в лицо — мне так кажется.

Мой последний выход оказался неожиданно удачным — я сбил солдата с ног и рванул в сторону сожженного строительного вагончика — там у нас имелась «карусель» которая на первых порах вполне могла прикрыть от пули.

Я бежал по колючей траве, налегке и последний раз в жизни, поэтому скорость развил очень даже приличную. Мне стреляли вслед, но похоже, попасть не особо стремились, а так — развлекались для начала. Убить меня прицельной очередью было бы с их стороны непростительным гуманизмом.

Так, петляя на ходу, я добежал до развалин «свинофермы». Здесь пришлось лечь и перейти на пластунский метод передвижения, прямо брюхом по камням, вперед, к болоту. Солдаты топали берцами сзади, но угнаться за мной в полной боевой не могли, поэтому просто стреляли на ходу над головой, не позволяя подняться. Удивительно, но и развалины я преодолел. На одну короткую секунду я поверил, что и впрямь могу уйти, поэтому вскочил на ноги...

И тут же рухнул обратно — ударило в бедро и левый бок, но боли пока не было, только нога и вся левая сторона выше пояса онемели. Уже на одних руках я дополз до канализационного колодца, достал из кармана куртки злосчастную простреленную фляжку и сунул ее в провал, сбоку, там где земля обвалилась.

На этом миссию можно было считать выполненной, оставалось только увести их подальше от импровизированного тайника. Уже на голой амбиции я прополз еще метров пять и покатился прямо в овраг, что спускался к отстойнику.

Серое небо над головой, трава в рот, веткой по морде, носом по грязи, опять небо сверху — и вот я уже лежу спокойный-тихий, завершивший как сумел свой последний выход, а на меня стремительно надвигаются фигуры в камуфляже...

Так прошло пять секунд, десять, а никто меня не добивал и не спешил месить тяжелыми ботинками. Приподняться не удалось, но зрение я слегка сфокусировал: чье-то лицо маячило в высоте, с некоторым удивлением я распознал длинные рыжие волосы, зеркальные очки, совершенно неуместную здесь бейсболку.

Клара Игоревна, давно не виделась. И правильно — где же ей еще быть, когда такие дела в Зоне творятся?

— Ребята, это Егор! Помните, Оксана о нем говорила?

— Это который нас здесь от кровососа прикрыл? — Деловито уточнил мужской голос.

— Если верить Олегу Васильевичу, да.

И тут же меня начали тормошить, затрещала упаковка бинта, мелькнула рука со шприцем...

— Отставить! Что здесь происходит? — Кравченко я не видел, но голос его позабыть не успел. Догнал-таки, сволочь, значит не сильно я ему колено подковал...

— Оказываем помощь раненому. — Решительно сказала Клара. — Или у вас есть другие предложения?

Еще полгода назад он добил бы меня в присутствии кого угодно, хоть корреспондента Си-Эн-Эн. Но видно что-то изменилось в нашем мире, похоже, что и сам капитан был уже не тот...

— Оказывайте на здоровье. Опасности он уже не представляет, однако его необходимо представить в комендатуру, так что — позвольте...

— На ваше усмотрение. — Фирменным бархатным голосом ответила телеведущая.

— Прекратите съемку! Немедленно. — С угрозой зарычал капитан.

— И не подумаю. У меня разрешение коменданта, тем более что...

Что там у нее еще тем более было я так и не узнал — отключился минут на... в общем, окончательно отключился.

Осталось рассказать совсем немного. Меня положили в госпиталь, но не в тюремную больничку, а в Клинику при Центре, так что я так и вернулся туда, откуда начал. Даже большая часть персонала была мне прекрасно знакома, только отделение было другое — хирургия вместо неврологии. Но и там я тоже побывал, потому что кроме двух сквозных ранений эскулапы обнаружили у меня еще и нервное истощение, которое не столько лечили, сколько исследовали.

Следователи и прочие личности в штатском меня пока не беспокоили, хотя уже пора бы — вчера я самостоятельно докостылял до туалета, чего еще ждать-то?

Один раз пришла... Ксюха. Она, как выяснилось, твердо намерена работать в здешнем Пресс-центре, сейчас помогала Кларе делать фильм и готовит диплом по Зоне: что-то типа «общественного сознания», «стратегии СМИ», «дискурс новостных материалов» — там еще было много всяких умных слов, но это я и в нормальном состоянии вряд ли смог бы запомнить. В общем, встреча получилась теплой, радостной, сумбурной, но вовсе не такой, о какой я мечтал...

Ксюха стала вся новая, столичная и взрослая, слишком много и деловито расспрашивала о Зоне, спасибо, хоть диктофоном в нос не тыкала. И взамен оставила мешок новостей: Динка все еще в Австралии, но собирается приехать на недельку в Москву, Артур заканчивает свой физтех и пишет диплом по «каруселям» — специалисты заранее хвалят.

Самого для меня главного — о ситуации в Зоне она так толком ничего и не сообщила, так — пересказала содержание дискуссии в блогах и оставила пачку газет, три литра сока и арбуз.

Ни хрена в них нету интересного!

А вот Олег Васильевич, что приходил позавчера, был содержательнее. Во-первых — мне вроде бы полагается амнистия, они с Дикобразом уже хлопотали. Во-вторых, амнистию дали всем, кто уцелел в Припяти и еще некоторым, из тех, кто сдался добровольно. Но таких пока немного, потому что народ думает. Серьезных изменений нет, в Зоне пока тихо, как всегда бывает после большой крови. Сидор на месте и шлет мне привет. На Кордоне новых людей нет, потому что вояки пока чего перекрыли Периметр по-настоящему, а не как раньше. Представители ООН после пережитых потрясений неожиданно решили, что страны СНГ вполне способны контролировать ситуацию, и своих собираются вывести, оставят одних ученых. То-то напьются на радостях в нашей комендатуре — теперь вся Зона за ними! Олега и Дикобраза увезли долечиваться в Москву.

И все — ушел, пообещав вернуться...

Чем дышит народ в баре, чья теперь Припять, как там дела у «Свободы» и чем закончился общий поход на Радар, он обсуждать не пожелал, а может и правда — не в курсе. Эх, мне бы сейчас КПК — уже к вечеру знал бы всю картину...

Ну ничего, скоро узнаю — утром я видел Катану. Шла, вся такая в белом халате, по коридору с сумкой для передач, прошла мимо и плечом задела, хотя проходы здесь достаточно широкие. Как выяснилось, волосы у нее все-таки темные, а глаза натурально зеленые. В халате ей лучше, чем в комбезе, хотя тоже ничего не разглядишь...

Больше книг на сайте - Knigolub.net